

Rossijskaja Akademija Nauk
Institut Vseobščej Istorii, Centr Germanistik
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

и
«МЮЛЬХАЙМСКАЯ ИНИЦИАТИВА»

Serijskaja Rossijskaja, Germanijskaja
Серия Европа

РОССИЯ+ГЕРМАНИЯ+ЕВРОПА

Исследования, публикации
Issledovanija publikacii

Издательская коллегия серии

АЛЕКСАНДР ЧУБАРЬЯН
ЯКОВ ДРАБКИН, ГАНС-АДОЛЬФ ЯКОБСЕН

Выпуск

3

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОЛГОГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА «РОССИЯ-ГЕРМАНИЯ»

ОБЩЕСТВО ВИЛЛИ БРАНДТА

ФОНД ФРИДРИХА ЭБЕРТА

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ

2. druga svetovska vojna

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

и

ПРЕОДОЛЕНИЕ

preodolenje

ТОТАЛИТАРИЗМА

totalitarizma

Rossijsko-germanskoja konferencija

Российско-германская историческая

конференция историков Volgograd e

в Волгограде (май 1995 г.) (naš SSR)

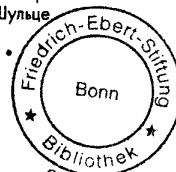
Red

Редакционная коллегия:

Я.С. Драбкин – ответственный редактор

А.И. Борозняк, В.Н. Попов, П.В. Шульце

Ja S. Drabkin ...

A 98 - 08369

Москва

Moskva

• Памятники исторической мысли •

1997

Пам'ятники історичної
мислі

Публикуется при финансовой поддержке
Представительства Фонда Эберта в Москве

В87 Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма /
Отв. ред. Я.С. Драбкин. М.: Памятники исторической
мысли, 1997. – 125 с. (Серия "Россия–Германия–Европа".
Вып. 3)

ББК63.3(0)62

СОДЕРЖАНИЕ

Петер В. Шульце. О тоталитарных системах (<i>Введение</i>).....	5
<u>Часть первая. Война и антифашистское Сопротивление</u>	
В.П. Зимонин. Коренной перелом на советско-германском фронте.....	13
С.Н. Михалев. Цена войны: демографический аспект.....	21
А.А. Ямковой. Вклад Украины в разгром нацистской Германии.....	26
Герд Р. Юбершер. Немецкое сопротивление нацизму в конце войны: возможности и пределы.....	31
Инге Марсолек. "Если бы об этом знал фюрер!.." Немецкие будни тотальной войны.....	36
Г.Н. Сапожникова. Психологические аспекты антифашистского движения.....	40
А.И. Борозняк. Российская историография НКСГ.....	43
В.Н. Попов. Вилли Брандт и антинацистское Сопротивление.....	49
Н.Э. Вакшау, Е.А. Алексеева. Российские немцы в трудармии.....	56
В.П. Галицкий. Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства СССР.....	63
<u>Часть вторая. Тоталитаризм в Германии и России</u>	
Я.С. Драбкин. Преодоление тоталитаризма и российско- германские отношения.....	73
Гейнц Тиммерман. Германско-российские отношения в контексте обшеевропейского сотрудничества.....	78
Хельга Гребинг. Чему учит история европейского рабочего движения.....	84
И.К. Ким. Тоталитарные тенденции в Польше перед войной.....	87
Ули Шёлер. Анализ тоталитаризма меньшевиками в эмиграции.....	92
Вольфрам Ветте. Немецкое общество между диктатурой и демократией.....	96
Б.В. Петелин. Становление парламентаризма в Западной Германии.....	101
А.Б. Цфасман. Послевоенный "урок немецкого" и современная Россия.....	106
Райнер Эккерт. Теория тоталитаризма в свете событий 1989 г.....	110
Е.Г. Блосфельд. О продуктивности термина "тоталитаризм".....	113
Ю.И. Игрицкий. Дискуссионные проблемы тоталитаризма.....	118
Обзор дискуссии.....	124

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

- Петер В. Шульце, д-р. Представитель фонда Ф. Эберта в Москве.
 В.П. Зимолин, д.и.н., чл.-корр. Российской Академии естеств. наук. Зам. нач. Института военной истории Министерства обороны РФ. Москва.
 С.Н. Михалев, д.и.н. Вед. науч. сотр. Институт военной истории. Москва.
 А.А. Ямковой, к.и.н., доцент. Донбасский горно-металлург. институт. Алчевск.
 Герд Р. Юбершер, д-р. Федеративный архив – Военный архив. Фрайбург.
 Инге Марсолек, д-р. Исслед. центр по истории рабочего движения. Бремен.
 Г.Н. Сапожникова, к.и.н. Ст. научн. сотр. Институт всеобщей истории РАН. Москва.
 А.И. Борозняк, д.и.н., проф. Липецкий госуд. пединститут. Липецк.
 В.Н. Попов, к.и.н., доцент. Волгоградский госуд. пед. университет. Председатель Общества Вилли Брандта. Волгоград.
 Н.Э. Вахшау, доцент. Волгоградский гос. университет. Волгоград.
 Е.А. Алексеева, учитель истории школы № 6. Волгоград.
 В.П. Галицкий, д.и.н., проф. Вед. научн. сотр. Институт военной истории Москва.
 Я.С. Драбкин, д.и.н., проф. Вед. научн. сотр. Институт всеобщей истории РАН, Председатель Центра германских исторических исследований. Москва.
 Гейнц Тиммерман, д-р. Научный директор Федерального института восточноевропейских и международных исследований. Кёльн.
 Хельга Гребинг, д-р, проф. Рурский университет. Бохум.
 И.К. Ким, к.и.н., доцент. Волгоградск. гос. пед. университет. Волгоград.
 Ули Шёлер, д-р. Бюро Заместителя председателя СДПГ. Бонн.
 Вольфрам Ветте, д-р, приват-доцент. Университет Альберта Людвига. Фрайбург.
 Б.В. Петелин, к.и.н., доцент. Вологодский гос. пед. институт Вологда.
 А.Б. Цфасман, д.и.н., проф. Челябинский госуд. пед. университет. Челябинск.
 Райнер Эккерт, д-р. Университет им. братьев Гумбольдт. Берлин.
 Е.Г. Блосфельд, д.и.н., проф. Волгоградский гос. пед. университет. Волгоград.
 Ю.И. Изрицкий, к.и.н. Институт научной информации по обществ. наукам РАН. Москва.

О ТОТАЛИТАРНЫХ СИСТЕМАХ (Введение)

Если рассматривать тридцатые годы нашего столетия в социально-политическом ракурсе, то хотя их по праву можно характеризовать как эру мрака, эру развития в Европе тоталитарных систем, эти годы можно назвать также и самым интересным периодом XX века, когда были заложены основы современной модернизации.

Ведь именно в тридцатые годы – и в истории это, пожалуй, единственный такого рода пример, – в мире сосуществовали три общественных строя, причем каждый из них пытался дать свой собственный ответ на системный кризис того времени. Это были: европейский фашизм (в разных его национально-культурных формах), сталинизм и “новый курс” Рузвельта.

Данный тезис представляется очевидным, если приложить его к национальным разновидностям европейского фашизма. И хотя можно проследить различные варианты стратегии, использовавшейся для преодоления вызванных мировым экономическим кризисом общественных потрясений, тем не менее как властные механизмы, так и преследуемые властями цели оказались очень похожими.

В европейском фашизме доминировало сочетание внутриполитических репрессий с внешнеполитической проекцией власти. При этом репрессии не являлись ни самоцелью, ни способом разрешения исключительно политических задач. Так, репрессивные действия в отношении профсоюзов и партий трудящихся имели своей целью прежде всего снижение уровня заработной платы и ликвидацию системы социальных гарантий. И то и другое считалось предпосылкой и условием конкурентоспособности на мировом рынке. А стратегией роста была милитаризация экономики, что обеспечивало интересы внешнеполитической проекции власти, подготовку войн и гарантию военной безопасности зон экономического влияния.

Ликвидация политических противников и снижение уровня жизни трудящихся, а также ориентация экономики на предстоящую войну тесно увязывались, с одной стороны, с решительной мобилизацией

инновационного материала и с переориентацией разных сфер экономики, а с другой – с целью ускоренного накопления капитала и более быстрой концентрации капитала и труда.

Последний из названных аспектов привел затем к мобилизации незанятой рабочей силы. На первый взгляд казалось, что это – результат претворения в жизнь государственных программ по созданию новых рабочих мест, но на деле это было следствием милитаризации экономики. Видимый эффект порождал, в свою очередь, массовую лояльность, которая сохранилась в скрытой или деформированной форме в умах граждан и спустя многие годы после падения фашизма: он-де справился с крупным социальным кризисом 30-х годов, создал новые рабочие места, а Гитлер построил автобаны. Именно в этом состояла связь между очарованием и репрессиями: угнетенные боготворили угнетателей за мнимые социальные гарантии.

Политическое руководство США во главе с Франклином Рузвельтом, разработав “новый курс”, тоже попыталось дать ответ на вызов времени и найти выход из системного кризиса нашего столетия. Однако этот ответ, заложивший основы современного социального государства, утвердившегося в западных индустриальных обществах, а после окончания мировой войны распространившегося по всему миру, сделал движущей силой развития не милитаризацию промышленности и репрессии в отношении людей труда. Наоборот. Хотя формы достижения поставленных целей и были иногда похожими (например, использование рабочих бригад, живших на казенном положении, для модернизации американской инфраструктуры, строительства каналов, автомагистралей, аэродромов, портов и плотин), но основная ориентация американской экономической и социальной политики имела целью создание современной системы гражданского общества, условием существования которого является участие граждан в его управлении. Этим американский стратегический подход фундаментально отличался от фашистских попыток решить данную проблему.

Истоки развития системы сталинизма, в отличие и от европейского фашизма и от американского “нового курса”, никак не зависели от условий мирового экономического кризиса. Форсированная индустриализация и жесточайшая коллективизация деревни, а также связанное с ними рождение слоя советской интеллигенции – компетентных экономических и технических кадров – были прежде всего результатом промышленной недоразвитости страны. Они обусловили поэтому жесткие формы репрессий и принудительных мер. В этом смысле советский путь развития нельзя считать ни ответом на кризис мировой экономической системы, ни попыткой его преодоления.

Тем не менее, даже специфическая сталинская стратегия накопления капитала в течение двух первых пятилеток не может быть понята вне всеобщих условий мировой экономики. Ведь и для осуществления грубо властолюбивых целей индустриализации нужны были импорт технологий и использование технических достижений Запада. Падение в

результате всемирного кризиса цен на товары и труд благоприятствовало индустриализации СССР, побуждая даже самые антикоммунистические правительства западных держав к торговле с Советским Союзом. Это шло на пользу претворению в жизнь замыслов индустриализации. Однако падение цен задевало и СССР: чтобы получить на мировом рынке определенное количество техники и технологии приходилось больше экспортировать.

Можно только гадать, не появились ли некоторые меры принуждения в ходе осуществления сталинских стратегических планов именно в результате экономической рационализации: не был ли ГУЛАГ специфическим средством удешевления труда, чтобы осуществить цели индустриализации с помощью низких экспортных цен на лес, зерно, уголь и драгоценные металлы. Не дает ли это рационального объяснения существованию ГУЛАГа и жестокой эксплуатации труда при создании отсутствовавших инфраструктур – каналов, шоссе и железных дорог?

Если признать такую (скорее экономико-технологическую, чем политическую) аргументацию, в известном смысле пригодной для объяснения причин возникновения тоталитарных систем, то следует считать, что их базис должен был рухнуть тогда, когда они изжили себя исторически. И действительно крушение европейского фашизма наступило из-за силового превосходства, сложившегося в результате взаимодействия западных демократий, “нового курса” и сталинизма.

Сталинизм, в свою очередь, вступил в стадию кризиса уже в пятидесятые годы, после завершения послевоенной реконструкции. Его тщетно пытались преодолеть посредством реформ. Сталинская система господства и накопления капитала была полностью перестроена в 90-е годы. Но, как мы знаем, безуспешно.

Таким образом, из общественных формаций тридцатых годов сумел выжить только американский “новый курс” или, иными словами, современное общество благосостояния во многих его проявлениях. Однако и на нем сказалось влияние нового технологического переворота, вылившегося в коммуникационно-информационную технологическую революцию семидесятых годов. Недаром с начала восьмидесятых во всех государствах западной демократии развернулись дискуссии о реорганизации или даже о конце общества благоденствия.

Обобщим формулировку нашего исходного тезиса: европейский тоталитаризм появился и рухнул вместе с общественными, экономическими и технологическими преобразованиями, вызванными кризисом мировой экономической системы. Именно они создали почву для того, чтобы европейский фашизм так быстро сошел с исторической сцены. В прежней одежде он не имеет ни малейшего шанса снова стать угрозой для цивилизации.

Часть первая

**ВОЙНА
И АНТИФАШИСТСКОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ**

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

В летописи мировой истории есть такие выдающиеся военные события, которые вечно хранятся в памяти последующих поколений и являются гордостью для потомков.

К таким незабываемым и немеркнущим событиям относится Сталинградская битва. По продолжительности и ожесточенности военных действий, накалу и драматизму борьбы, количеству участвовавших в ней людей и боевой техники, военно-политическим результатам она превзошла все битвы второй мировой войны и заняла одно из самых почетных мест в мировой военной истории.

Более полувека отделяет человечество от того рубежа, который переменял ход второй мировой войны. Двести дней и ночей – с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. – в бескрайних донских и приволжских степях, на территории почти в 100 тыс. квадратных километров с неослабевающим напряжением шли тяжелые кровопролитные бои. На отдельных этапах битвы с обеих сторон участвовало более 2 млн человек, свыше 26 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. танков и столько же боевых самолетов¹.

На весах истории определялся тогда вопрос, кто кого: либо фашистская Германия одержит победу, прорвется на юго-восток и сделает новый шаг к мировому господству, либо Советский Союз одолеет врага, сломит ему хребет и внесет тем самым решающий вклад в разгром фашизма.

Победа Красной Армии под Сталинградом, отразив коренное изменение военно-политической и стратегической обстановки на советско-германском фронте, оказала влияние на ход борьбы на других фронтах, положила начало качественному изменению соотношения сил на мировой арене.

В этом одна из причин, почему не ослабевает интерес к Сталинградской битве, а исследователи стремятся не только более полно и точно восстановить ход событий, но и осмыслить победу как прояв-

ление коренных изменений в ходе жесточайшего военного противостояния в истории человечества.

Положение на советско-германском фронте к осени 1942 г. оказалось критическим. Это было кризисное состояние, заключавшее в себе две возможности: для немецко-фашистских войск, которые владели инициативой и вели наступательные действия, развить достигнутый успех, решить дальнейший ход войны в свою пользу; для советских войск вновь прервать неудачный для них цикл развития военных событий, захватить стратегическую инициативу и заложить фундамент грядущей победы.

Собственно Сталинградская битва включала в себя две стратегические операции Красной Армии – оборонительную и наступательную. На первом этапе, в ходе четырехмесячной героической обороны, с 17 июля по 18 ноября 1942 г., войска Красной Армии, проявляя невиданное упорство, мужество и самопожертвование, сдержали неимоверный по силе натиск противника, измотали и обескровили его намного превосходящие силы, нанесли ему тяжелые потери в личном составе и боевой технике. План гитлеровского командования с далеко намеренными стратегическими целями для всего советско-германского фронта и важными последствиями для хода коалиционной второй мировой войны был сорван.

19 ноября 1942 г. начался второй, решающий этап – контрнаступление Красной Армии. Войска трех фронтов – Юго-Западного, Донского и Сталинградского, которыми командовали соответственно генералы Н.Ф. Ватутин, К.К. Рокоссовский и А.И. Еременко, прорвав вражескую оборону, окружили, а затем в результате операции “Кольцо” ликвидировали 330-тысячную группировку противника. Только в плен они взяли 91 тыс. человек, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом.

Всего за время наступательных действий, продолжавшихся два с половиной месяца, было разгромлено пять полевых армий противника: 2 немецкие, 2 румынские и 1 итальянская. Были уничтожены 32 дивизии и 3 бригады, а 16 дивизий лишились в боях от 50 до 70 проц. личного состава и боевой техники. В общей сложности за шесть с половиной месяцев в сталинградской “мясорубке” противник потерял около 1,5 млн человек, то есть четвертую часть сил, действовавших тогда на советско-германском фронте, в том числе 460 тыс. человек безвозвратно².

Разумеется, огромный урон понесли и войска Красной Армии. Победа оплачена немалой кровью.

За время битвы только безвозвратные потери советских войск составили свыше 478,7 тыс. человек³. Но эти жертвы были не напрасны. Красная Армия, захватив стратегическую инициативу, перешла в общее наступление от Ленинграда до предгорий Кавказа.

Была ликвидирована угроза, висевшая над Кавказом, через который немецко-фашистские войска намеревались выйти на Ближний и Средний Восток, а затем и к Индии. Гитлеровцы навсегда были отогнаны от берегов Волги.

Победа Красной Армии укрепила моральный дух советских людей на фронте и в тылу. Из фашистского рабства были освобождены сотни тысяч советских людей, которые пополнили армию тружеников промышленности и сельского хозяйства. Несмотря на огромные трудности, связанные с эвакуацией военных заводов в восточные районы страны и нехваткой материалов, советская промышленность стала производить танков, самолетов, орудий и другой боевой техники больше, чем противник.

Были созданы материальные предпосылки для ликвидации его казачественного и количественного превосходства в вооружении. За 1942 г. советская промышленность значительно превзошла германскую по количеству произведенных боевых самолетов, танков, орудий и другого вооружения и уже к лету 1943 г. в действующей армии имелось по сравнению с вермахтом больше танков и САУ в 1,6 раза, орудий и минометов – почти в 2 раза, боевых самолетов – почти в 3 раза⁴.

Противоборство двух стратегий также завершилось в пользу советской стратегии. Советское Верховное Главнокомандование, определив истинные намерения врага, добилось перемещения центра тяжести борьбы с кавказского на сталинградское направление, что оказало большое влияние на весь ход второй мировой войны.

Крупные поражения и огромные потери немецко-фашистской армии под Сталинградом резко ухудшили военно-политическое и экономическое положение Германии, поставили ее перед глубочайшим кризисом. Чтобы восполнить потери, немецкая военная промышленность вынуждена была работать с особенно высоким напряжением.

Резко обострился и кризис людских резервов: Гитлер пошел на чрезвычайные меры, объявив “тотальную мобилизацию”. В армию призывались подростки 17 лет и мужчины старших возрастов. Снималась броня со специалистов, занятых в военной промышленности. На заводы и фабрики мобилизовывались женщины, инвалиды и подростки 14-16 лет. Широко привлекалась рабочая сила из оккупированных и вассальных стран. В больших масштабах стал использоваться труд военнопленных.

Как свидетельствовал генерал Г. Гудериан, “военная катастрофа сопровождалась поражением в области внешней и внутренней политики”⁵.

Погребальный звон церковных колоколов и трехдневный траур отрезвили миллионы немцев. Грозный призыв неизбежного поражения проник в сознание населения, одурманенного геббельсовской пропагандой. Количество смертных приговоров военнопленным увеличилось в 5 раз. Геббельс записал в дневнике 6 марта 1943 г. “Геринг ясно представляет, что события на Восточном фронте в минувшую

нувшую зиму серьезно подорвали доверие к нам. Генералы делают все возможное, чтобы обвинить в этих событиях фюрера. Они берут реванш за прошлогоднюю зиму, когда фюрер пытался взвалить вину на них⁶.

Победа Красной Армии под Сталинградом угнетающе действовала на спящих в тылу Германии, вызвала в их стане панику⁷. В плен стали сдаваться не только отдельные солдаты и офицеры, но и целые подразделения и части румынской, венгерской и итальянской армий.

Победоносный исход Сталинградской битвы был обусловлен возросшей мощью Красной Армии, высоким уровнем полководческого искусства ее командиров, массовым героизмом советских воинов, самоотверженностью советского народа. Блестяще подготовленная и проведенная операция по окружению и разгрому многотысячной группировки врага по праву называется "Каннами XX века". Стратегия, оперативное искусство и тактика обогатились многими новыми положениями по всем вопросам ведения наступательных и оборонительных действий. В ходе битвы проявились полководческие качества членов Ставки ВГК Г.К. Жукова и А.М. Василевского, командующих фронтами К.К. Рокоссовского, Н.Ф. Ватутина, А.И. Еременко, многих других военачальников.

Стратегические инициативой вновь овладели советские войска и теперь уже не выпустили ее из своих рук до самого конца войны, хотя Германия обладала еще большей военной мощью, а вермахт предпринимал (в том числе сразу после Сталинградской битвы) попытки перехода в контрнаступление на отдельных участках советско-германского фронта.

Трещина, образовавшаяся в системе гитлеризма в результате коренного перелома в вооруженной борьбе под Сталинградом, была закреплена победой Красной Армии в Курской битве.

Показательны рассуждения фельдмаршала Ф. Паулюса, бывшего командующего 6-й армией, разгромленной под Сталинградом. Уже после войны, в феврале 1947 г. он писал, что в фашистском руководстве понимали, что "...вся война будет проиграна только в результате громадного по масштабам поражения на Восточном фронте..."⁸

Победа советских войск под Сталинградом стимулировала консолидацию антигитлеровской коалиции, расширение ее состава и повышение действенности ее акций. Победа вызвала подъем движения Сопротивления и национально-освободительной борьбы в оккупированных и колониальных странах, оказала решающее влияние на позиции нейтральных государств. Она была переломным событием и потому, что именно на фоне и после Сталинграда англо-американскими войсками были достигнуты немалые успехи на других театрах второй мировой войны.

Образно говоря, Сталинград стал тем прочным щитом, о который сломались упругие, мощные по своей убойной силе стрелы гитлеровского нашествия, которые должны были не только сокрушить Совет-

ский Союз, но и, пройдя сквозь Уральские и Кавказские хребты, встретиться на рубеже меридиана 70 градуса, проходящего близ Омска и Бомбея с такими же смертоносными стрелами японского нашествия. Однако этого не произошло, ибо под Сталинградом враг был повернут вспять.

В зарубежной историографии имеется несколько объективных трудов, в которых признается коалиционный характер второй мировой войны и взаимосвязь событий на ее различных театрах. С этих позиций, например, выступают японские исследователи А. Фудзивара и авторы изданного на русском языке 5-томного труда "История войны на Тихом океане". В последние годы появился ряд крупных работ американских историков М. Столера, Д. Гленца, У. Кимбола. По-разному выражению последнего на одном из советско-американских симпозиумов, дядюшка Джо (И.В. Сталин) с рубежа 1942/43 г. постоянно сидел на чердаке (то есть позиция СССР не могла быть проигнорирована) при выработке всех военно-политических решений руководства США и Великобритании.

Но все же на Западе, особенно в США, распространена концепция самостоятельности различных театров второй мировой войны, приверженцы которой "не хотят" замечать влияния событий на советско-германском фронте на развитие ситуации на других ее фронтах. Между тем, после Сталинграда стало окончательно ясно, что навсегда отпала угроза германского вторжения на Британские острова, для чего у Гитлера нет и не будет сил. Был окончательно сорван стратегический план Германии и Японии, предполагавший раздел Евразийского континента на две колоссальные зоны военных действий, итогом первого этапа которого должна была стать триумфальная встреча немецких и японских войск в Индии⁹.

Уже в ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы гитлеровское командование утратило возможность существенно усилить свои группировки в Северной Африке, на Средиземноморье. В результате стали возможными победа английской 8-й армии в сражении у Эль-Аламейна (23 октября – 4 ноября 1942 г.) и не встретившая сопротивления высадка 107-тысячного англо-американского десанта на Севере Африки 8-11 ноября 1942 г., что представляется некоторыми западными военно-политическими деятелями и историками как равнозначная альтернатива открытию второго фронта.

В ходе Сталинградской битвы и после нее группировка немецких войск в Западной Европе впервые была вынуждена сокращаться. В 1942 г. Гитлер перебросил на советско-германский фронт 69 дивизий, оставив в Западной Европе 35. Это создавало действительно "уникальные", как считал начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл, условия для открытия полноценного второго фронта, способного ускорить разгром Германии. По некоторым оценкам за год-полтора, автоматически решив и проблему Северной Африки, где вер-

махт и вооруженные силы Италии имели в конце 1942 г. в 77 раз меньше войск, чем на советско-германском фронте¹⁰.

Не в пользу агрессоров складывалась ситуация и на Востоке. Японии стало ясно, что Советский Союз уже не падет "подобно пережвешенной хурме" к ногам японского солдата, что надежды на совместную с Германией победу в коалиционной, континентальной в своей основе, мировой войне не суждено сбыться. А ведь военный атташе Японии находился в критические для СССР дни под Сталинградом, и падение этого города должно было стать сигналом для вступления в войну против Советского Союза Японии, а также Турции и, возможно, Португалии и Швеции. Этого не случилось. В то же время Соединенные Штаты, экономя силы за счет более чем скромного участия в вооруженной борьбе на западном фланге и (как сказал Дж. Маршалл) за счет времени, купленного для американцев советским народом "ценой своей крови и отваги"¹¹, создали себе превосходство в силах, достаточное для решительного перехода на наступление на позиции, завоеванные Японией в первый период тихоокеанской войны. Кроме того Советский Союз по-прежнему держал на Дальнем Востоке более миллиона своих войск, так нужных на советско-германском фронте, связывая около миллиона японских войск и облегчая тем самым положение США и других союзников.

На Западе второй фронт так и не был открыт, как планировалось штабом Дж. Маршалла (и было первоначально одобрено Ф. Рузвельтом) ни в сентябре-октябре 1942 г. (операция "Следжхаммер"), ни весной 1943 г. (операция "Раундап")¹², ни летом и осенью 1943 г., когда под влиянием мощных ударов Красной Армии по основным силам вермахта в районах Орла, Курска и на Левобережной Украине они добились успеха в Сицилии, а затем на Апеннинском полуострове, что привело к падению режима Муссолини и капитуляции 8 сентября 1943 г. Италии. Лишь на Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. был установлен "твердый" срок образования второго фронта – май 1944 г. (фактически высадка на севере Франции началась 6 июня). Это произошло после того, как исчезли сомнения, что СССР способен и в одиночку завершить разгром фашистской Германии, а руководители США и Великобритании осознали всю пагубность для себя геополитических и военно-стратегических последствий ситуации, в которой оказались бы при этом их державы.

Видный американский деятель А. Гарриман, непосредственный участник переговоров об открытии второго фронта признал: высадка в Африке "показала, что западные союзники могли развернуть подобные наступления на побережье Нормандии или Бретани. Им не хватало лишь желания (выделено мной. – В.З.) нанести удар на Западе"¹³.

Почему так произошло? Очевидные военные дивиденды (о них убедительно говорили и генерал Дж. Маршалл, и военный министр США Г. Стimson, и советник президента Г. Голкинс) от открытия второго фронта в 1942 г. в Европе были отданы противнику во имя удовлетворения политических интересов. Правящие круги США и Великобрита-

нии стремились на фоне быстрой и легкой победы в Африке добиться в первом случае успеха на выборах в конгресс, а во втором – удержаться у власти (У. Черчиллю грозила отставка с поста главы правительства). Это то, что касается войны против Германии.

Еще большие сомнения вызывает справедливость утверждений ряда политических и военных деятелей США о том, что почти единственное полностью совпавшее по времени со Сталинградской битвой сражение американцев за остров Гуадалканал в группе Соломоновых островов на подступах к Австралии, завершившееся незамеченной американцами эвакуацией в начале февраля 1943 г. всего голодавшего и изнуренного болезнями японского гарнизона острова, явилось "поворотным пунктом" в войне на Тихом океане. Так утверждал, например, командующий силами Южного района Тихоокеанского ТВД адмирал У. Хэлси¹⁴. А современный американский военный историк П. Далл считает даже, что "после эвакуации Японией своих войск с Гуадалканал... война для нее была окончательно проиграна"¹⁵. В действительности же в конце марта императорской ставкой было принято решение о переходе к стратегической обороне, усилении позиций на материке, в том числе на случай войны с Советским Союзом¹⁶, которого Япония стала опасаться. 30 сентября были введены в действие "Основные принципы ведения войны"¹⁷, предусматривавшие опору Японии на собственные силы.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на различные сложности, результаты Сталинградской битвы создали идеальные условия для коренного перелома в военных действиях и на других фронтах мировой войны, которыми наши союзники не везде смогли или захотели в то время в полной мере воспользоваться.

Победа советских войск под Сталинградом, став символом начала заката фашизма как источника военных авантур, обязывает нас, – потомков победителей и побежденных, – извлечь из этого исторического факта такие выводы, которые сделают впредь войны – большие и малые – невозможными, позволят людям планеты построить мир ненасильственный, мир без оружия и войн.

¹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 682–685.

² История военного искусства: Библиотека офицера. М., 1985. С. 205.

³ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 5. С. 470. Т. 6. С. 189, 391; Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 1. С. 115.

⁴ Гриф секретности снят. 1993. С. 178, 179, 181, 182.

⁵ Paul W. Der Heimatkrieg 1939 bis 1945. Esslingen. 1980. S. 129.

⁶ Цит. по: История дипломатии. Т. 4. М., 1975. С. 317.

⁷ Военно-блочная политика империализма: История и современность. М., 1980. С. 147–148.

⁸ Цит. по: Жилин П. А. О войне и военной истории. М. С. 268.

⁹ Martin B. Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg: Vom Angriff auf Perl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Gottingen., 1969. S. 61.

¹⁰ Коренной перелом во второй мировой войне. По материалам военно-научной конференции. М., 1985. С. 9.

¹¹ The War Reports of General of the Army. G. Marshall, Chef of Staff, General of the Army H.H. Arnold, Commanding General Army Air Force, Fleet Admiral. Ernest J. King, Commander-in-Chief of Naval Operations, Philadelphia; N.Y. 1947. P. 153.

¹² Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942. М. 1962. С. 512-518/

¹³ Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941-1946, N. Y. 1975. P. 175.

¹⁴ Halsey W., Brayan J. Admiral Halsey's Story, N. Y. 1974. P. 113.

¹⁵ Dull P. A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941-1945). Annapolis (Maryland), 1979. P. 340.

¹⁶ Хаттори Т. Дайтоа сэсо дзэн си (Полная история войны в великой Восточной Азии). Токио. 1970. С. 551.

¹⁷ King E. & Whitehill W. Fleet Admiral King, A Naval Record. I. 1953. P. 179; Нимц Я., Поттер Э. Война на море (1939 - 1945) М. 1965. С. 360.

ЦЕНА ВОЙНЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема исчисления военных потерь населения Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. включает, во-первых, оценку демографических потерь населения страны и, во-вторых, оценку потерь вооруженных сил. Последняя, в свою очередь, распадается на оценки: 1) безвозвратных потерь, понесенных войсками, включая убитых; пропавших без вести и попавших в плен (независимо от их дальнейшей судьбы); умерших от ран и болезней; 2) демографических потерь, включая окончательно установленную гибель военнослужащих (в том числе невозвращение из плена); 3) санитарных потерь: ранений, контузий, обморожений, отравлений, заболеваний военнослужащих в боевой обстановке.

Оценки демографических потерь населения СССР за период войны 1941-1945 гг. объявлялись официальными лицами и вводились в научный обиход в весьма широком диапазоне: от 7 до 27 млн человек¹. Они либо намеренно преуменьшались по конъюнктурным политическим соображениям, либо опирались на недостаточно прочную научную базу. Лишь с момента публикации в 1990 г. ранее засекреченных и изъятых из научного оборота документов всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. возникла возможность приближенного к истине исчисления демографических потерь страны. Однако и ныне из-за значительного разброса исходных расчетных данных нельзя назвать точную итоговую цифру.

Прежде чем назвать конкретные итоги, остановимся на общей методике расчетов. Исходными данными для определения размеров демографических потерь следует считать:

- а) численность населения страны к началу войны – к середине 1941 г.;
- б) оценку ожидаемой численности его к концу войны (в дальнейших расчетах принимаем за эту дату конец 1945 г., когда, как правильно отметили исследователи этой проблемы², стало возможным подвести итоги смертности военнослужащих, находившихся к концу войны на излечении в госпиталях);
- в) оценку реальной численности населения к концу 1945 г.

Для того, чтобы выйти на первую исходную цифру, следует оценить размеры естественного прироста населения в период между завершением последней предвоенной переписи (январь 1939 г.) и началом войны, а также учесть увеличение его численности в результате вхождения в 1939-1940 гг. в состав государства.

Для определения величины ежегодного прироста населения исходными данными служат итоги двух названных переписей, которые представлены:

а) в подлинных архивных документах (162 039,5 тыс. человек к началу 1937 г. и 167 306 тыс. к началу 1939 г.);

б) в современной интерпретации – в справочных изданиях 90-х гг. (соответственно: 162 500 и 168 524 тыс.);

в) в ряде оценок исследователей, расходящихся с официальной публикацией, соответственно: 162 400 и 167 600 тыс.⁹).

В каждом из случаев – а), б), в) – получаем различные оценки значения среднегодового естественного прироста населения в 1937–1939 гг. от 2,59 до 3,012 млн чел. Итак, численность населения страны к середине 1941г. (в границах до сентября 1939 г.) составляла от 174,05 до 176,3 млн чел.

Не меньший разброс дают оценки численности населения территорий, вошедших в состав СССР в 1939-1940 гг. Суммарно она измеряется в пределах от 17,4 до 20 млн чел., что к середине 1941 г., с учетом величины естественного прироста, свойственного каждому из этих регионов⁶, дало прибавку в 17,7-20,1 млн. В итоге численность населения страны к началу войны следует оценить в пределах от 191,8 до 196,4 млн человек.

Вторая исходная величина – ожидаемая численность населения страны к концу 1945 г. – исчисляется с помощью нахождения значения возможного естественного прироста за 4,5 года.

Определение третьей исходной величины – реальной численности населения к кону 1945 г. – производится на основе итогов первой послевоенной всесоюзной переписи 1959 г.

Таким образом, проведенные нами расчеты убеждают, во-первых, в преувеличении утвердившейся ныне оценки демографических потерь страны в 27 млн чел.; во-вторых, в трудности (вернее – невозможности) однозначной оценки этих потерь; в-третьих, в целесообразности искать истину в пределах полученных верхней и нижней грани.

Публикуемые на страницах популярных изданий оценки потерь населения СССР (прямых военных), превышающие 30 и даже 40 млн чел., неоправданно преувеличены. Авторы, как правило, включают в их число величину нереализованного естественного прироста (“нерожденных детей”).

Итак, прямые военные потери Советского Союза в войне составили от 11 до 13% численности его населения к началу войны.

Для сравнения приведем оценки жертв населения других стран, принимавших участие в войне: Великобритания потеряла 375 тыс. чел.

(0,9% общего числа населения); Соединенные Штаты Америки – 405 тыс. (0,3%); Япония – 2,5 млн (3,4%). Из стран Восточной Европы, явившихся главным объектом агрессии, больше всех пострадали Польша, потерявшая 6 млн чел. (17,2%), и Югославия – 1,7 млн (10,9%)⁷.

Актуальным вопросом, не получившим по сей день решения, является определение демографических потерь Германии. Трудности заключаются в первую очередь в изменении границ государства, произведенных как непосредственно перед войной, так и после нее. Называют разные оценки: от 6,5 до 13,5 млн (9,3 – 19,5%)⁸.

Военно-оперативные потери вооруженных сил СССР согласно сведениям Генерального штаба достигали: безвозвратные – 11 273,1 тыс., санитарные – 18 319,7 тыс., итого 29 592,1 тыс. чел. (только на советско-германском фронте, не считая потерь в кампании на Дальнем Востоке). Демографические безвозвратные потери армии и флота (с учетом дважды призванных в ходе войны и возвращавшихся из плена по окончании ее) составили 8 668,4 тыс. человек⁹. К этому итогу необходимо добавить еще 500 тыс. человек – военнообязанных, призванных в первые дни войны и захваченных противником в пути следования в свои части, судьба которых не известна.

Поскольку исчисление потерь вооруженных сил служит оценке их боеспособности и уровня военного искусства, возникает необходимость, во-первых, определить размеры потерь противника – вооруженных сил Германии и ее союзников, действовавших на советско-германском фронте; во-вторых, установить соотношение потерь сторон и, в-третьих, проанализировать динамику потерь, то есть изменения их по периодам войны.

На основании документальных данных и расчетов общее число потерь вермахта на советско-германском фронте оценивается: безвозвратных – 4 382 тыс., санитарных – 6 551 тыс., итого – 10 933 тыс. Но эту оценку следует считать минимальной. Принимая во внимание многочисленные расхождения в немецких документах, а также недоучет количества раненых (за счет легко раненых, проходивших лечение в войсковых лазаретах), итоговые цифры следует увеличить: безвозвратных потерь – до 5 млн, санитарных – до 7,9 млн, всего – до 12,9 млн.

Для исчерпывающего обзора потерь союзников Германии на Восточном фронте имеющихся в нашем распоряжении архивных источников недостаточно. Судя по некоторым документам и, главным образом, по послевоенным зарубежным публикациям, потери этих воинских контингентов достигали: Финляндии – 205 тыс. чел., с том числе безвозвратных 50-55 тыс.; Италии – 133,1 тыс., в том числе безвозвратных 89,8 тыс.; Румынии – 624 тыс., в том числе безвозвратных 381 тыс.; двух словацких дивизий, не входивших в состав вермахта, – всего 8,7 тыс., из них безвозвратных около 6 тыс. Наименее достоверны сведения о потерях венгерских войск. По-видимому, близка к исти-

не опубликованная оценка их безвозвратных потерь – 350 тыс., а количество раненых могло составить 400-450 тыс. человек¹⁰.

Итак, общие потери союзников Германии на Востоке, исчисляются на основе доступных источников, оцениваются в пределах 1,8 млн человек, в том числе безвозвратные – до 900 тыс.

Анализ и сопоставление различных по своему характеру источников позволяет судить о суммарных потерях противника на советско-германском фронте за четыре года войны: общих – до 14–15 млн, в том числе безвозвратных – 5,9-6 млн человек. С учетом возвращения после войны из плена 3,3 млн человек демографические безвозвратные потери вооруженных сил Германии и ее союзников определяются в 2,7 млн человек.

Соотношение потерь советских войск и противника выглядят так (в млн чел.):

– общих военно-оперативных	29,6	:	14,5	2,0	:	1
– безвозвратных военно-оперативных	11,3	:	6	1,9	:	1
– безвозвратных демографических	8,7	:	2,7	3,2	:	1

Однако приведенные цифры нельзя считать окончательным итогом исследования проблемы. Завершение его потребует дальнейшего поиска, в первую очередь в зарубежных архивах.

Динамика потерь вооруженных сил в ходе войны характеризуется соотношением среднемесячных потерь советских войск и противника (в тыс. чел.):

– в первом периоде войны	– 656,6	:	181,3	3,2	:	1
– во втором периоде	– 642,0	:	238,5	2,7	:	1
– в третьем периоде	– 606,9	:	440,3	1,4	:	1

Эти цифры раскрывают устойчивые тенденции, присущие динамике потерь сторон на протяжении всех четырех лет войны: поступательное снижение потерь советской стороны и одновременный рост потерь противника. Причины, обусловившие размеры потерь вооруженных сил, противоборствовавших на советско-германском фронте, и изменение их в ходе войны, охватывают широкий круг проблем экономики, политики, военного искусства.

Победа во второй мировой войне была оплачена сторонами высокой ценой. Жестокий урок, преподнесенный народам историей, не должен быть забыт.

¹ См.: Сталин И.В. По поводу речи У. Черчилля в Фултоне. Правда. 1946 г. 14 марта; Хрущев Н.С. Письмо премьер-министру Швеции Т. Эрландеру. Международная жизнь. 1961 г. № 12. Горбачев М.С. Уроки войны и победы. Известия 1990 г. 9 мая.

² См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. Население Советского Союза: 1922-1991 гг. М. 1993. С. 73-79.

³ См.: Социологические исследования. 1990 г. № 6. С. 18; № 8. С. 51; Всесоюзная перепись населения 1939г. Основные итоги. М. 1992. С. 7-8.

⁴ См.: Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 618.

⁵ Так, оценка численности населения к началу 1937 г. основана на данных переписи (Социологические исследования. 1990 г. № 7. С. 53, 67; № 8. С. 37, 47) с вводом поправки на недоучет в размере 0,2%. Оценку численности населения к началу 1939 г. в размере 167,6 млн чел. предложила В. Жиromская (Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 8).

⁶ Величина естественного прироста населения взята: для Латвии 0,36%, для Литвы 1%, для Эстонии 0,11%, для Западной Украины и Западной Белоруссии – как для Польши на 1938г. – 1,03%, для Бессарабии и Северной Буковины – как для Румынии на 1940 г. – 0,71% (Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 218, 335, 383, 540).

⁷ См.: Поляков Л.Е. Цена войны: Демографический аспект. М., 1985. С. 44; Итоги второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1957. С. 594; Народонаселение стран мира. М., 1978. С. 22, 38; Хиттори Т. Япония в войне 1941-1945 / Пер. с яп. М., 1973. С. 606.

⁸ См.: Воен.-ист. журн. 1989. № 9. С. 38-39; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии: 1933-1945. Пер. с нем. Т. 3. М., 1976. С. 340; Итоги второй мировой войны... С. 599. Потери населения Германии соотношены с численностью его на 17.5.1939 в границах страны к началу 1937 г. – 69 310 тыс. / см.: Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 202/.

⁹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 130-131. Из последней цифры следует вычесть 12 тыс. убитых в ходе кампании 1945 г. на Дальнем Востоке, последствия которой здесь не рассматриваются.

¹⁰ *Snomen Sota*. 1941-1945. Kuopio, 1960. Т. 9. С. 348; Le operation della unita italiane al fronte russo, 1941-1943. Roma, 1977. P. 487. Goszony P. Deutschlands Waffengefahrten an der Ostfront: 1941-1945. Stuttgart, 1981. S. 123, 228; Ready J. L. Op. cit. P. 509; ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12518. Д. 18. Л. 1-15; Вторая мировая война: цифры и факты. С. 658; "Источники". 1994. № 5. С. 91.

ВКЛАД УКРАИНЫ В РАЗГРОМ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Вторая мировая война и ее составная часть – Великая Отечественная война 1941-1945 гг. – оставили в жизни украинского народа неизгладимый след, отзвуки которого дают о себе знать и сегодня.

Спустя 50 лет после окончания войны наблюдаются, к сожалению, попытки некоторых рьяных “новаторов” от политики и науки задним числом “перевосовать” войну на свой лад. Кое-кому хотелось бы приписать себе главную роль в разгроме фашизма, примазаться к общей победе или же поделить ее на ряд национальных побед. Кое-кто жаждет втоптать в грязь подвиг десятков миллионов советских воинов-освободителей, называя их оккупантами. Некоторые национал-демократические украинские историки считают, что минувшая война была войной между “двумя драконами” – Гитлером и Сталиным, где не было ни правых, ни виноватых, выдвигают концепцию, утверждающую, что украинский народ был просто буфером между двумя империями.

В “Новейшей истории Украины”, написанной Ф.Г. Турченко и рекомендованной Министерством образования Украины в качестве учебника для 10 класса средней школы, отсутствует даже сам термин “Великая Отечественная война”¹, зато добрый десяток параграфов посвящен деятельности Организации украинских националистов (ОУН) и так называемой Украинской повстанческой армии (УПА), вклад которых в разгром нацистской Германии весьма проблематичен. Все это не только антинародно, но и глубоко аморально по отношению к светлой памяти тех, кто будто бы “неправильно” остановил фашизм и спас человечество.

Несмотря на старания подобных политиков и историков, нельзя опровергнуть тот факт, что сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР война стала для украинского народа, как и для других народов бывшего Советского Союза, освободительной, справедливой, Отечественной. Миллионы жителей республики восприняли фашистскую агрессию как угрозу самому существованию Украины и встали на защиту своей жизни, своего дома. Война объединила все

народы СССР, мобилизовала их на борьбу с ненавистным врагом. Оглядываясь назад, мы должны сделать важнейший вывод: каковы бы ни были пороки бывшей советской системы, они не идут ни в какое сравнение с той угрозой порабощения и физического уничтожения целых народов, в том числе и украинского, которую нес с собой фашизм, воплощавший в себе стремление к господству немцев над всеми другими.

Украинское направление по плану “Барбаросса” было одним из главнейших. Гитлеровское руководство ставило своей целью как можно быстрее овладеть развитой экономической базой Украины.

В первые же месяцы войны в Красную Армию влилось 2,5 млн рабочих, колхозников, представителей интеллигенции Украины². Повсеместно создавались истребительные батальоны. К началу июля 1941 г. на Украине их действовало 657, численностью около 160 тыс. бойцов и более 18 тыс. групп содействия им, объединявших свыше 200 тыс. человек, 1,3 млн вступили в народное ополчение. Большую помощь Красной Армии население Украины оказывало строительством оборонительных сооружений. На этих работах было занято более 2 млн человек³. В общем народ Украины дал вооруженным силам более 6 млн воинов. Каждый второй из них погиб в боях с фашистскими захватчиками. А из тех, кто вернулся домой, каждый второй стал инвалидом.

В силу целого ряда причин начало войны сложилось крайне неблагоприятно для советской стороны. Однако первые успехи дорого обошлись как гитлеровским захватчикам, так и их союзникам. Фашисты скоро убедились, что их надежды на легкий и быстрый успех, как то было в Европе, безосновательны. Элитные кадровые дивизии группы немецких армий “Юг” нашли на украинской земле свою могилу. Два с половиной месяца продолжалась героическая оборона Киева. 73 дня – до середины октября 1941 года – оборонялась Одесса против фашистских войск, имевших пятикратное превосходство. 250 дней неприступной крепостью для врага был легендарный Севастополь.

Все это в значительной степени сорвало расчеты немецкого генерального штаба на быстрый захват Москвы и завершение войны против СССР до начала зимы, позволило провести перебазирование промышленных предприятий на восток.

В глубь страны было вывезено оборудование почти 550 крупных предприятий Украины, имущество тысяч колхозов и совхозов, МТС, эвакуировано 3,5 миллиона жителей, прежде всего квалифицированных рабочих и специалистов, научно-технической интеллигенции⁴. В глубоком тылу они выпускали танки и самолеты, плавил металл, добывали уголь, производили минометы и боеприпасы, другую военную технику. Каждый эвакуированный трудился на оборонных предприятиях за двоих: за себя и за товарища, ушедшего на фронт. Украина внесла значительный вклад в создание материально-технической базы общей победы.

Как бы сегодня ни оценивали централизованную плановую систему Советского Союза в экономике в сочетании с жесткой однопартийностью, она хорошо зарекомендовала себя в экстраординарных условиях войны. Ее высокие мобилизационные качества перекрыли такой неблагоприятный фактор как продвижение противника вглубь Украины.

С оставлением нашими войсками 22 июля 1942 г. Луганской области вся территория Украины была захвачена нацистами. На оккупированных территориях гитлеровцы установили кровавый режим террора, бесправия и насилия, рассчитанный на колонизацию Украины и уничтожение ее населения.

Однако народ остался непокоренным, Украина не стала на колени перед захватчиками. В тылу врага разгорелось пламя всенародной войны против оккупантов. К концу 1942 г. на Украине не было города, района, где бы не действовали подпольные партийные и комсомольские организации и группы или партизанские отряды. Вооруженную борьбу вели 46 партизанских групп, в составе которых было более 500 тыс. человек. Действовало свыше 100 тыс. подпольщиков и 1 млн 400 тыс. участников народного сопротивления⁵. Среди них были представители 60 национальностей, в том числе 59 процентов составляли украинцы⁶.

Партизаны Украины уничтожили почти полмиллиона гитлеровцев, подорвали более 5 тысяч вражеских эшелонов с живой силой, военной техникой, боеприпасами, горючим, продовольствием, уничтожили 1566 танков и бронемашин, много другой боевой техники и вооружения⁷. Крупные, хорошо вооруженные рейдовые соединения С.А. Ковпака, А.Ф. Федорова, А.Н. Сабурова, М.И. Наумова и других легендарных партизанских командиров расщепляли вражеский тыл. Гитлеровские оккупационные чиновники имели все основания называть партизанскую борьбу "регулярным вторым фронтом". Антифашистская борьба на территории Украины оказала немалое влияние на активизацию движения Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах Европы. В него включились украинцы, бежавшие из концлагерей, расположенных в Польше, Франции, Италии.

Однако в интересах правды, как это ни горько признать, следует заметить, что были и такие украинцы, которые то ли из политических соображений, то ли от обиды на власть или на несправедливость, служили гитлеровцам, оккупационному режиму. Но не эти коллаборационисты определяли лицо украинского народа.

Историческая победа Красной Армии под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной и второй мировой войны. Окружив и разгромив гитлеровские войска в районе Сталинграда, Красная Армия перешла в контрнаступление и 18 декабря 1942 г. освободила первый населенный пункт украинской территории – село Пивнивку Меловского района Луганской области, а 16 января 1943 г. – районный центр Меловое. Ныне здесь возвышается

монумент "Украина – освободителям", символизирующий ратное содружество украинского и других народов СССР⁸.

На Украине фашисты имели мощную группировку из 93 дивизий, в том числе 18 танковых и моторизованных, то есть около 40 процентов своих войск, действовавших на советско-германском фронте⁹. Бои за освобождение украинских земель продолжались почти два года. Во второй половине сентября 1943 г. советские войска вышли к Днепру, 6 ноября 1943 г. освободили г. Киев. В 1944 г. Красная Армия нанесла врагу сокрушительные удары в Корсунь-Шевченковской, Ровно-Луцкой, Одесской, Черновицкой, Крымской, Львовско-Сандомирской операциях. В октябре 1944 г. Карпатско-Ужгородской операцией завершилось очищение всех украинских земель от гитлеровцев и их союзников. Освобождение Украины осуществлялось силами пяти фронтов: 1-го Белорусского и четырех Украинских. Войны прошли с боями от Мелового до Ужгорода 2 700 км, и каждый километр этого пути обильно полит кровью сыновей всех народов Советского Союза.

За ратные подвиги почти 4 тысячи освободителей Украины удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них – 2 598 русских, 668 украинцев, 69 белорусов, 62 грузина, 35 армян, 33 узбека, 30 казахов, 17 азербайджанцев – всего представители 43 национальностей¹⁰.

Отступая, гитлеровцы вывозили все, что можно было, а все остальное сжигали и уничтожали. Зловещий план нацистов был изложен в приказе Гимmlера, оглашенном в Киеве генералом СС Прютцманом 14 сентября 1943г. : "Цель, которой следует достигнуть, заключается в том, что, когда немецкие войска будут покидать Украину, ни одно человеческое существо, ни единая голова скота, никакое продовольствие и ни одна железная дорога не должна остаться позади. Не должен остаться ни один дом – все должно быть разрушено или отравлено..."¹¹.

Оккупанты разрушили и сожгли 714 городов и поселков, 28 тыс. сел, 16150 промышленных предприятий, 27725 колхозов, 1227 МТС и 873 совхоза, оставили без крова около 10 млн человек¹². Убытки, нанесенные оккупантами народному хозяйству Украины, больше чем любой другой республике Советского Союза. Они составили 285 млрд рублей (в ценах 1941 г.), что равно 42 процентам убытков, нанесенных СССР¹³.

По далеко не полным данным фашисты и их пособники уничтожили более 4 млн и вывели на невольничий труд в Германию 2,5 млн жителей Украины¹⁴.

В завершающий период войны (1943-1945 гг.) промышленность Украины дала стране 4 748 тыс. тонн железной руды, 47 млн тонн угля, более 340 тыс. тонн нефти, 2 252 тыс. тонн чугуна, 1 869 тыс. тонн стали, 1 332 тыс. тонн проката, 4 млн 395 квт часов электроэнергии. Труженики сельского хозяйства сдали государству 825 млн пудов хлеба¹⁵. Население Украины собралось в фонд обороны около 2 млрд. рублей.

Украина смогла выполнить роль важной материально-технической базы действующей армии.

За счет жителей Украины, мобилизованных в армию в 1943-1945 гг., пополнялся личный состав 1-го Белорусского и четырех Украинских фронтов. В целом каждый пятый воин Советских вооруженных сил с Украины. За мужество и отвагу на всех фронтах 2 072 украинца были удостоены звания Героя Советского Союза, причем 32 из них – дважды, и один – летчик-истребитель Иван Никитич Кожедуб – трижды. Солдаты и офицеры, жители Украины, проявившие массовый героизм, получили 2,5 млн орденов и медалей (из общего количества 7 млн наград, врученных воинам Красной Армии)¹⁶, то есть каждый третий орден или медаль.

Украинский народ дал вооруженным силам сотни полководцев и военачальников. Из 15-ти фронтов более половины возглавляли маршалы и генералы – украинцы по происхождению. Среди них А.И. Еременко, Р.Я. Малиновский, С.К. Тимошенко, И.Р. Апанасенко, М.П. Кирпонос, Ф.Я. Костенко, Я.Т. Черваченко, И.Д. Черняховский.

Прошло полвека с той героической поры. Пройдя сквозь огонь и кровь, горечь поражений и радость победоносных боев, украинский народ вместе с другими народами Советского Союза внес весомый вклад в победу антигитлеровской коалиции над нацистской Германией. Создав независимое суверенное государство, украинский народ не отказывается от общей истории, особое место в которой занимает Великая Отечественная война.

¹ См.: Турченко Ф.Г. Новейшая история Украины. Часть первая. (1917-1945 гг.). Учебник для 10-го класса средней школы, Киев, Генеза, 1995. С. 284-330.

² Голос Украины. 11 октября 1994 г.

³ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Документы и материалы в трех томах. Издание второе, дополненное. Т. 1. Киев. С. 14.

⁴ Голос Украины. 11 октября 1994 г.

⁵ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 3. С. 9.

⁶ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. В трех томах. Киев. 1975. С. 419.

⁷ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 3. С. 9.

⁸ История городов и сел Украинской ССР, Ворошиловградская область. Киев. 1976. С. 47, 423.

⁹ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 9.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 8.

¹¹ Цит. по: Украинская ССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 171.

¹² Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 3. С. 9.

¹³ Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). Москва: Политиздат. 1968.. С. 365.

¹⁴ Голос Украины. 11 мая 1995 г.

¹⁵ Радянська енциклопедія історії України. Т. 1. Киев. 1969. С. 248.

¹⁶ Украинская ССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 410; Голос Украины. 11 мая 1995 г.

НЕМЕЦКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ НАЦИЗМУ В КОНЦЕ ВОЙНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Состоявшийся 20 июля 1944 г. расстрел на месте, во дворе здания Верховного командования, четырех главных организаторов покушения на Гитлера – графа Штауфенберга, Ольбрихта, фон Квирнхайма и фон Хефтера – стал началом жестокой такти. Гитлер в заявлении по радио сказал: “Теперь мы рассчитаемся так, как принято у нас, национал-социалистов... На сей раз мы расправимся быстро... Они должны быть немедленно повешены, без всякой пощады”. Он отдал приказ действовать, используя жестокие, средневековые пытки¹. По свидетельству Геббельса, Гитлер хотел дать наглядный “кровавый урок”. Военные суды для этого не годились. Заговорщики должны были предстать перед созданным нацистами еще в 1934 г. “Народным судом” и, как записал в дневнике имперский министр пропаганды, “быть приговоренными к смерти”². Чтобы осудить “народным судом” не только гражданских противников Гитлера, но и военнослужащих, был учрежден так называемый “суд чести”, который должен был исключить арестованных офицеров из вермахта и передать их “народному суду”³.

Многие противники Гитлера – генерал-полковник Бек, генерал Вагнер, генерал Линдеман, генерал-майор фон Тресков и другие – избежали этого, покончив с жизнью самоубийством или дав себя убить, сопротивляясь аресту. Майор Кун перебежал к противнику на Восточном фронте⁴.

Председатель “Народного суда” Фрейслер получил задание диктатора ускорить проведение процессов против обвиняемых и примерно их наказать. При этом об обычном судопроизводстве не было и речи. Смертные приговоры многим были определены Фрейслером еще до суда⁵.

В ведомстве имперской безопасности под руководством группенфюрера СС Мюллера была создана многочисленная “Особая комиссия о 20 июля”. Она работала до апреля 1945 г., готовя для суда необходимые “доказательства”.

Гестапо и СД арестовывали подозреваемых. В тюрьмы или концлагеря были заключены или уничтожены противники Гитлера, не при-

нимавшие участия в заговоре 20 июля, но ранее осуждавшие режим, — бывшие министры Шахт, Носке, Попитц, адмирал Канарис, генералы Томас, Гальдер, Остер, статс-секретарь Планк. 22-23 августа в ходе акции “Гроза” были арестованы почти 5-6 тысяч бывших депутатов рейхстага, ландтагов и городских парламентов, как бывших функционеров других партий; среди них были и женщины. Многие оставались в концентрационных лагерях до конца войны или были убиты⁶.

Таким образом нацистским правителям удалось заранее обезвредить потенциальных противников гитлеризма. Весной 1945 г., когда создавались региональные или локальные центры сопротивления нацистским фанатикам, продолжавшим борьбу вплоть до самоуничтожения немецкого народа, антифашистам не хватало именно тех, кто был заключен в концлагерях.

Фрейслеровские судебные процессы с самого начала служили не правосудию, а уничтожению противников. Приговоренные уничтожались незамедлительно после решения “Народного суда”. Процессы начались 7 августа за закрытыми дверями. Они продолжались вплоть до начала 1945 г. и были проведены Фрейслером чрезвычайно жестоко и изощренно. Большинство обвиняемых, в том числе генерал-фельдмаршал фон Виллебен, были приговорены к смерти.

Наряду с арестами, осуждением и конфискацией имущества Гитлер и Гиммлер использовали по отношению к ближайшим родственникам заговорщиков произвольную и противозаконную практику ответственности всего рода за содеянное одним из его членов. Гиммлер заявил 3 августа, выступая перед гауляйлерами нацистской партии, что “семья графа Штауфенберга будет уничтожена до седьмого колена”⁷. Женщины, старики и дети более чем из 32 семей оказались в тюрьмах и концлагерях, где они подвергались пыткам и глумлениям.

Гитлер и Гиммлер использовали покушение 20 июля, чтобы осуществить казни политических противников, которые когда-либо навлекли на себя гнев верхов, хотя и не имели отношения к попытке переворота. Так были уничтожены находившиеся в заключении Эрнст Тельман, Георг Эльзер, генералы Шпонек и фон Цильберг (последний помог перейти линию фронта майору Куну).

Сотрудники “Особой комиссии о 22 июля” вынуждены были признать, что, вопреки утверждению Гитлера о “небольшой клике”, число участников Сопrotивления было весьма велико. Когда Гитлер узнал о таком значительном количестве участвовавших в заговоре офицеров, то сразу же заявил, что осуществит решительную чистку военных рядов, как это перед войной сделал Сталин в Красной Армии⁸. С точки зрения Гитлера, покушение Штауфенберга было “симптомом внутреннего заражения”, вызванного исключительным сговором “государственных преступников” с противником, а вовсе не ошибками и преступлениями его режима. Тем самым Гитлер нашел удобное объяснение военным поражениям, которые, по его словам, были вызваны

“перманентным предательством”, чинимым “проклятой малочисленной кликой” в генштабе⁹.

Пропаганда нацистского руководства, направленная против заговорщиков, нашла живой отклик у населения. Информаторы СД сообщали о многочисленных проклятиях в адрес офицеров, о требованиях “беспощадной чистки” в офицерском корпусе и в тылу. Такие настроения против заговорщиков умело использовались геббельсовскими пропагандистами. В руководимой нацистами прессе участники Сопrotивления именовались не иначе, как приспешниками внешнего врага.

Геббельс издал директиву о проведении “патриотических демонстраций” на территории рейха как “спонтанного волеизъявления народа”¹⁰. Немецким рабочим фронтом были организованы собрания на предприятиях, которые должны были направлять в адрес фюрера клятвы верности и поздравительные адреса. Были изданы специальные “директивы о проведении демонстраций”.

Хотя эти собрания были повсеместно организованы нацистской партией и участие в них членов НСДРП являлось “само собой разумеющимся почетным долгом”, поражало активное участие в этих мероприятиях населения на территории всего рейха. Манифестации стали мощными, эффективными заверениями верности Гитлеру. “Чрезвычайно многочисленное и сердечное участие в спонтанных патриотических демонстрациях” было оценено нацистским руководством как “неосознанный референдум” в пользу Гитлера и его режима. Следует отметить серьезную консолидацию режима после покушения. Многие сообщения о воздействии события 20 июля на настроения людей дают понять, что заговорщики “достигли противоположного от запланированного результата. Верность фюреру и его почитание приобрели еще больший размах, единение народа и руководство стало более прочным... Весь народ настроен в данный момент на то, что необходимо отдать свои силы для решительного продолжения войны до победы”. Мысль о прекращении войны была тем самым умело изгнана нацистскими пропагандистами из людских умов. Геббельс пришел к выводу, что события 20 июля означали для немцев очищающее излечение, “принесли больше пользы, чем вреда”¹¹.

Чувство необходимости сопротивления мощному военному давлению со стороны внешнего врага определило умонастроения немецкого народа летом и осенью 1944 года. 10 сентября было дано распоряжение прекратить пропагандистскую кампанию, поскольку поставленная цель была полностью достигнута. Проявленной ярости было достаточно. Национал-социалисты учредили непосредственный надзор над резервной армией (ее прежним начальником штаба был граф Штауфенберг). Главнокомандующим стал Гиммлер. И все же введение “национал-социалистического штаба оперативного руководства” в качестве дополнительного органа свидетельствовало о страхе режима перед всеобщим бунтом солдат в случае длительного продолжения

войны. Различные заявления Гитлера, Геббельса и Гиммлера подтверждают, что они боялись подрывной работы возвращенных военнопленных, "офицеров армии Зейдлица и переученных коммунистов". Гиммлер говорил: "Всякий, кто попытается открыть рот, будет расстрелян"¹².

Все подтверждает вывод современной историографии: установки ведущих деятелей 20 июля не были поддержаны "нижними военными чинами", а сопротивление Гитлеру было оказано незначительным меньшинством немецкого населения.

Консолидация режима, наступившая после событий 20 июля, была подвергнута особому испытанию осенью 1944 г., когда союзники на Востоке и Западе достигли границ рейха. Возникла опасность дестабилизации нацистского господства. На это указывает, например, составленный шефом СД Кальтенбрунером доклад о настроениях, в Австрии в сентябре 1944 г. В связи с переходом Красной Армии через Карпатский хребет, там явно проявился дух поражения и страх среди "почти всех слоев населения"¹³.

Угроза ослабления структур власти была не региональным явлением, что четко выявилось осенью 1944 г. в районе Кельна в связи с продвижением союзных армий к Рейну. Осенью 1944 г. в кельнском предместье Эренфельд была отмечена активность юношей и девушек, принадлежавших прежде к организации "Пираты Эдельвейса". Многие противники режима примкнули к этому кругу лишь после 20 июля. Некоторые члены этих групп поддерживали связь с кельнским филиалом Национального комитета "Свободная Германия". Нарушения порядка в районе Кельна стали осенью 1944 г. столь многочисленными, что приходилось использовать гестаповские зондеркоманды, призванные бороться против "политического сопротивления и бандитизма"¹⁴.

И хотя эти акции были локально ограничены, они все же выявили способность местных оппозиционных групп частично расшатывать нацистскую систему с целью скорейшего завершения войны или парализовать ее до прихода войск западных союзников.

Национал-социалисты осознавали опасность, грозившую им со стороны оппозиционных групп и отвечали эскалацией жестокости: публичные казни должны были стать устрашением для всего населения. Согласно приказу Гиммлера от 1 ноября 1944 г. гестапо разрешалось проводить казни по его указанию без судебного приговора. В Эренфельде 10 ноября 1944 г. были казнены гестапо 13 человек - "всенародно, без суда и следствия". За эти последовали публичные казни противников режима и в других городах.

27 апреля 1945 г. в Мюнхене группа офицеров под руководством капитана Гернгросса провозгласила "Акцию Свободная Бавария", но попытка потерпела крах. Подобные события меньшего размаха происходили во многих местах Западной Германии: жители выступали

против бессмысленных приказов нацистских вождей о борьбе до последнего патрона¹⁵.

Режим оставался, однако, дееспособным до последних дней войны. Свидетельством тому были весной 1945 г. убийства в связи с "расследованиями" событий 20 июля. Экзекуции были осуществлены в концлагерях на основании приговоров так называемых "военно-полевых судов СС." Так 9 апреля были уничтожены адмирал Канарис, генерал Остер, судья генерального штаба д-р Зак, д-р Дитрих Бонхер. Еще 20-23 апреля эсэсовцы убивали противников Гитлера прямо на улицах Берлина, где уже шли бои¹⁶.

Ситуация, сложившаяся после 20 июля 1944 г., подтверждает, что "правительство Герделера" (если бы удалось государственного переворота) подверглось бы резким нападениям, не встретило бы всеобщей поддержки немецкого населения. Большая часть молодого поколения осталась лояльной по отношению к Гитлеру.

Группы Сопротивления являлись незначительным по своему влиянию движением, которое охватывало менее 1 процента населения. Примечательно, например, что заключенные в тюрьме Бранденбург-Гёрден вскоре после побега в начале марта 1945 г. добровольно возвратились в тюрьму, осознав свое бессилие из-за отсутствия солидарности среди населения и трудности, угрожавших их жизни. Режим был разгромлен союзными войсками.

¹ Domarus M. Hitler. Reden 1932 bis 1945. Bd. 2. Wiesbaden. 1973. S. 127.

² Bundesarchiv (BA) Abt. Potsdam: Tagebuch Goebbels, Eintragung v. 23. 7. 1944.

³ Archiv IIZ München. MA - 95/2.

⁴ Hoffmann P. Widerstand, Staatsstreich, Attentat. Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, Zürich, 1979. S. 629.

⁵ Wieland G. Das war der Volksgerichtshof. Ermittlungen-Fakten-Dokumente. Berlin, 1989.

⁶ Spiegelbild einer Verschwörung. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Bd. 1-2. Stuttgart, 1983.

⁷ Bracke G. Melitta Gräfin Stauffenberg. Das Leben einer Fliegerin. München, 1990. S. 196.

⁸ Einbeck E. Das Exempel Graf Sponeck. Bremen, 1970; Schicksalsstunden der deutschen Armee 1923-1945. Tübingen, 1957. S. 367.

⁹ Lagebesprechungen im Führerhauptquartier. Protokollfragmente aus Hitlers militärischen Konferenzen 1942-1945. München, 1963. S. 246.

¹⁰ BA Koblenz: R 55/614.

¹¹ BA Abt. Potsdam: Nachlaß Goebbels, Tagebuch-Eintragung vom 3.12.1944.

¹² BA - Militärisches Zwischenarchiv Potsdam, TS 431: Geheimes Fernschreiben Himmlers vom 26.7.1944.

¹³ Kaltenbrunn's Bericht an Bormann vom 14.9.1944 // Dokumentationsarchiv des österreichischen Widerstandes. Wien, 5122.

¹⁴ Zanders J. Der antifaschistische Widerstandskampf des Volksfrontkomitees Freies Deutschland in Köln 1943/44 // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1960. H. 4. S. 732.

¹⁵ Bretschneider H. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in München 1933 bis 1945. München, 1968. S. 211.

¹⁶ Hoffmann P. Widerstand. S. 652-658.

“ЕСЛИ БЫ ОБ ЭТОМ ЗНАЛ ФЮРЕР!..” НЕМЕЦКИЕ БУДНИ ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Изменение расстановки акцентов, связанное с обращением к истории повседневности, произошло в историографии ФРГ в начале 80-х гг. Оно привело к более дифференцированному взгляду на образ поведения и на различия в менталитете немцев при нацистском режиме. Эти исследования проводились в рамках изучения движения Сопротивления и с достаточно значительным результатом. Ученые отказались от принятого ранее черно-белого изображения и показали весь спектр возможных типов отношения к нацистскому режиму: от поддержки и приспособления, от неприятия и частичной оппозиции до сопротивления, по этическим или политическим мотивам.

Историки отошли от мифических представлений об обманутой массе, над которой с помощью террористических средств – господствовала небольшая преступная клика национал-социалистов. Между обществом и государством в третьем рейхе утвердился существенный глубокий раскол. Современные региональные исторические исследования выявили, что стабилизация нацистского режима в 1935-1939 гг. происходила на фоне растущей поддержки его большинством немцев, что согласие это было достигнуто не только террором и пропагандой, но и благодаря гибкой политике, которая характеризовалась сочетанием репрессий, уступок и подачек. Нацистский лозунг “единства народа” стал в известной степени реальностью¹.

В сентябре 1939 г. после нападения немецких войск на Польшу не наблюдалось никаких восторгов по поводу начала войны. Информаторы гестапо и СД называли настрой населения пессимистичным и беспокойным. В первые годы войны, когда ее тяготы еще мало ощущались в больших немецких городах, причиной постоянного недовольства были прежде всего недостатки в снабжении. Успехи вермахта во Франции, Голландии и Бельгии укрепили надежду на скорое окончание войны.

Но известие о нападении на СССР 22 июня 1941 г. уничтожило эту надежду: “Настроение озабоченное и выжидательное,” – говорилось в информации бременского гестапо в сентябре 1941 г.² Вступление

в войну США делало очевидным для каждого, что война затянется. С начала 1942 г. британские самолеты совершили бомбовые налеты на густонаселенные районы больших немецких городов. Но гражданское население не было деморализовано. Бомбардировки даже усиливали – совершенно в духе нацистских лозунгов – “чувство общности судеб немецкого народа”. Пропаганда к тому же пыталась идеологически возвысить тяготы и придать страданию смысл в духе нацистских утопий.

Но от аграрных областей Восточной Пруссии, Баварии война была еще далека. Отношения между партией и населением казались не омраченными, была едва заметна критика по адресу партийных бонз. И даже после поражения под Сталинградом, когда тревожные известия с Восточного фронта повергли немцев в страх, Восточная Пруссия демонстрировала доверие к фюреру. Вера в конечную победу казалась там непоколебимой вплоть до эвакуации в октябре 1944 г. В городах главным источником информации было Лондонское радио, так как сообщениям командования вермахта никто не верил. Но в сельской местности Лондон слушали реже: то ли не во всех деревнях было электричество, то ли законопослушные крестьяне не делали того, что запрещено.

Несмотря на все различия, можно сказать, что военные переживания сливались в единую систему коллективных представлений. “Образы врагов”, наличествовавшие в обществе уже до 1933 г., получили, казалось, реальное содержание за счет нацистской пропаганды и были упрочены войной: наряду с расистскими стереотипами – “большевистский недочеловек”, “еврейский мировой заговор” – с новой силой проявились обиды времен первой мировой войны по отношению к англичанам. “Я кричала бы от радости, если бы мы отомстили этой позорной расе за все то, что они сделали немецкому народу и прежде всего нашему замечательному фюреру”, – писала Геббельсу немецкая домохозяйка после первого полета Фау-1 летом 1944 г.³

Собственные страдания, страх за мужей на фронте, омраченные войной будни, – все это искажало взгляд на политические события. Люди находили убежище в частной жизни, приспособлялись к обстоятельствам. Многие пытались использовать органы власти для решения своих проблем, о чем свидетельствует огромное количество доносов. Запрет слушать вражеские радиостанции создавал обстановку, в которой каждый чувствовал себя в опасности, но и подвергался искушению.

Хотя постепенно нарастало отчуждение между партией и народом, но tandem “государство и народ” функционировал пока что безупречно. Фраза “если бы об этом знал фюрер” очень часто повторялась в военное время: Гитлер стал олицетворением национальной утопии, которой бредило большинство населения, что было в значительной степени компенсацией действительности.

Страх перед возмездием заставлял немцев верить в военную победу как единственный выход, хотя он становился все менее реальным. И они укрывались не только в бомбоубежищах, но и в иллюзорном мире: национального сообщества, традиционной веры в честь немецкого солдата, превосходство немецкой расы и непобедимость фюрера.

Нацистский режим старательно наблюдал за настроениями рабочих масс. Наряду с агентурой гестапо подробные донесения поставляли наверх военные инспекции округов. С началом войны гестапо внедрилось на предприятия. С отдушинами для социального недовольства было покончено. 1 сентября 1939 г. был принят "указ об ограничениях при смене места работы", в октябре гестапо заявило о своих полномочиях по вопросам прекращения работы, прогулов, саботажа. В мае 1941 г. были созданы воспитательно-трудовые лагеря, в которые рабочих направляли на ограниченное время (максимум на 56 дней) за прогулы и антиправительственные выступления.

Полномочия гестапо были значительно расширены, а компетенции германского трудового фронта как посредники между интересами рабочих и предпринимателей – резко ограничены. И все же, вопреки репрессиям, рабочие прибегали к традиционным средствам защиты: типичными были акции саботажа. В информации военного ведомства о ситуации на предприятиях говорилось: "Жалобы на нарушения дисциплины (прекращение работы, неявка на работу, нежелание работать) накапливались преимущественно в дни после зарплаты и в конце рабочей недели"⁴.

После того, как рабочие организации были разгромлены с помощью террора, политика нацистского режима по отношению к трудящимся заключалась в умелом сочетании пропаганды и реальных социально-политических мер. Эта политика проводилась и во время войны, причем приоритетным было обеспечение достаточного уровня продовольственного снабжения. Это достигалось за счет использования труда иностранных рабочих, которые были притянуты в рейх с оккупированных территорий, за счет ограбления захваченных стран Европы.

Использование миллионов иностранных рабочих рук осуществлялось путем создания всеобъемлющей репрессивной системы, в которую различными способами были включены и немецкие рабочие. Существовала хорошо продуманная национальная иерархия по расистским критериям: наверху немцы, в самом низу русские. Как писал историк У. Герберт, это было "предвкусением европейской перспективы после немецкой победы с господством немцев и расистской структурой"⁵. Большинство германского населения соглашалось с расистской дискриминацией иностранцев, с расистскими компонентами национал-социализма.

Становится ясным, почему для большинства немцев военное поражение было чудовищной национальной катастрофой: они отделяли

события войны от контекста национал-социалистического государства. Антифашисты, возвращавшиеся в 1945 г. из концлагерей или эмиграции, военнотруженики оккупационных армий с удивлением констатировали: немцы казались погруженными в свои заботы и не были способны осознать, что их страдания явились следствием их собственной вины, следствием национал-социалистических преступлений, что они сами не жертвы, а преступники или соучастники преступлений.

В коллективной памяти западных немцев послевоенное "экономическое чудо" оказалось по своей стабильности аналогичным предвоенному периоду 1936-1939 гг.

¹ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 1-6. München. 1977-1983.

² Marbolek J., Ott R. Bremen im Dritten Reich. Bremen. 1986. S. 355-356.

³ Steinert M. Hitlers Krieg und die Deutschen. Düsseldorf. 1970. S. 459-460.

⁴ Marbolek J., Op. cit. S. 362.

⁵ Herbert U. Fremdarbeiter. Bonn. 1985. S. 352.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНТИФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Писатель-антифашист Гюнтер Вайзенборн эпиграфом к одной из глав своей, на мой взгляд, лучшей книги "Мемориал" взял высказывание о том, что "чем меньше человек думает о себе, тем он счастливее, меньше смущает самого себя"¹. Это сказано о всех антифашистах, как участниках организованного Сопротивления, так и об антифашистах-одиночках. К сожалению, наша отечественная историография, уделяя сравнительно большое внимание антифашистскому движению вообще, забывала о том, что любое движение состоит из отдельных личностей, индивидуумов. Однако, именно изучение того, что объединяло эти личности в достижении общей цели – уничтожения фашизма, чрезвычайно важно для объяснения этого явления – необыкновенного и, казалось бы невозможного в условиях гитлеровского террора.

В антифашистской борьбе узников концлагерей сила человеческого духа и мужественности, самоотверженности и гуманности проявилась особенно ярко. Это они в годы зла и насилия в условиях концлагерной жизни восстали против насилия и зла во имя будущего человечества. В условиях, когда каждый отдельный человек верил в необходимость убивать как можно больше смертельных врагов, варваров и неарийцев, ибо для него, человека, размахивающего автоматом, только тогда наступит лучшая жизнь и мир будет прекрасен, узник концлагеря (по мнению этого человека – "недочеловек") оставался индивидуальностью. Не про каждаго можно было сказать, что он, находясь постоянно один на один со смертью, любит других больше, чем самого себя. Они реагировали на одни и те же обстоятельства по-разному. "Среди нас были сильные и слабые, здоровые и больные, простые и сложные, ясные и непонятные, готовые помочь и понять. Только в смерти мы были здесь все равны"², – писал об этом один из бывших узников священник И. Иосс.

Дело было не только в том, что национальная принадлежность, подчеркнутая обособленными бараками, уже сильно отделяла людей друг от друга. Классовые различия, разные мировоззрения делали эту

разобщенность еще глубже и также не способствовали объединению узников в единое целое. О. Крауз и Э. Кулька, чешские узники многих концлагерей, в том числе одного из самых страшных – Освенцима, пытались объяснить, почему заключенные не восстали, несмотря на то, что охрана Освенцима, по сравнению с 4-х миллионной массой узников, была очень невелика, а среди заключенных находилось много людей, способных бороться и знавших, что впереди их ждет только смерть, писали: "Национальные и классовые различия не позволяли создать великое единства узников, которое поддерживали бы все заключенные лагеря. Все попытки такого единства разбивались постоянным уничтожением узников, их периодическим притоком и перемещением. Кроме того, нацисты создавали особую обстановку, стараясь разбудить в заключенных самые низменные человеческие инстинкты"³.

Жизнь в концлагере, длившаяся иногда годами, ставила людей перед большим испытанием. Все поверхностное, наносное, не присущее от природы человеку, не являющееся частью его натуры, теряло смысл. Здесь человек мог познать самого себя. Многих постоянный контакт со смертью приводил в состояние полного отчаяния. Человек переставал владеть собой. Все его чувства в таких случаях были подчинены инстинкту самосохранения. "Даже натуры, которые в нормальной жизни были добры и спешили помочь другим, в тяжелых условиях неволи могут безжалостно тиранить своих товарищей по заключению"⁴, – пишет Северина Шмаглевская в своих воспоминаниях "Дымы над Биркенау".

Перед лицом смерти, в условиях той деморализации, которую принесла война, возникали совершенно иные критерии восприятия жизни. "Война была тем ударом, который, выбив почву из-под ног человека, заставлял его по-новому оценить те вещи, которые раньше совсем иначе воспринимал его ум". "Здесь, – пишет Шмаглевская, – исчезают все правила хорошего тона, которые в нормальных условиях жизни позволяют иногда ничтожному человеку выйти из многих положений, не осознав и не показав другим, что он ничтожество"⁵.

В концлагере исчезали все сдерживающие моменты. Человек создавал совсем новое отношение к действительности, критерием которого являлось его духовное содержание – отношение к общечеловеческим ценностям, внутренняя порядочность, сила воли.

Условия гитлеровских концлагерей, которые соответствовали их назначению, пробуждали инстинкты, которые в другой обстановке могли бы никогда не проснуться. Трудно назвать такие формы садизма, которые не практиковались бы в лагерной жизни. Это была тщательно продуманная система воздействия на психику человека вообще, на психику с тонкой внутренней организацией, в первую очередь. Среди заключенных находилось много таких, которым приходилось дорожить расправляться за повышенную восприимчивость к своей и чу-

жой боли. Многие этого не выдерживали и уходили добровольно из жизни, но были и отдавшие свои жизни за своих товарищей по судьбе. Среди них были люди, участвовавшие в организованном Сопротивлении, и такие, про которых, Ганс Фаллада написал роман: "Каждый умирает в одиночку".

Трудно ответить на вопрос о том, почему каждый из них был один и не нашел или не искал дорогу к организованному Сопротивлению. Может быть не знал эту дорогу, а может быть считал, что работать в одиночку безопаснее. Среди одиночек в концлагерях было много священников, особенно в Дахау. Священники спасли жизни многих узников, так как имели право через Красный Крест получать посылки. То, что эти люди предпочитали бороться с фашизмом в одиночку, отнюдь не умаляет их вклада в общее дело победы.

Когда мы говорим об организованном Сопротивлении, то не можем обойти вопрос об объединяющей роли политических программ участников борьбы. Так, в большинстве концлагерей антифашистское подполье сформировалось на базе старых политических связей. Во всех концлагерях первыми узниками были немецкие коммунисты и социал-демократы, представители прогрессивной интеллигенции. Большинство из них прошли еще на свободе школу мужества в антифашистском подполье, закалены были этой борьбой, хорошо изучили нравы и повадки эсэсовцев.

Благодаря этим людям, которые собрали вокруг себя единомышленников, узников различных национальностей, преодолевших естественную в то время неприязнь к одному слову "немец", концлагеря, являвшиеся воплощением иден фашизма – уничтожить целые народы, воплощением ничем не ограниченного зверства и стремления уничтожить все прогрессивное в человечестве, стали местом героической борьбы патриотов почти из всех европейских стран против общего врага – германского фашизма. Повсюду в концлагерях, где были сознательные антифашисты, росла воля узников к сопротивлению. Гитлеровцы боялись этого духа, но не смогли сломить его. Эта постоянная, полная опасностей и неожиданностей борьба требовала огромного мужества, убежденности и самоотверженности, она требовала глубокой порядочности и человеколюбия. Многие безымянные борцы отдали свои жизни, чтобы спасти жизни товарищей, и их смерть становилась призывом к дальнейшей борьбе.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НКСГ

В августе 1943 г., сразу после основания Национального комитета "Свободная Германия" в редакционной статье журнала "Война и рабочий класс" отмечалось значение НКСГ в деле "широкого объединения старых и новых противников гитлеровского режима и его грабительской войны", организации совместных действий "людей, стоявших еще в недалеком прошлом на совершенно различных политических позициях". Особое внимание было обращено на возможность привлечь в движение "те элементы, которые до сих пор слепо доверяли гитлеровской клике"¹. Эти реалистические, объективные оценки выдержали испытание временем – в отличие от некоторых упрощенных формул позднейшей советской историографии.

В конце 50-х – начале 60-х гг., когда в советской научной литературе появились первые работы по общим проблемам германского Сопротивления, в статье Е.А. Бродского, в книге Л.И. Гинцберга и Я.С. Дабкина была изложена исходная концепция истории Национального комитета "Свободная Германия" и Союза немецких офицеров. Они рассматривались как союз "противников гитлеровской тирании, независимо от политических взглядов и религиозных убеждений", как фактор отхода от ситуации, когда большинство немцев "слепо верило обещаниям Гитлера, активно или пассивно поддерживало преступную войну"².

Исследование истории НКСГ и СНО стало делом жизни А.С. Бланка (1921-1985), офицера Красной Армии, работавшего во время войны в лагерях немецких военнопленных, а после войны – профессора педагогического института в Вологде³. Ему принадлежит первая на русском языке монография о "Свободной Германии" (1963)⁴. Автором систематизирован весьма обширный фактический материал, дана периодизация движения, на широком фоне истории второй мировой войны раскрыты главные направления деятельности антифашистской организации. Основной результат акций НКСГ заключался, по мнению Бланка, в том, что "начали думать" попавшие в плен солдаты вермахта, "привыкшие беспрекословно повиноваться приказам",

¹ Вайзенборн Г. Мемориал. М. 1973. С. 15.

² Joss I. Leben auf Widerauf. 1946. S. 96.

³ Крайс О. Кукла Э. Фабрика смерти. М., 1960. С. 259-260.

⁴ Szmaglewska S. Dymy nad Birkenau. Warszawa. 1946. S. 225.

⁵ Ibid. S. 227.

предпочитавшие поначалу "выжидать и присматриваться"⁵. В книге подробно анализируется работа газеты "Фрайес Дойчланд", радиостанции того же названия, антифашистских школ в лагерях военнопленных.

Книга Бланка, будучи обстоятельным и серьезным научным исследованием, обнаруживает все же определенную заданность. На ней не могли не сказаться, как и на других исторических трудах сталинского и постсталинского времени, идеологические императивы режима. Не подтвержден фактами вывод автора, что движение "Свободная Германия" превратилось в "мощную антигитлеровскую силу". Ведь НКСГ не смог осуществить задач, провозглашенных в его программных документах, его призывы к отводу войск вермахта на германскую территорию, к общенациональному Сопротивлению не были услышаны. В противоречии с данными, приводимыми в монографии, находится тезис о том, что в антифашистской борьбе участвовали "прежде всего коммунисты, а также левые социал-демократы"⁶.

К чести известного историка следует сказать, что он безусловно, понимал искусственный характер подобных схем. Его мемуары, опубликованные на страницах советских журналов 60-х – начала 80-х гг.⁷, насыщены суждениями, которые явно противостоят официальной трактовке истории НКСГ и СНО. Исследователь подробно рассказывает о встречах и беседах с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом, о сторонниках Национального комитета, отнюдь не разделявших воззрений коммунистов, но активно выступавших против гитлеризма. В последние годы А.С. Бланк работал над биографией Паулюса, завершению и выходу в свет которой помешали препятствия идеологического характера. Фрагменты воспоминаний Бланка вошли в опубликованную на немецком языке книгу "Немецкие военнопленные в Советском Союзе" (1979)⁸.

Незадолго до кончины исследователь вернулся к общей оценке деятельности Национального комитета. В личном архиве А.С. Бланка, как сообщает его ученик Б.В. Петелин, хранится следующий текст: "Движение "Свободная Германия", специально созданное, организованное сверху, не представляло собой результат спонтанного родившегося протеста против деспотизма и тирании. Оно было картой в политической игре противных сторон и, поскольку помогало борьбе против Гитлера, было полезным делом, но... Не случайное движение это захирело уже в конце 1944 г. и окончательно самоликвидировалось в 1945 г., когда Сталин утратил к нему всякий интерес".

В 70-е гг. проблематика НКСГ и СНО плодотворно изучалась украинскими историками. И.М. Кулинич (Киев) дал обстоятельный анализ деятельности фронтовых уполномоченных НКСГ, ввел в научный оборот новые материалы об усилиях президента СНО генерала В. фон Зайдиля (февраль 1944 г.) убедить сдать в плен солдат и офицеров окруженной немецкой группировки⁹. Серия статей Г.В. Горбань (Днепропетровск), частично основанная на архивных материалах,

посвящена рассмотрению содержания листовок и радиопередач Национального комитета¹⁰.

Новые факты и документы, выявленные советскими исследователями, с трудом укладывались в упрощенную версию истории движения "Свободная Германия". Изучение значительного архивного массива листовок НКСГ и СНО, осуществленное Д.К. Зебровым в 1967 г., привело автора к выводу, что основой пропагандистских акций немецких антифашистов были не приписываемые им стереотипы о "руководящей роли КПГ" или "революционных преобразованиях в Германии", а отвечавшее глубинным потребностям нации и уровню ее самосознания "убеждение средствами правдивой информации", "обращение к инстинкту самосохранения"¹¹.

Значительный интерес представляют опубликованные в 1975 г. А.Р. Корсунским результаты изучения политических взглядов немецких солдат, взятых в плен в последние месяцы войны войсками 4-го Украинского фронта. В работе была применена методика анонимного анкетирования, позволявшая реконструировать менталитет немецких солдат. В середине апреля 1945 г. 90% респондентов ответили "нет" на вопрос, доверяют ли они Гитлеру, но при этом 25% были убеждены в правильности основ мировоззрения НСДАП, 18% полагали, что немецкий народ превосходит все другие народы, а 65% высказалось в пользу приобретения Германией колониальных владений¹². Данные Корсунского, совпадающие, как он отмечает, с результатами аналогичных исследований американских военных психологов, позволяют выявить исходную базу процесса очищения военнослужащих вермахта от гитлеровской идеологической отравы.

Реальная картина успехов и трудностей в деятельности НКСГ представляет из опубликованных О.А. Волковой архивных документов (из фондов Московского Музея революции) о поездке бригады Национального комитета в августе 1943 г. в Елабугу, в лагерь военнопленных № 97¹³.

В мемуарных публикациях советских офицеров (пропагандистов и переводчиков) воссоздана, говоря словами Л.З. Копелева, панорама "наступления на умы и души немецких солдат"¹⁴, наступления, осуществившегося совместно с активистами Национального комитета и Союза немецких офицеров. Деятельность представителей НКСГ в войсках 1-го Белорусского фронта и в отрядах белорусских партизан – в центре внимания Н.Д. Дятленко¹⁵. О "восточных университетах", о "факультетах прозрения", итогом которых для проходивших их немцев было "рожденное в тяжелейших муках новое мировоззрение", повествует Г. Геродник¹⁶.

Некоторые существенные стороны повседневной работы "Свободной Германии" воспроизводятся на страницах воспоминаний генерала-майора М.И. Бурцева¹⁷.

Хотя в конкретно-исторических публикациях советских историков по проблематике "Свободной Германии" был достигнут определенный

прогресс, прежние идеологизированные схемы долго еще оставались в силе. Исследователям были практически недоступны архивные материалы НКСГ, советских военных органов, а опубликованные источники использовались нередко тенденциозно и выборочно. Характерна в этом отношении статья А.М. Шевченко (1974). В основу публикации положена предвзятая идея о «классовой, революционной направленности движения. Автор настаивает на сомнительной версии о том, что «образование ГДР теснейшим образом связано с деятельностью НКСГ». Акции «Свободной Германии» по существу идентифицируются с исполнением решений ЦК КПГ. У читателя создается впечатление, будто в работе Национального комитета участвовали исключительно коммунисты. Говоря о составе избранного в июле 1943 г. НКСГ, Шевченко перечисляет лишь фамилии руководящих функционеров КПГ. Об «остальных сказано следующее: «25 военнопленных – солдаты, унтер-офицеры и офицеры»¹⁸.

Разрушить устоявшиеся клише, реконструировать историческую реальность невозможно без обращения к документам «Свободной Германии», без нового, непредвзятого их прочтения. В этом состоит смысл и значение вышедшего к 50-летию НКСГ и СНО сборника «За Германию – против Гитлера!»¹⁹. В книгу вошли ранее не публиковавшиеся на русском языке протоколы учредительных конференций Национального комитета и Союза немецких офицеров, программные документы движения (среди них – Манифест НКСГ и «25 тезисов об окончании войны»), образцы текстов листовок и радиопередач. Материалы книги позволяют понять роль Сталинградской битвы в развитии антифашистского движения среди военнопленных. Уцелевшие в сталинградском «котле» солдаты и офицеры стали костяком Национального комитета. Социально-психологические процессы среди пленных достаточно точно отражали ситуацию медленного внутреннего отхода немецкого населения от поддержки гитлеризма.

Выход документального сборника обозначил новый этап в изучении «Свободной Германии», в ходе которого начала осуществляться назревшая потребность в переосмыслении значительного круга проблем. В статьях А.А. Крупеникова и Н.Н. Берникова на основе рассекреченных документов российских архивов по-новому оценивается роль представителей различных политических и социальных сил в движении, притворяются основные черты сложного механизма взаимоотношений между Национальным комитетом, с одной стороны, и советскими военными, политическими и специальными органами, с другой. Авторами предлагается новый взгляд на проблемы основания и роспуска НКСГ. Впервые сопоставляются установки двух важных компонентов германского Сопротивления: движения «Свободная Германия» и антигитлеровской оппозиции части немецкой военной и политической элиты, организовавшей акцию 20 июля 1944 г.²⁰

Значительную научную ценность представляет публикация материалов российско-германской конференции, посвященной 50-летию

НКСГ и проходившей в Москве и Краснотуркменском в сентябре 1993 г. Контакты ученых России и ФРГ, утвердившиеся в ходе конференции, нашли прямое продолжение в подготовке и публикации в 1995 г. издательством «Фишер» (Франкфурт-на-Майне) совместного сборника статей и документов «Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров»²¹.

Среди авторов работ о НКСГ и СНО не было, пожалуй, никого, кто мог бы умолчать о деятельности наиболее известного лидера движения генерала В. фон Зайдлица. Однако цензура (и самоцензура) запрещала упоминать о том, что генерал, приговоренный к смерти гитлеровским военным трибуналом, был объявлен в СССР военным преступником. По прямому указанию Берии приговор 1950 г. гласил: 25 лет исправительно-трудовых работ. Зайдлиц был отпущен на родину только осенью 1955 г. Впервые об этом рассказал в 1992 г. А.А. Крупеников²². В 1990 г. вышла в свет написанная А.С. Бланком и доработанная его учеником Б.Л. Хавкиным биография Ф. Паулюса²³. В книге органически соединены воспоминания очевидца, исследование историка, документы. Эволюция мировоззрения Паулюса, анализу его литературного наследия посвящены очерки А.И. Борозняка и В.Б. Конасова²⁴. Эти публикации открывают путь к человеческому измерению истории НКСГ и СНО.

В течение почти четырех десятилетий исследования и документальные сборники о «Свободной Германии», вышедшие в Федеративной республике, выражали преимущественно негативное отношение к движению. Советскими историками они воспринимались исключительно с конфронтационных позиций. Отсутствовали какие-либо контакты ученых двух стран, занимавшихся проблемами НКСГ и СНО. В последние годы наметился дифференцированный, далекий от односторонности подход. Открылись и начали реализовываться возможности плодотворного диалога российских и германских исследователей.

¹ К образованию Национального комитета «Свободная Германия» // Война и рабочий класс. 1943. № 5. С. 6-8.

² Бродский Е.А. Об антифашистской борьбе в Германии в годы второй мировой войны // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 61; Гинцбург Л.И., Дабкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933-1945). М. 1961. С. 97.

³ О научной деятельности А.С. Бланка см.: Борозняк А.И. Антифашистское движение Сопротивления: научное наследие А.С. Бланка и современные дискуссии в ФРГ // Уроки и проблемы изучения истории второй мировой войны. Вологда. 1995. С. 16-18; Кашиш Р.Г. Ученый, наследие, время // Там же. С. 19-22; Галактионов Ю.В. Феномен национал-социализма как объект изучения // Там же. С. 22-25.

⁴ Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943-1945). Вологда. 1963.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 39, 63.

⁷ Бланк А.С. Несколько месяцев в Суздалье // Новый мир. 1968. № 3. С. 70-86; его же. Прозрение фельдмаршала Паулуса. Волга. 1976. № 2. С. 114-151; его же. Пленники Сталинграда. Новый мир. 1983. № 9. С. 205-226.

⁸ Blank A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Köln. 1979

⁹ Кулинич И.М. О деятельности Национального комитета "Свободная Германия" в 1944г. на 1,2,3,4-х Украинских фронтах // Bulletin des Arbeitskreises "Zweiter Weltkrieg" (Berlin). 1979. Nr.3. S. 55-65.

¹⁰ Горбань Г.В. К вопросу о деятельности Национального Комитета "Свободная Германия" на советско-германском фронте (1943-1945) // Исследования по истории русско-германских отношений. Днепрпетровск. 1978. С. 62-67; ее же. Содержание печатной пропаганды Национального комитета "Свободная Германия" на советско-германском фронте (июль 1943 - январь 1944 гг.) // Вопросы германской истории. Днепрпетровск. 1980. С. 65-79.

¹¹ Зебров Д.К. Листовки национального комитета "Свободная Германия" // Журналистика и жизнь. Л., 1967. С. 223. Вып. 4.

¹² Курсунский А.Р. Опыт изучения политических взглядов солдат вермахта во время Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1975. № 4. С. 171-177.

¹³ Волкова О.А. Документы антифашистского движения "Свободная Германия" // Музейное дело в СССР. М., 1985. С. 173-185.

¹⁴ Копелев Л.З. Слово правды через фронт // Литературное наследство. Т. 78. Кн. 1. М., 1966. С. 534.

¹⁵ Дятченко Н.Д. Сыны немецкого народа // В лесах Белоруссии. Минск, 1977. С. 323-336.

¹⁶ Геродик Г. Восточные университеты // Новый мир. 1977. № 7. С. 189-217; № 8. С. 196-223.

¹⁷ Бурцев М.И. Прозрение. М., 1981.

¹⁸ Шевченко А.М. Национальный комитет "Свободная Германия" в действии // Ежегодник германской истории 1973. М., 1974. С. 402-410.

¹⁹ За Германию - против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета "Свободная Германия" и Союза немецких офицеров. М., 1993.

²⁰ Там же. С. 5-15, 16-26.

²¹ НКСТ - 50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Краснотурк. 1994. "Das Nationalkomitee 'Freies Deutschland' und der Bund Deutscher Offiziere. Frankfurt a. M., 1995.

²² Крутинников А.А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устроения. Екатеринбург. 1992. С. 83-85.

²³ Бланк А., Хаксин В. Вторая жизнь фельдмаршала Паулуса. М., 1990.

²⁴ Борозин А.И. Генерал-фельдмаршал Паулус: "Покончить с войной и насилием!" // Нестор. Историко-культурные исследования. Вып. 2. Воронеж. 1993, с. 127-134; Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда. 1996. С. 260-284.

ВИЛЛИ БРАНДТ И АНТИНАЦИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Начало второй мировой войны застало Вилли Брандта на норвежской земле. Молодой двадцатипятилетний политический эмигрант, функционер левой Социалистической рабочей партии уже обладал немалым опытом антифашистской борьбы, в активе которой были яркая деятельность журналиста, не лишенная риска разнообразная работа по связи с немецкими политэмигрантами-антифашистами и оказанию помощи лицам, ставшим жертвами фашистского террора. Агрессия нацистской Германии заставила немецких антифашистов по-новому взглянуть на судьбы народов, поставив в центр деятельности не только освобождение своей страны от кровавой нацистской диктатуры, но и установление такого мирового порядка, который исключал бы войну как средство решения международных конфликтов.

Позднее Вилли Брандт писал: "Немецкие социалисты самых различных оттенков в течение многих лет вели борьбу против нацистской Германии. Мы не могли хотеть, чтобы она выиграла войну, но и не желали, чтобы в результате войны Германия погибла. И вот началась война... В политическом отношении немецкий антифашист становился участником войны против нацистской Германии"¹.

Свое видение военной действительности Вилли Брандт изложил в книге "Военные цели великих держав и новая Европа", сигнальный экземпляр которой уже 8 апреля 1940 г. был в руках автора. Однако книга не дошла до читателей, так как ее небольшой тираж был уничтожен гестапо.

После гитлеровской оккупации Норвегии В. Брандт переезжает в Швецию, где усилиями его друзей в августе 1940 г. немецкому антифашисту удается, наконец, получить норвежское гражданство. До этого момента деятельность немецкого эмигранта, участвовавшего в норвежском Сопротивлении нацизму, была в поле зрения шведских спецслужб, работавших в тесном контакте с гестапо. Вилли Брандт не раз подвергался арестам, каждый из которых грозил ему выдачей нацистской Германии. Однако умелая конспирация и помощь сканди-

навских социал-демократов всякий раз позволяли ему избежать роковой участи. Находясь в Стокгольме, Вилли Брандт совместно с одним шведским другом открывает "шведско-норвежское пресс-бюро". В статьях, автором которых он выступает, речь шла преимущественно об угнетении норвежцев, об их сопротивлении оккупационному режиму, о борьбе за свободу Норвегии. Статьи В. Брандта пользуются большой популярностью во многих зарубежных изданиях и в дипломатических кругах ряда иностранных государств, представленных в Швеции. На основе своих публикаций Вилли Брандт выпускает книги и брошюры.

В центре внимания публицистики Вилли Брандта находились самые актуальные, животрепещущие проблем современности: происхождение, причины, характер и ход второй мировой войны, ее влияние на международное и внутреннее положение Германии, проблемы европейского и немецкого Сопротивления, развитие партизанской борьбы в оккупированных странах, проблемы послевоенного устройства мира и положения в нем Германии².

Всего до конца войны только по этой проблематике вышло тринадцать наименований. Вскоре Вилли Брандт становится как бы пресс-атташе норвежского Сопротивления в Стокгольме.

Как убежденный антифашист и демократ Вилли Брандт считал, что ответственность за развязывание войны несет германский нацистский империализм. Однако военный взрыв произошел вследствие развития противоречий установленного после первой мировой войны мирового порядка. Они возникли в значительной степени благодаря узколобой империалистической политике правящих кругов Великобритании и Франции, растоптавших принцип коллективной безопасности. Нацистская верхушка Германии, используя террор и манипулируя общественным сознанием, сумела опереться на большую часть немецкого народа в проведении в оккупированных странах преступной политики, которая втоптала в грязь честное имя немцев и вызвала справедливый гнев народов, ставших жертвами "нового порядка"³.

Однако преступную клику нацистских политиканов нельзя было отождествлять со всем немецким народом. Вот почему принципиальное значение приобрела борьба антифашистов против идеологии и политики "ванситтаризма", объявившего нацизм производным немецкой истории и воплощением немецкого национального характера, в котором якобы соединились жестокость, зависть и чувство ущемленности. Сторонники "ванситтаризма" требовали исключения Германии из Европы как политической, экономической, культурной и силовой реальности. Такой "расизм навыворот" вел к усилению в Германии националистических настроений, фактически поощрял реакционные силы к продолжению войны, был направлена против немецкого антинацистского Сопротивления⁴. В этих условиях большое значение приобретал твердый курс держав антигитлеровской коалиции, кото-

рые в своей политике четко разграничивали преступную нацистскую верхушку и немецкий народ, видели свои главные задачи в разгроме гитлеровской военной машины, искоренении нацизма и устранении общественно-экономических условий, его порождавших. Вилли Брандт высоко ценил публичные выступления У. Черчилля, Ф. Рузвельта и И.В. Сталина, в которых излагались основы такой политики, служившей реальной поддержкой антинацистской борьбы немецкого народа⁵.

На первом этапе мировой войны, когда "на западном фронте осталось все без перемен", важную роль приобретал решительный отпор нацистскому агрессору. Поэтому В. Брандт видел в советско-германском сближении в августе-сентябре 1939 г., а также в действиях Кремля против Финляндии, серьезный удар по силам антифашизма, демократии и социализма. По-прежнему считая, что для всех антифашистов, демократов и социалистов главным врагом остается Гитлер и его преступный режим, Вилли Брандт резко осуждал официальный курс Москвы⁶. Анализируя процессы, происходившие в Советском Союзе после Октябрьской революции, он пришел к твердому выводу: социализм невозможен без свободы и демократии⁷.

В. Брандта отличала высокая коммуникабельность, способность быстро ориентироваться в обстановке, вступать в контакты с людьми, находить общий язык в совместных действиях против нацизма. Его оптимистические суждения, обворожительная улыбка, постоянная готовность прийти на помощь нуждающимся, располагающая к себе внешность в сочетании с широкой эрудицией позволяли ему быстро обрести друзей. Он выступал то как немец, то как норвежец. Свободное владение обоими языками позволяло ему устанавливать и развивать многочисленные деловые связи. Широкий политический кругозор и оригинальные суждения Вилли Брандта создавали впечатление о нем как о левом радикале, коммунисты же видели в нем убежденного социал-демократа. Однако как бы его не оценивали, он всегда выделялся как стойкий антифашист. Видный австрийский социал-демократ Бруно Крайский, живший в годы войны в Стокгольме, вспоминал: "Вилли Брандт был в те времена воплощением политического разума и сверх того выделялся как опытный политический руководитель. Вилли Брандт стал представительной фигурой немецко-язычной эмиграции"⁸.

После нападения нацистской Германии на Советский Союз, официальное руководство немецких социал-демократов – Сопаде не изменило позиции, зато Социалистическая рабочая партия, одним из видных функционеров которой в Норвегии был Вилли Брандт, выступила в поддержку справедливой борьбы советского народа, отмечала большую роль Советского Союза. "В этой борьбе, – говорилось в заявлении ЦПР от 28 июня 1941 г. – мы целиком на стороне Советского Союза, который в сердцах миллионов рабочих и всех

порабощенных фашизмом... олицетворяет Октябрьскую революцию»⁹.

Путь к возрождению Германии как миролюбивого демократического государства пролегал через единство всех антифашистских сил. На международном совещании в Швеции в июле 1942 г. левые социал-демократы Скандинавии, Германии, Австрии, Франции, Венгрии и Чехословакии создали "Международную группу демократических социалистов", секретарем которой был избран Вилли Брандт. Эта группа периодически собиралась вплоть до 1945 г. и вошла в историю как "малый Интернационал". 1 мая 1943 г. она опубликовала "Мирные тезисы демократических социалистов". В. Брандт считал, что войну можно выиграть в военном отношении, но проиграть политически. Послевоенная политика не может определяться ненавистью, а должна исходить из воли народов к совместно-му возрождению. В дальнейшем, в брошюре "После победы – дискуссия о целях войны и мира" В. Брандт развивал мысль, что освобожденная от нацизма Германия должна стать связующим звеном в объединении Европы, где всем народам должны быть обеспечены равные основные права. В Советском Союзе он видел наряду с США одну из "ведущих мировых держав". Руководствуясь чувством политического реализма, он призывал отбросить негативные взгляды на Советский Союз, связанные с его позицией накануне войны, не питать к нему больше недоверия, а наоборот, связывать с ним надежды на строительство демократического мира. В. Брандт высказывался за демократическое возрождение Германии усилиями самого немецкого народа, но с помощью держав-победительниц. В деле строительства новой, демократической Германии он не исключал участия немецких коммунистов¹⁰.

Американский дипломат Г. Джонсон в одной из доверительных телеграмм из Стокгольма в Госдепартамент в мае 1944 г., докладывая, что "Брандт – это молодой, но, безусловно, вдумчивый и серьезный наблюдатель немецкой обстановки"¹¹. В ряде статей он подверг обстоятельному анализу положение различных течений в немецком Сопротивлении (внутри армии, офицерского корпуса, в среде нацистской партии, консервативной, либеральной и церковной оппозиции, молодежи, в рабочем движении). Констатируя высокую степень дифференциации антинацистского Сопротивления, В. Брандт видел его главную слабость в отсутствии единства участников¹².

Последовательно выступая за объединение всех антифашистских сил, В. Брандт баз колебаний поставил свою подпись под воззванием Свободного немецкого союза культуры в Швеции (СНСКУ), цели которого соответствовали основному направлению деятельности Национального комитета "Свободная Германия". Его подписали также видные деятели германского рабочего и демократического движения –

К. Мевис, М. Зейдевиц, Ф. Тарнов. Союз стал одним из организаторов ряда антифашистских мероприятий, проведенных в 1944-1945 гг. в Швеции¹³.

1944 год Вилли Брандт назвал "поворотным пунктом" своей жизни. Одним из важных событий этого поворота стали его контакты с немецким Сопротивлением. Еще в 1942-1943 гг. В. Брандт познакомился с Теодором Штельцером, начальником транспортного отдела в штабе немецкого главнокомандующего в Норвегии генерал-полковника фон Фалькенхорста. Штельцер был членом Крайзауэрского кружка, одной из групп Сопротивления, связанных с К. Гердлером, руководителем консервативного крыла заговора против Гитлера. В. Брандт узнал о подпольной антифашистской деятельности видного социал-демократа Юлиуса Лебера, с которым его еще в начале 30-х годов связывали узы совместной борьбы против нацизма.

В июньские дни 1944 г. на связь с Вилли Брандтом вышел советник германского посольства в Швеции Адам фон Тротт цу Зольц, который входил в состав участников группы заговора против Гитлера. От имени Ю. Лебера он предложил В. Брандту выполнить ряд поручений будущего германского правительства, в том числе встретиться с советским послом в Стокгольме А. Коллонтай для выяснения позиции Советского Союза после переворота в Берлине. Эта встреча, однако, не состоялась, так как немецкие антифашисты вовремя узнали об утечке информации из советского посольства в Швеции. Во время контактов с Троттом В. Брандт был полностью посвящен в программу деятельности участников заговора против Гитлера и смог высказать ряд соображений о деятельности будущего правительства Германии.

Как известно, заговор 20 июля 1944 г. потерпел неудачу. В. Брандт тяжело переживал трагедию, связанную с кровавой расправой нацистских палачей над участниками заговора и другими антифашистами. Международная группа демократических социалистов в Стокгольме, которая объединяла представителей 12 стран, 23 сентября 1944 г. в специальном заявлении почтила память Вильгельма Лейшнера, Эрнста Тельмана, Рудольфа Брейтшейда и многих других жертв волны нацистского террора¹⁴.

Летом 1944 г. Социалистическая рабочая партия обнародовала свою дискуссионную программу "О послевоенной политике немецких социалистов". Отличаясь сильным радикально-демократическим звучанием, эта программа содержала требования антифашистско-демократического характера и оказала заметное воздействие на решение немецкой социал-демократической конференции, состоявшейся в декабре 1944 г. в Стокгольме¹⁵. Многие положения этих документов были созвучны мыслям В. Брандта, публично высказанных в этот период.

В последние дни апреля – начале мая 1945 г. норвежские патриоты

при посредничестве В. Брандта и других немецких антифашистов в Швеции предприняли ряд шагов, направленных на то, чтобы Норвегия не стала полем последней битвы¹⁶.

Вернувшись в Германию как член СДПГ, но норвежский журналист В. Брандт присутствовал на Нюрнбергском процессе, по итогам которого в 1946 г. опубликовал книгу "Преступники и другие немцы". Он поднял в ней тему, запретную для многих, – о коллективной ответственности немцев. По его мнению, за войну, развязанную Гитлером, несут ответственность не только заинтересованные в ней определенные социальные круги, прежде всего финансово-промышленные магнаты и нацистская правящая верхушка. Свою долю ответственности должны нести и немецкие антинацисты. Не все немцы родились эсэсовцами, они не принадлежат к банде преступников и имя "немец" не может служить синонимом преступника¹⁷. Возвращаясь к этой проблеме в 60-е годы, Вилли Брандт подчеркивал, что немцы не должны забывать свою историю, но не могут все время жить с сознанием своей виновности за прошлое, тем более, что с ней меньше всего связано молодое поколение¹⁸.

Путь к возрождению Германии, считал Брандт, лежит через освобождение от нацистского тоталитарного наследия: "Конец третьего рейха был суровым уроком и серьезным предостережением. Он свидетельствует о том, в какую бездну может быть отброшен культурный народ, если он бросает на произвол судьбы свободу и нравственные основы человеческого существования"¹⁹. Он считал, что путь этот будет не легким. Материальные разрушения, причиненные войной, будут со временем преодолены. Однако гораздо труднее очистить разум людей от идеологического мусора. Здесь нужна длительная разъяснительная, воспитательная работа. Она должна сочетаться с созидательным, мирным трудом и опираться на лучшие демократические традиции немецкой истории. Такую работу должны проделать немцы собственными силами, но опираясь на помощь международной демократической общественности. Мирное и демократическое развитие Германии может быть обеспечено только на путях строительства новой объединенной Европы. В ней должны добровольно объединиться свободные, суверенные народы, в сообществе которых демократическая Германия займет свое достойное место²⁰.

"Политическое руководство должно иметь мужество говорить правду, даже если она не удобна для него. Наш народ нуждается в ясности о положении нации и в бдительности в отношении слов и иллюзий," – говорил Вили Брандт. Это его завет будущему.

¹⁶ Ibid. S. 124-151, 298-299.

¹⁷ Ibid. S. 130-133.

¹⁸ Ibid. S. 99-101.

¹⁹ Ibid. S. 101-103.

²⁰ Цит. по: Koch Peter. Willy Brandt. Eine politische Biographie. Beistei-Lübbe, 1992. S. 142.

¹ Цит. по: Бровка Л. Н. Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры 1933-1945 гг., М. Наука, 1988. С. 223

² См.: Brandt Willy. Op. cit. S. 285-302; Koch Peter. Op. cit. S. 145-148.

³ Цит. по: Ibid. S. 149.

⁴ См.: Brandt Willy. Op. cit. S. 105-119.

⁵ См.: Lange D. Dokumente der Bewegung "Freies Deutschland" in Schweden // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1971. H. 4. S. 543.

⁶ См.: Brandt Willy. Op. cit. S. 308.

⁷ См.: Бровка Л. Н. Цит. пр. С. 260-263.

⁸ См.: Брандт Вилли. Воспоминания, С. 143.

⁹ См.: Koch Peter. S. 166.

¹⁰ См.: Brandt Willy. Op. cit. S. 367.

¹¹ Ibid. S. 264.

¹² Ibid. S. 166-168, 171, 301.

¹ Брандт Вилли. Воспоминания / Пер. с нем. - М., 1991. С. 126-127.

² Brandt Willy. Draussen. Schriften während der Emigration. München, 1966.

³ Ibid. S. 88-89, 298-299.

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В "ТРУДАРМИИ"

Жизнь депортированных российских немцев в местах ссылки, их вклад в победу в Великой Отечественной войне – это тема только начинает освещаться в научных исследованиях. Первые публикации воспоминаний трудармейцев увидели свет в газете "Neues Leben", затем вышла книга воспоминаний Г. Вольтера¹.

Параллельно были опубликованы подборки архивных документов Н.Ф. Бугаев, В.Н. Земсковым, содержащие большой статистический материал о численности, занятости, положении высленных народов, в том числе немцев². В Элисте в 1992 и 1993 гг. прошли научные конференции по проблемам репрессированных народов³. Жизнь немцев перед войной, сам процесс депортации, морального и физического уничтожения, жестокости, которым подвергались российские немцы, освещены в научных публикациях⁴.

На основе новых материалов, извлеченных из архивов Саратовской, Свердловской и Пермской областей, мы осветим вклад немецкого населения, трудившегося в составе строительных батальонов на заводах и стройках Урала. Немецкое население Поволжья было депортировано на территорию Сибири, Алтая, Казахстана и других областей на основании указа Президиума Верховного Совета СССР "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья", принятого 28 августа 1941 г. Выселение с Украины, Северного Кавказа и других областей происходило в соответствии с постановлениями ГКО, приказами НКВД, а также по решению военных советов фронтов. Причины депортации и оценка указа были освещены нами в публикации 1992 г.⁵ Здесь уточним, что из АССРНП было депортировано по уточненным данным А.А. Германа 365,5 тыс. чел.⁶ Всего по справкам отдела спецпоселений НКВД в 1941-1945 гг. было выселено 1 209 430 немцев, из них взрослого населения – 799 667⁷.

Вся тяжесть по приему и обустройству переселенцев легла на края и республики, определенными местами поселения. По инструкции МВД СССР переселяемым разрешалось брать инвентаря и одежды не более одной тонны на семью⁸. Но реально давалось 2-3 дня на сборы, транспорта не хватало, во многих случаях люди не знали, куда их везут. Депортированные немцы из южных областей (Крым, Кавказ, Красс-

нодарский край) не имели с собой зимней одежды. Разрешалось брать запас продовольствия из расчета на месяц. О ходе переселения в НКВД составляли ежедневные сводки, но реальное положение вещей в них замалчивалось. Трудностей было много. Так, в Казахстан планировалось переселить более 400 тыс. немцев. Совнарком СССР выделил более 7 млн руб. на покрытие расходов по перевозке. Норматив расходов на каждого переселяемого составлял 59,5 рублей. К концу октября 1941 г. количество переселенных в Казахстан составило 200 тысяч. Несмотря на указания ЦК КП(б) Казахстана и СНК Казахской ССР, областные организации к приему и расселению людей не были готовы. Распоряжения СНК о выделении из местных фондов жилья, скота, стройматериалов во многом не выполнялись, т.к. не учитывали реальную обстановку на местах. Неудовлетворительно обстояло дело с организацией питания в пути и в местах поселений. Составы стояли на полстанках сутками, без воды, горячей пищи. Переселенцев в местах расселения выгружали прямо на снег. Проблема жилья была самой острой.

Кроме того, НКВД СССР с 3 по 10 ноября на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 12 сентября депортировано в Казахскую ССР 6 тыс. немцев из Калмыцкой АССР. Прекращение навигации по рекам, удаленность от железных дорог поставили переселенцев на грань голода и отчаяния. Огромную роль сыграла помощь коренного населения, ибо немцы в большинстве случаев были подселены в его дома. Выдача скота и зерна взамен сданного на месте практически не производилась. Фонды хлеба для переселенцев либо разрывались, либо шли на общественное питание. Работавшие немцы получали в день 200-400 г хлеба, дети и старики – ничего. Только благодаря помощи и милосердию местного населения удалось избежать тяжелейших последствий. В информации с мест отмечалось "наличие большой тяги переселенцев к труду". Видимо, в этом главное объяснение того, что немецкий народ смог выжить в нечеловеческих условиях. Идеологическая обработка населения, клич "Убей немца", брошенный И. Эренбургом, кое-кем переносился на депортированных немцев. Но они не допускали мысли, что их можно уравнивать с врагом. Они верили, что кончится война и все разьяснится, а они вернутся в родные места...

Перевод экономики страны на военный режим работы требовал введения в строй эвакуированных заводов и строительства новых военных предприятий. Военно-хозяйственный план 1942 г. предусматривал: а) ввести в действие в районах Урала – 20 шахт на 7 120 тыс. т, б) заложить в 1942 г. по Уралу – 8 шахт и 1 разрез на 1 950 тыс. т. Предусматривался ввод в действие новых мощностей на электростанциях Урала. Требовалось увеличить мощность Уральского алюминиевого завода, форсировать строительство Березниковского магниевого завода. Наркоматы обязывались сосредоточить на этих стройках рабочую силу, материалы, оборудование и строительные механизмы.

Постановление ГКО от 9 ноября 1941 г. уточняло, как обеспечить строительство рабочей силой: "Во исполнение постановления СНК Союза ССР от 7 октября с.г. обязать НКО (т. Шаденко) сформировать в Сибирском и Уральском военных округах 25 рабочих колонн для строек черной металлургии"⁹.

Во второй половине 1941 г. ЦК и правительство четырежды обсуждали мероприятия по вводу в эксплуатацию предприятий на Урале. С каждым разом требования к наркоматам становились жестче. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о развитии черной металлургии на Урале и в Сибири в 1942 г. от 13 ноября 1941 г. содержало пункт: "Строительство Бакальского и Ново-Тагильского металлургических заводов с горнорудным хозяйством и коксохимическими заводами поручить НКВД СССР. К строительству Бакальского металлургического завода приступить не позднее декабря 1941 г."¹⁰

С этого началась трудовая армия, большую часть которой составляли немцы, депортированные из Поволжья. Была определена цель: любой ценой обеспечить строительство возможно более дешевой рабочей силой. Массовую мобилизацию немцев в трудовую армию определило постановление ГКО № 1123 с грифом "совершенно секретно" от 10 января 1942 г. "О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет"¹¹. Исполнение возлагалось на заместителя наркома обороны и начальника управления по формированию войск Красной Армии Шаденко совместно с НКВД и НКПС. К началу мобилизации поручалось приступить немедленно, а закончить ее – 30 января, т.е. за 20 дней. Мобилизовать предполагалось 120 тыс. человек, в том числе на лесозаготовки – 45, на строительство Бакальского и Богословского заводов – 35, на строительство железных дорог – 40 тыс. человек. Постановление обязывало "всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты НКО в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия". Эти требования были трудны выполнимы, ибо немцы, изгнанные из родных мест, ограниченные запретом на вывоз личного имущества, ко времени мобилизации были вынуждены обменять часть нехитрых пожитков на пропитание.

Параграф 3 постановления предписывал НКПС и управлению военных сообщений НКО обеспечить перевозку мобилизованных немцев в течение января месяца с доставкой к месту работы не позже 10 февраля. Нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия приказал начальнику Бакалстроя А. Комаровскому в декадный срок перебросить на стройку материальные и людские ресурсы со строительства оборонительных рубежей в Сталинградской области, обеспечив переброски наравне с воинскими грузами¹².

Условия жизни в колоннах строго регламентировались: "Обязать НКВД СССР и НКПС СССР установить в рабочих колоннах и отрядах из мобилизованных немцев четкий распорядок и дисциплину,

обеспечив высокую производительность труда и выполнение производственных норм". Средствами были – страх, террор, голод¹³.

Всякая попытка уклониться от мобилизации и от работы в колоннах строго пресекалась. Параграф 5 постановления ГКО гласил: "Поручить НКВД СССР дела в отношении неявившихся по мобилизации немцев, а также в отношении находящихся в рабочих колоннах, за нарушенные дисциплины и отказ от работы, за дезертирство из рабочих колонн рассматривать на Особом совещании НКВД СССР с применением по отношению к наиболее злым высшей меры наказания". В Усольеге НКВД в 1941 г. за побеги было расстреляно 152 человека¹⁴.

Предельно лаконичны формулировки параграфа 6 документа ГКО: "Установить нормы продовольственного и промтоварного снабжения для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу НКВД СССР". Наркомату финансов предписывалось "совместно с НКВД СССР предусмотреть в финансовом НКВД необходимые средства на оплату перевозки немцев и другие расходы по их хозяйственному обузданию". Последняя фраза была просто издевкой. Речь шла о примитивном строительстве бараков и т.п. Наличие какого-либо хозяйства у российских немцев исключалось: они помещались в отдельные лагерные пункты (ОЛПы), обнесенные проволочными ограждениями и охраняемые. Об этом говорил приказ начальника Бакалстроя от 1 апреля 1942 г.: "До сего времени зоны лагерных подразделений не оборудованы, что затрудняет их охрану и способствует совершению побегов. Приказываю: начальникам стройуправлений до 5 апреля закончить полное оборудование зон с устройством вышек и освещения в полном соответствии с требованиями устава караульно-охранной службы ВОХР ГУЛАГа НКВД"¹⁵.

В декабре 1941 – феврале 1942 гг. численность немецкого населения на Урале резко возросла. В Свердловск, Челябинск, Молотов прибывали немцы, депортированные из западных районов страны, а также жившие в Западной Сибири со времени сталинских реформ. В архивах отложились приказы и распоряжения наркоматов о приеме рабочей силы. Так, есть приказ директора Уральского алюминиевого завода "о приеме бойцов рабочих колонн в ведение завода, как мобилизованных на весь период войны для работы на заводе"¹⁶.

Согласно справке из фондов НКВД СССР от 8 декабря 1948 г. численность немцев на Урале составляла 590 977 человек¹⁷. 14 февраля 1942 г. ГКО принял постановление "О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР". Трудомобилизованные направлялись на строительство предприятий химической, оборонной, добывающей промышленности, на лесоповал. Жить и работать им приходилось в крайне тяжелых условиях. Даже в январе 1943 г. в Широковском лагере люди размещались в палатках, обвалованных снегом и покрытых ветками. Документы проверки, подписанные начальником политотдела ИТЛ Панфиловым, показывали, что "лагерь находится в неудовлетворительном состоянии. В палатках тесно, температура колеб-

летса от 10 до 14 градусов. Большинство лагерного населения спит, не снимая верхней одежды. В большинстве колонн питание организовано только 2 раза в день¹⁸. Количество и качество питания трудармейцев было неудовлетворительным. По 2-му отделению Усольяга НКВД согласно справке: "количество продуктов, выданных... по котлу 3, значительно меньше установленной калорийности и не компенсирует физических затрат на лесных работах". В 1942 г. нормы питания значительно снизились, а в ноябре и декабре 1944 г., как докладывал в обком начальник управления спецлагеря 0302 НКВД Ахсеньев, "мы совершенно не имеем крупы и овощей, и пища, приготовленная в лагере, представляет собой буквально болтушку". В отчете политотдела Соликамстроя и ИТЛ НКВД за 1943 г. отмечалось: "лагерный контингент заключенных и немцев, мобилизованных в рабочие колонны, перенесший суровую зиму 1942-43 гг., в значительной степени оказался ослабленным. В течение января - августа лагерь население испытывало хронический недостаток в основных продуктах питания - свежем мясе, жирах, сахаре и т.п., часть которых заменялась менее питательными: соленой рыбой или крупями. В результате этого резко возросло число больных и ослабленных, увеличилась смертность"¹⁹.

С открытием ранее засекреченных фондов можно сравнить положение трудармейцев в разных лагерях НКВД. Но где бы они не находились, оно было крайне тяжелым. На Бакалстрое даже в 1944 г. было хуже, чем в отдаленном Усольяге. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Г.А. Вольтера: "В парадоксальной ситуации... явственно проглядывали две глубоко скрытые цели: построить по возможности побольше, оставив людей по возможности поменьше. С немцами в СССР, как с отдельной нацией, решено было покончить"²⁰.

Все трудности, выпавшие на долю немцев-трудармейцев можно было бы отнестись на счет войны, ибо людям других национальностей тоже пришлось подчас тяжело трудиться в нелегких условиях. Однако, немцы кроме того испытывали жесточайшее унижение. Они были лишены права героически погибнуть в бою за Родину или честно с отдачей всех сил трудиться в тылу. Они постоянно испытывали издевательства со стороны охранников. По мнению администрации шахт Кизилковского бассейна, "положение усугублялось тем, что весь состав военизированной охраны укомплектован из бывшего спецконтингента, прошедшего окружение и плен, потерявшего всякие представления о воинской дисциплине и не понимающего разницы между фронтовой обстановкой и тылом"²¹.

Трудармейцы формально не считались заключенными, хотя, как показано, пребывали за несовершенные преступления за колючей проволокой и содержались в жутких условиях. Их, из-за скудности питания, подчас трудилось пятеро там, где при условии проживания вместе с семьей в приемлемых условиях, мог бы работать один. Корпуса заводов на Урале выросли, стали давать военную продукцию, но они могли быть построены с гораздо меньшими затратами и жертвами.

Несмотря на неимоверные трудности, немцы-трудармейцы работали на совесть. Об этом говорит тот факт, что лагерное начальство отмечало наиболее отличившихся в ходе "соревнования"²².

За 1944 г. рационализаторы и изобретатели Челябинского металлургического завода своими предложениями способствовали своевременному окончанию пусковых объектов, сэкономили строительство 48 тыс. рублей и значительно количество дефицитных материалов. Как отмечал начальник строительства, "на контингент мобилизованных ложится наибольший процент внесенных предложений". Например, главный механик РМЗ Дегеринг Э.Р. предложил и изготовил вальцы для гнутья железа толщиной до 8 мм, колун для газогенераторной чурки и т.д., внес более 10 предложений, Т. Уралец за проявленную инициативу, а также "за успешное содействие развитию рационализации" приказывает поощрить рационализаторов выдачей старшему инженеру Мейснеру А.В. полушубка, главному механику Катрини летного костюма, главному механику Дегерингу Э.Р. валенок и т.д.²³

Незаконность содержания российских немцев под охраной подтверждается и тем, что в лагерях обычно действовали 2 партийных организации: вольнонаемных и трудармейцев. Поразительно, что "враги народа" проводили партсобрания. Тем не менее, в Широколагере партийная организация в феврале 1943 г. состояла из 202 членов ВКП(б) и 94 кандидатов, а среди них 82 члена ВКП(б) и 48 кандидатов были из спецконтингента. Трудармейцы на партийных собраниях разбирали вопросы: как повысить производительность труда, сколько средств могут перечислить трудармейцы на формирование танковой колонны. Что было сделано, подтверждается телеграммой в адрес Молотовского УНКВД: "По состоянию на тридцатое ноября по неполным данным на танковую колонну имени Берия собрано 824 тысячи рублей. Из них наличными 187 тыс., остальные подписными листами. Сбор средств продолжается"²⁴.

Некоторым молодым немцам удалось бежать из трудармии на фронт. Так, Пауль Шмидт взял имя своего друга азербайджанца Али Ахмедова, был зачислен в Красную Армию и дошел с боями до Берлина. Был награжден орденами и медалями. Но только после окончания войны, при поддержке маршала Жукова, ему были возвращены его настоящее имя и фамилия.

Форсированное развитие военно-промышленной базы на востоке страны сыграло крупнейшую роль в победоносном исходе Великой Отечественной войны. "Немецкий контингент", насчитывавший не менее 800 тыс. человек (по данным Г. Вольтера), был разбросан по предприятиям примерно 56 различных министерств и ведомств. Немцы использовались в угольной промышленности - 66 450 чел., в лесной - 44 066, в металлургии - 20 171 чел., в сельском хозяйстве - 272 095 чел. Это был необходимый труд для страны. Но одновременно - труд подневольный, униженный заключением в своих, советских лагерях.

Не менее 150 тыс. человек погибло в ходе насильственной депортации. 600 тыс. мужчин и 200-250 тыс. женщин было мобилизованы в трудовую армию. Особый режим содержания, каторжные условия труда привели к гибели в лагерях 30-35% мужчин. Мобилизация женщин привела к разрушению семей. В результате геноцида немецкое население СССР сократилось с 1 427 тыс. в 1939 г. до 1 100 тыс. человек в 1949 г. А если учесть, что на 1947-49 гг. приходится уровень высокой рождаемости в немецких семьях, соединившихся после освобождения из "трудовой армии", то число немцев, погибших в результате геноцида в собственной стране, составило более 400 тыс. человек.

Так были разрушены немецкий этнос, центры компактного проживания немцев; немецкое население утратило родной язык.

НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВА СССР

Война 1941-1945 гг. нанесла Советскому Союзу колоссальный материальный ущерб, исчислявшийся по данным Чрезвычайной государственной комиссии в 679 млрд. рублей в государственных ценах 1941 г. Возмещение этого ущерба частично осуществлялось за счет использования труда немецких военнопленных и интернированных. Правовым основанием использования их труда являлось международное гуманитарное право об обращении с военнопленными и интернированными (Гаагская конвенция 1907 г., Женевские конвенции 1929 г. и 1949 г.), а также Положение о военнопленных, утвержденное СНК СССР от 1 июля 1941 г. К физическому и иному труду военнопленные и интернированные привлекались во всех странах – участницах второй мировой войны, но наиболее интенсивно в Германии, Японии и СССР.

В ходе войны 1941-1945 гг. советским войсками было взято в плен 2 389 560 военнослужащих Германии и интернировано 271 672 граждан Германии (не военнослужащих), в общем – 2 661 232 немцев. Среди этой огромной массы были специалисты разных категорий: научные работники, инженеры, техники, медицинские работники, высококвалифицированные промышленные и сельскохозяйственные рабочие и т.п. К сожалению, вопросы их использования до настоящего времени изучены недостаточно.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что в Советском Союзе привлечение немецких военнопленных и интернированных к физическому и умственному труду было плановым и строго централизованным: решения принимались правительством, а их реализация осуществлялась через Управление (затем Главное управление) НКВД (с 1946 г. – МВД) СССР по делам военнопленных можно разбить на три периода: 1941-42 гг.; 1943г. – 1-я половина 1950 г. и 2-я половина 1950-1955 гг.

В первый период (1941-1942 гг.) труд использовался не интенсивно по следующим причинам: количество военнопленных и интернированных составляло 3 тысячи в конце 1941г. и до 60 тысяч в кон-

¹ Вольтер Г. Зона полного покоя. М., 1991.

² Бугай Н.Ф. Погружены в шлоны и отправлены к местам поселений // История СССР. 1991. №1; Он же 40-е годы: "Автономии немцев Поволжья ликвидировать" // История СССР. 1991. №1; И. Сталин – Л. Берин: "Их надо депортировать". Документы, факты, комментарии. Сост. Н.Ф. Бугай, М., 1992. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселения, ссыльнопоселения, ссыльные и выселенные // История СССР. 1991. №5; Депортация народов СССР. 1930-1950-е годы. Ч.1, 2. М., 1992.

³ Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992.

⁴ Кичинин А. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-ист. журнал. 1990. №17; Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Ч.II. Саратов, 1994; Вашкау Н.Э. Депортация российских немцев в 1941 г. // Проблемы отечественной истории. Волгоград. 1994. С. 128-135; Буль В.И. Немцы в Западной Сибири. Тапчиха, 1995; Фукс В.Н. Роковые дороги поволжских немцев. 1763-1995 гг. Красноярск, 1995.

⁵ Вашкау Н.Э. Депортация российских немцев: причины и последствия // Репрессированные народы: история и современность. С. 38-40.

⁶ Герман А.А. Указ. соч. С. 303.

⁷ И. Сталин – Л. Берин: "Их надо депортировать". Сост. Н.Ф. Бугай. С.76-77.

⁸ Депортация народов СССР (1930-1950-е годы): Сборник документов. Ч. I. М., 1992. Л. 76-77.

⁹ КПСС с резолюциями и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7. С. 253.

¹⁰ Там же. Л. 256.

¹¹ История российских немцев в документах. С. 168-169.

¹² Турова Е.П. Трудовая армия на строительстве Челябинского металлургического завода. 1942-1945 // Отечественные архивы. 1992. Док. 1.

¹³ Пермский областной государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений (ПОГАНИ и ОПД). Ф. 1105 Оп. 8. Д. 447. Л. 39.

¹⁴ Там же. Д. 94. Л. 30.

¹⁵ Турова Е.П. Указ. соч. С. 72.

¹⁶ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.Р. 2212. Оп. 1. Д. 54. Л. 200.

¹⁷ Депортация народов СССР. С. 137, 138.

¹⁸ ПОГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 9. Д. 471. Л. 56-67.

¹⁹ Там же. Ф. 105. Оп. 8. Д. 94. Л. 46-47; Оп. 11. Д. 163. Л. 8; Оп. 9. Д. 469. Л. 17.

²⁰ Вольтер Г. Зона полного покоя. С. 104.

²¹ ПОГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 11. Д. 163. Л. 12, 15.

²² Там же. Ф. 105. Оп. 9. Д. 471. Л. 43-50.

²³ Турова Е.П. Указ. соч. Док. 12.

²⁴ ПОГАНИ и ОПД. Ф. 105. Оп. 11. Д. 163. Л. 30; Оп. 9. Д. 471. Л. 56; Ф. 4460. Оп. 1. Д. 43. Л. 135.

це 1942 г.; неудовлетворительным было их физическое состояние; не было государственной программы использования их труда. Поэтому основная масса использовалась на внутрилагерных работах (самообслуживание, заготовка топлива, строительные и ремонтные работы и т.п.). Только небольшое количество военнопленных и интернированных, которые были физически здоровыми и годными к труду привлекались к работам вне лагеря (строительство дорог, повалка леса, работа в карьерах, строительство промышленных и жилых зданий и т.п.).

Второй период (1943 г. – 1-я половина 1950 г.) характеризовался массовым трудовым использованием немецких военнопленных в народном хозяйстве прежде всего на восстановлении разрушенных промышленных и гражданских объектов. Положение о трудовом использовании военнопленных (Постановление № 8921 сс от 4 июня 1945 г.) распространялось и на интернированных. Труд их использовался фактически во всех отраслях народного хозяйства, преимущественно на объектах, где требовалось выполнение тяжелого ручного физического труда (земляные работы, лесозаготовки, строительство дорог, добыча угля и т.п.). Максимальное количество немецких военнопленных и интернированных составляло – свыше 2,5 млн человек.

Третий период (2-я половина 1950 г. – 1955г.) характеризовался использованием только труда осужденных немецких военнопленных и интернированных, которых осталось 17 127 человек. Преимущественно они использовались на добыче угля, строительстве дорог, жилых и промышленных зданий.

Для повышения эффективности использования учитывалась профессиональная принадлежность: инженеры, строители, физики, химики, токари, слесари, автомеханики и т.д. Администрация лагерей вела картотечный учет по профессиям и проводила розыскную работу. В некоторых случаях о ее результатах сообщали И.В. Сталину. Так, 22 июня 1946 г. министр внутренних дел СССР Круглов С.Н. доложил, что в лагерях выявлено 1 600 высококвалифицированных специалистов, в их числе: докторов физико-математических, химических и технических наук – 111, инженеров общего машиностроения – 572, инженеров-строителей – 257, инженеров-химиков – 156 и т.д. Были названы фамилии наиболее знаменитых ученых: Христиан Манфред (член германской академии наук, крупный специалист по газовым турбинам и реактивным двигателям, технический директор моторостроительной фирмы “Аргус”); Пауль Хейланд (доктор технических наук, специалист в области низких температур, моторов внутреннего сгорания и реактивных); Эрнст Бруссе (доктор физических наук); Герхард Юнг (профессор физической химии, работал в Центральной лаборатории в Шпандау) и др.²

Обобщение документальных данных российских государственных архивов (ГАРФ, ЦХИДК и др.) показало, что наиболее интенсивным использование труда военнопленных и интернированных стало после

капитуляции Германии. Так, к 1946 г. на работу в народное хозяйство было направлено свыше 1 млн 800 тыс. военнопленных³: на строительство – 35,2%, в топливно-энергетическую промышленность – 22,4%, на производство стройматериалов – 13,5%, в металлургическую и машиностроительную промышленность – 7,8% в другие отрасли промышленности и сельского хозяйства – 21,1%. В 1-м квартале 1947 г. в Министерстве строительства предприятий тяжелой промышленности было 20,1% военнопленных от их общей численности, в авиационной промышленности – 31%, на электростанциях – 16,8%⁴.

Распределение военнопленных в отраслях народного хозяйства (в процентах) к концу 1948 г. показано в таблице⁵:

Отрасли народного хозяйства	Соотношение в процентах
Строительство и строительные материалы	52
Топливо и энергетика	30
Металлургия и машиностроение	10
Лесозаготовки и лесоразработки	6,2
Легкая промышленность	1,5
Сельское хозяйство и различные предприятия	0,3

На 1 января 1949 г. в народном хозяйстве использовалось всего 488 178 военнопленных армий противника (из них 400 962 немецких военнопленных). Распределение их по национальностям и по отраслям народного хозяйства показано в таблице⁶.

	Показатели	Общее кол-во военнопленных
1	Всего использовалось на работах в народном хозяйстве СССР на 1 января 1949 г.	488 178
2	Военнопленные западных национальностей (немцы, венгры, итальянцы, австрийцы и т.д.)	400 962
3	Японские военнопленные	87 216
4	Распределение по отраслям народного хозяйства:	
	угольная промышленность	120 367
	строительство шоссе и железных дорог	91 651
	строительство предприятий тяжелой индустрии, военных и военноморских предприятий	90 224
	машиностроение, станкостроение, авиационная промышленность	25 425
	металлургическая и химическая промышленность	14 687

Учитывая, что подавляющее большинство военнопленных и особенно интернированных не желали добросовестно трудиться, поскольку не осознавали своей персональной ответственности за нанесенный войной советскому народу ущерб, а также потому, что они содержались в лагерных условиях, особое внимание уделялось стимулированию их труда. Так, согласно приказам МВД СССР № 326 от 13 августа 1946 г. и № 450 от 15 ноября 1946 г. устанавливались определенные льготы за перевыполнение норм выработки на производстве⁷. Существенно увеличивался суточный рацион питания, что в условиях плена имело важное значение для сохранения здоровья и выживания.

Ниже приведены сравнительные данные об увеличении норм продовольственного снабжения для военнопленных и интернированных, выдаваемых в целях стимулирования производительности их труда (согласно приказу МВД СССР № 450 от 15 ноября 1946 г.). Нормы продуктов указаны в граммах на человека в сутки.

Нормативные показатели	Для немецких военнопленных		Для японских военнопленных		
	Хлеб	Картофель и овощи	Хлеб	Рис или крупа	Картофель и овощи
Для выработавших 80 % нормы	400	650	250	350	600
Для выработавших от 80 до 100% нормы, а также для занятых на внутренних работах в лагере и для зачисленных в оздоровительные команды	500	800	300	400	700
Для выработавших от 101 до 125% нормы	600	900	350	500	800
Для выработавших от 125% нормы и выше	700	1000	450	550	1000

Однако изучение документальных материалов показывает, что Советское правительство все же неэффективно использовало возможности высококвалифицированных специалистов из числа военнопленных и интернированных. Во-первых, до начала 1943 г. этот труд фактически не использовался, хотя предложения со стороны руководства НКВД СССР поступали. Во-вторых, подавляющее большинство немецких военнопленных и интернированных скрывало свои истинные знания и свою квалификацию (хотя после капитуляции Германии их отношение несколько изменилось). Помимо повышенных норм питания применялись: улучшенное содержание, менее строгий режим содержания, организация комнат, барачных отрядов и т.п.; проводилась

активная политико-воспитательная и разъяснительная работа; моральное стимулирование (специальные поощрительные премии от имени руководителей Советского правительства, объявление благодарностей за хороший труд и вручение грамот перед строем военнопленных и интернированных и т.п.).

Имели место случаи, когда отдельные военнопленные поощрялись лично И.В. Сталиным. Так, немецкий военнопленный Бенер Курт (мастер-электромеханик) за выполненную работу был награжден премией в 1000 рублей по Постановлению СМ СССР № 2108-814 от 16 мая 1950 г.⁸ Такие факты широко использовались в политико-воспитательной работе среди военнопленных и интернированных.

Кроме того, учитывая тяжелое материальное положение во многих семьях военнопленных на их родине, согласно Постановлению СМ СССР № 3383-1104 от 29 сентября 1947 г., военнопленным предоставлялось право пересылки на родину части заработанных в плену денег. Однако, кто мог реализовать это право, когда средняя стоимость содержания одного военнопленного в месяц обходилась государству около 400 рублей, а военнопленный зарабатывал в среднем в месяц столько, что после вычетов за содержание на руки получал в среднем 21 рубль (данные на 1947 г.)⁹. Лишь, начиная с 1948 г., заработная плата их существенно увеличилась. К концу плена многие военнопленные накопили денежные средства, позволявшие не только покупать необходимые дополнительные продукты питания и вещи для личного обихода в ларьках лагерей, но и перед репатриацией купить продукты и вещи на дорогу и домой.

К военнопленным применялись и меры наказания за небрежное отношение к работе, за невыполнение установленных норм выработки. Основными мерами наказания были: оставление на сверхурочные работы (не свыше 2-х часов); объявление выговора, арест с содержанием на гауптвахте (до 20 суток); перевод в штрафное подразделение с особо тяжелым режимом работ (до 3-х месяцев); лишение права переписки (до 2-х месяцев); передача дел в суды военных трибуналов.

Военнопленные и интернированные использовались преимущественно по решениям Совета Министров СССР на крупнейших промышленных объектах и стройках. В том числе на добыче угля, строительстве и восстановлении шахт, на строительстве Владимирского тракторного завода, Челябинского и Закавказского металлургических комбинатов, завода "Азовсталь", Дзержинского металлургического завода, Богословского алюминиевого завода и трубопрокатных заводов, на восстановлении Енакиевского и Горловского заводов, заводов "Запорожсталь". Военнопленные принимали участие в строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и в работах по реконструкции и восстановлению асфальто-бетонных дорог, на работах по восстановлению Севастополя, Сталинграда, Орла, Великих Лук, Воронежа, Новгорода, Смоленска, Курска, Брянска, Ростова, Калинин-на, Краснодара, Пскова.

С февраля 1943 г. по январь 1949 г. военнопленными сталинградских лагерей были восстановлены три корпуса заводов; построены два парокотельных завода; отремонтированы 300 квартир в многоэтажных домах; построены новые дома на 782 квартиры; заводские клубы на 1 650 мест; стадион на 500 мест и многое другое¹⁰. В частности, военнопленными сталинградских лагерей было отработано 88 976 304 человеко-дня при валовой сумме заработка 133 328 588 рублей, из которых военнопленными было выплачено в качестве денежного вознаграждения 10 797 011 рублей¹¹.

Особенно существенный вклад в дело восстановления народного хозяйства СССР был внесен крупными учеными и другими научными работниками Германии. Так, профессор ботаники Кёнигсбергского университета Курт Мотес содержался в лагере № 399 (Пензенская область) с 1945 г. работал в области биохимии и физиологии растений, а затем принимал активное участие в научных изысканиях Всесоюзного института растениеводства (г. Ленинград). Подполковник Граф успешно работал в 1947 г. в авиационной промышленности¹².

Совет Министров СССР постановлением № 3117-937 от 19 декабря 1945 г. разрешил НКВД СССР использовать специалистов из числа военнопленных и интернированных в институтах и лабораториях 9-го Управления НКВД СССР. Было отобрано 11 высококвалифицированных немецких военнопленных. Фердинанд Брандер, инженер-конструктор и технический директор по производству турбинных самолетов на заводе "Юнкерс" в Дессау, работал в конструкторском бюро советского авиастроителя Климова и предложил повысить надежность скользящих подшипников на сверхмощных авиадвигателях¹³. Использовались и значительное число квалифицированных рабочих (токарей, слесарей, механиков, столяров, электромонтеров и др.)

В 1946 г. советские министерства металлургической, авиационной и электропромышленности, а также некоторые научно-исследовательские институты запросили 850 специалистов, но им было отказано. Но 20 марта 1948 г. СМ СССР постановлением № 877-279 сс разрешил перевести 18 немецких специалистов в области авиадвигателестроения во главе с доктором технических наук Манфредом Христианом на положение вольнонаемных. Они создали мощный турбореактивный авиационный двигатель¹⁴. На основании решения СМ СССР № 1492-572 сс, принятого в мае 1948 г. на положение вольнонаемных переводились военнопленные в том случае, если соглашались остаться на определенный срок работать в СССР.

Несмотря на существенные льготы, желающих было не так уж много: в целом – 1 353 человека¹⁵, из них: 111 докторов наук по различным областям науки и техники; 1 242 инженера и научных работника с высшим образованием в области машиностроения и приборостроения, самолетостроения, электротехники, химии, горного дела, металлургии, строительства и др.

Анализ и обобщение документальных материалов позволяет сделать вывод о том, что с 1943 г. по 1 января 1950 г. военнопленными всех национальностей (немцы, японцы, венгры, итальянцы, французы и т.д.) было отработано 1 млрд 077 млн 564 тыс. 200 человеко-дней и произведено материальных ценностей на общую сумму около 50 млрд рублей, значительная часть которых была обращена на покрытие расходов на их содержание¹⁶. Эти 50 млрд рублей составили лишь около 7,3% от общего ущерба (679 млрд руб.). К маю 1950 г. все немецкие военнопленные и интернированные (за исключением отбывавших уголовные наказания) были репатрированы.

¹ См.: ЦХИДК. Ф. 1п. Оп.01с. Д.35, 70; Галицкий В.П. Немецкие интернированные в СССР // Горизонт. 1990. № 10. С. 20; Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39-46.

² См.: ГАРФ. Коллекция документов.

³ См.: ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 21а. Д. 4. Л. 37.

⁴ См.: Там же. Оп. 9а. Д. 9. Л. 86.

⁵ См.: ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 326. Д. 2. Док. № 13.

⁶ См.: ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 10.

⁷ См.: ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 1.

⁸ См.: ЦХИДК. Коллекция документов.

⁹ См.: ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 5. Л. 137.

¹⁰ См.: ЦХИДК. Ф. 47п. Оп. 22. Д. 1. Л. 31-32.

¹¹ См.: ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 3а. Д. 6; Ф. 47п. Оп. 22. Д. 1.

¹² См.: ЦХИДК. Коллекция документов.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 21а. Д. 4. Л. 37.

Часть вторая

**ТОТАЛИТАРИЗМ
В ГЕРМАНИИ И РОССИИ**

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА И РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Встречи российских и германских историков в гостеприимном Волгограде стали уже доброй традицией. Два года назад мы собрались здесь по случаю 50-летия переломного Сталинградского сражения. Ныне мы съехались в год полувекового юбилея великой Победы – сокрушительного разгрома нацистской Германии. Весьма знаменательно, что мы связали в программе нашей научной конференции это событие огромного исторического значения с актуальной научной проблемой: изучением судеб тоталитаризма в XX столетии.

Как известно, концепция или доктрина “тоталитаризма”, пытавшаяся истолковать или перетолковать историю некоторых стран и народов, вошла на Западе в моду в годы “холодной войны”. Ее главной целью было поставить в один ряд или, более того, идентифицировать тогдашнюю “социалистическую систему” с системой нацистско-фашистской, потерпевшей военное крушение и осужденной историей. В Советском Союзе в то время всякое сравнение фашизма и коммунизма, Гитлера и Сталина считалось кощунственной и чудовищной “фальсификацией истории”, было абсолютно табуизировано. Более того, с огромным трудом после долгих мытарств, увидела свет книга Д. Мельникова и Л. Черной о Гитлере “Преступник № 1”, ибо власти еще десятилетия после смерти Сталина усматривали в ней некую “аллюзию”.

Однако история посрамила попытки создателей “теории тоталитаризма” навязать ей некую новую нерушимую схему, какой-либо “железный закон”. Парадокс состоял в том, что вскоре после того, как на Западе историки после публичных дискуссий признали, что “доктрина тоталитаризма” слишком узка, чтобы вместить и объяснить реальность, на Востоке Европы произошло нечто противоположное. Здесь, в результате крушения идеологии коммунизма и возникновения некоего вакуума, идея “тоталитаризма” неожиданно оказалась в самом центре всех рассуждений о прошлом, настоящем и даже будущем. При этом гитлеризм и сталинизм, прежде рассматривавшиеся исключительно как антиподы, столкнувшиеся друг с другом в смертельной схватке Второй мировой войны, стали изображаться прямо-таки близ-

нецами. Так, возникла почва для нового мифа о том, будто судьбы войны и мира определялись тем, кто кого перехитрил: Гитлер Сталина или Сталин Гитлера. Впрочем, серьезные историки и в России и в Германии не проявляют склонности поддаваться подделкам Резуна-Суворова или Мазера, пытающихся под флагом "тоталитаризма" оправдать преступления одного злодея преступлениями другого¹. Однако у нас читающая публика проявила к сенсационным "разоблачениям" о превентивной войне повышенный интерес, с чем, как с известным показателем уровня общественного сознания, нельзя не считаться.

Уже более трех лет в Институте всеобщей истории РАН работает под моим руководством научно-теоретический семинар, на котором историки и политологи ведут открытые дискуссии по проблемам "тоталитаризм и демократия". Подготовлен большой том коллективного труда "Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории движений, идеологий, режимов, и их преодоления"².

В итоге исследований и обсуждений мы не согласились с мнениями тех адептов концепции "тоталитаризма", которые склонны зачислять в него все авторитарные, автократические, абсолютистские, самодержавные и прочие диктаторские режимы, существовавшие на протяжении тысячелетий в различных государствах мира. Мы считаем, что можно говорить о "тоталитаризме" в определенных исторических условиях XX века, в эпоху индустриализма, модернизации, информатики и т.п. Мы не отрицаем полезности сравнения возникших в обеих наших странах – Германии и России, – двух похожих, но разных диктаторских режимов – фашистско-нацистского и сталинского. Но только при условии, что строго соблюдаются научные критерии, в полной мере учитывающие как общее, так и различное, а также динамику развития этих систем.

В понятии "тоталитаризм" мы выделяем четыре этапа или стороны: во-первых, массовые народные движения, на волне которых формировались, поднимались к власти организации, стремившиеся к радикальным преобразованиям общественно-государственной системы; во-вторых, тоталитарные идеологии, игравшие мобилизационную роль в определении целей движения и дальнейшем развитии иерархических, вождистских систем. Далее, в-третьих, тоталитарные режимы, в функционировании которых весь жестокий антидемократический репрессивный инструментарий государства "левизафана" разрастается до чудовищных размеров, подминает, поглощая страны и народы, общество и личность, стремясь всех и вся унифицировать и подчинить всеобъемлющему контролю. Наконец, в-четвертых, крушение возникших "империй зла" и восстановление более или менее демократических режимов.

В таких исторических рамках мы и на нашей нынешней конференции можем, ограничившись анализом развития двух наших стран – Германии и России, не без пользы сравнивать их судьбы, в чем те схожие, как бы симметричные, зато в другом – резко асимметричные. Не надо только в этой картине ни подменять многоцветие черно-белой

схемой, ни срезать или закруглять неизбежно острые углы, ни упускать из виду, что и сами страны и их взаимоотношения находятся в постоянном движении, изменении, развитии.

Надо сразу заметить, что к сравнению в четвертой сфере, в фазе преодоления диктаторских, тоталитарных режимов, историки прибегают пока гораздо реже, чем к сравнению эпох диктаторов – Гитлера и Сталина. Нетрудно объяснить это тем, что реальный опыт Западной Германии первых послевоенных лет (будущей ФРГ), связанный с оккупационным режимом, как и опыт бывшей ГДР, поглощенной ныне ФРГ, не прямо сопоставим с теми мучительными процессами, которые происходят ныне в странах Восточной Европы и особенно в бывшем СССР. Однако именно германский опыт перехода от тоталитаризма к демократии особенно важен сейчас для России. Мне хочется здесь специально отметить, что журнал "Остропа", Федеральный институт восточных и международных исследований в Кельне и лично наш гость Гейнц Тиммерман систематически проявляют к этим вопросам повышенный интерес, публикуют интереснейшие материалы о ситуации в нашей стране, в том числе сравнительные. К этой похвале присоединю, однако, сразу конструктивную критику, обращенную к нашим немецким коллегам: вы, конечно знаете, что вас читают в Германии, но почти не читают в России, а это было бы особенно важно. Не пора ли подумать об издании этого журнала и на русском языке? Хотя бы в форме дайджест? Есть и другой вариант: публиковать в серии "Россия – Германия – Европа" либо совместные работы историков двух стран на русском и немецком языках, либо документы друг о друге³.

К узловым вопросам российско-германских отношений в последнее время, после объединения Германии, относятся прежде всего два комплекса: во-первых, положение России и Германии в Европе: экономика и безопасность; во-вторых, укоренение демократического строя в России. Именно на втором я хочу остановиться подробнее, ибо этот вопрос напрямую связан с темой преодоления тоталитаризма. Но, ввиду неохватности этой проблемы в целом, сосредоточусь на том ее аспекте, который приобрел в последние месяцы особую актуальность, а именно на вопросе: насколько серьезна опасность ухода России с демократического пути на тоталитарный, в частности, реально ли угроза русского фашизма?

В этой связи необходимо кратко напомнить сказанное выше о различии между авторитаризмом и тоталитаризмом, поскольку в общественном сознании нашей страны, – не исключая многих ученых и политиков, – причудливо слепились и переплелись представления об авторитарных методах правления и об угрозе фашизма. Известно, что применение первых вполне возможно и при демократическом строе, когда они обусловлены чрезвычайной ситуацией (в том числе войной или стихийным бедствием) и носят легитимный, ограниченный, временный характер. Такие ситуации предусмотрены многими демократическими конституциями, в том числе в форме "президентской диктатуры". Ими пользовались, к примеру, Аденауэр или де Голль.

Но суть дела в том, не являются ли авторитарные методы правления вообще обязательными при переходе от тоталитаризма к демократии? Этот вопрос явно спорный. Его поставили еще несколько лет назад в печати Андроник Мигранян и Игорь Клямкин. Первый и ныне – советник президента Ельцина, второй – руководитель Института социальных исследований. Вопрос этот особенно актуален в евразийском пространстве, если взглянуть на действия “туркмен-баши” Ниязова, Каримова, Назарбаева, а также Лукашенко.

Однако это все же иной вопрос, чем угроза фашизма, имеющего свои корни в радикальном национализме, антисемитизме, ксенофобии, антидемократизме, внешнеполитической агрессивности, терроризме. Ныне в России появились и действуют десятки разнообразных организаций фашистско-нацистского, радикально-националистического, национал-патриотического толка. Некоторые из них откровенно подражают итало-фашистским и немецким национал-социалистским “образцам”, включая символику, атрибутику, пропагандистские лозунги и литературу.

В этой связи стали распространяться весьма поверхностные сравнения современной ситуации в России с концом Веймарской республики в Германии. Но, если иметь в виду не самые общие причины недовольства широких масс – ущемленность национальных чувств, экономический кризис, – то ситуации принципиально различны: и Ельцин не Гинденбург и “харизматический фюрер” в России (пока?) не выступил. Ни Жириновский, ни Баркашев/Веденкин на эту роль очевидно не тянут.

Впрочем, последние, подчеркивающие свою русскую “особность”, ведущие свои родословные от опричников Ивана Грозного, от черносотенцев или “славянского братства”, имеют довольно глубокие корни. Национал-патриоты пока раздроблены на множество организаций, но та или иная их консолидация в условиях обострения социального кризиса вполне реальна.

Что же касается объединения под одну скобку “красно-коричневых” или “коммуно-фашистов”, чем ныне пугают легковверных, то его возможность не следует вовсе игнорировать, ибо правый и левый экстремизм имеют некие общие черты. Однако не менее вредно преувеличивать реальность их объединения (как и отождествления двух разных типов тоталитарных режимов). Задача демократов не в том, чтобы объединять своих злейших врагов, а в том чтобы разъединять их.

В начале 1995 г. в Москве состоялся международный форум “Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность”. А 23 марта президент Ельцин издал указ “О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации”. Следом в средствах массовой информации развернулась оживленная дискуссия относительно поручения президента Российской академии наук дать научное разъяснение понятия “фашизм”. Нам довелось в

этом участвовать, хотя дело отнюдь не сводится к отысканию наилучшей дефиниции.

Общим знаменателем опасности, исходящей от фашизма, остаются, по нашему мнению, провозглашение им намерений ликвидировать демократические основы нашего конституционного строя. Разумеется, одних карательных мер явно недостаточно. Должна быть разработана и внедрена целостная система политического образования и самообразования (включая историческое, педагогическое, культурное, нравственное) для разных возрастных, профессиональных и иных категорий россиян. Речь идет о воспитании гражданского самосознания и укрепления личности, привитии вкуса и навыков самоуправления.

Вакуум, образовавшийся у нас после распада прежней системы политико-идеологического воспитания, в которой определенное место занимало общество “Знание”, обязательно должен быть заполнен. Дело это никак не может быть пущено на самотек.

В этой связи наша задача – как историков-германистов – напомнить, что в послевоенной Германии “демократизация” и “денацификация” были поначалу принудительно декретированы оккупационными властями, в том числе и советскими. В наше время нам может быть полезен опыт активно действующей в ФРГ разветвленной федеральной и земельной системы политического образования. Деятельность ее несколько не противопоставлена демократии и плюрализму. Напротив, она является одним из гарантов того, что современное “гражданское общество” избежит судьбы Веймарской республики и сумеет отразить любую угрозу со стороны фашистов. Кстати отмечу, что и Российская Академия образования (бывшая Академия педнауки) недавно начала в сотрудничестве с немецкими учеными вести совместную работу в этом направлении.

Настоящий доклад не преследует цели “объять необъятное”. Многие вопросы в нем лишь поставлены. Надеюсь, что их обсуждение будет продолжено в докладе коллеги Тиммермана и в последующих выступлениях. Очевидно, что российские историки-германисты как и германские русисты имеют широкое поле для сотрудничества, в том числе для ведения плодотворных научных дискуссий, вроде той, которая ожидается на нынешней нашей конференции.

¹ Речь идет о книжках В. Суворова “Ледокол” и “День - М”, подвергнутых критическому разбору во многих научных изданиях, в том числе в книге Г. Городецкого “Миф “Ледокола”. Накануне войны (М., 1995) и др. Книга Werner Maser. Der Wortbruch Hitler. Stalin und der Zweite Weltkrieg (München, 1995) не стала, как рассчитывал ее автор, бестселлером.

² Книга опубликована в качестве второго выпуска настоящей серии.

³ В качестве первого выпуска настоящей серии вышел русский перевод книги видного немецкого политолога Курта Зонгхаймера “Федеративная республика Германия сегодня. Основные черты политической системы”.

ГЕРМАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

50-летие победы союзных держав над нацистской Германией знаменательное явление не только из-за круглой даты. Это важно еще и потому, что Германия – с 1990 г. объединенная – впервые отметила в Москве *совместно* со своим тогдашним главным противником окончание войны и ликвидацию национал-социалистической тирании. Эта общность стала возможной прежде всего благодаря коренным преобразованиям в Советском Союзе и России: усилиями Горбачева была устранена, наряду с коммунистической системой, обусловленная ее принципами конфронтация Советского Союза с Западом. Восточно-европейские народы, в том числе и немцы в ГДР, получили “свободу выбора”. Впоследствии Ельцин считал основополагающей целью своей политики создание необходимых условий для вхождения России в “цивилизованное содружество государств”. Отход России от “тоталитарных иллюзий” создает предпосылки для укрепления доверия между народами и установления партнерских отношений между странами¹.

Партнерство – именно это ключевое слово является целью политики содружества государств, включая Россию, которая направлена на реконструкцию системы отношений после исчезновения конфронтации между Востоком и Западом. “Договор о партнерстве и сотрудничестве” – таково программное название соглашения, подписанного Европейским Союзом и Россией в июне 1994 г. Как же вписываются двусторонние германо-российские отношения в это многостороннее переплетение партнерских договоренностей и чем они отличаются от подобных соглашений предшествующих периодов? Как известно, что-то вроде партнерства между Россией и Германией существовало и в прошлом. Но основное его отличие от современности состоит в том, что оно было направлено *против* других государств и народов – в плане политическом, военном и культурном. Общей основой германо-российских отношений в XIX веке, было то, что оба государства в европейском контексте шли особыми историческими

путями и собирались даже выполнить по отношению к другим народам особую антизападную “миссию”. Еще во время Веймарской республики отголоском этих своеобразных отношений был Рапальский договор 1922 г.: попытка двух стран, проигравших мировую войну, совместными усилиями ослабить оковы стран-победительниц. В пакте Гитлера – Сталина в августе 1939 г. это “партнерство” приняло, наконец, характер одиозного сообщничества. Исходя исключительно из ставки на политику силы, этот хрупкий пакт между двумя тоталитарными системами был направлен на порабощение и раздел соседних государств и с самого начала был отмечен глубоким взаимным недоверием.

Современное партнерство между Германией и Россией после объединения Германии формируется совсем в иных условиях, под позитивным знаком *ориентации на будущее*. Это по-моему главный фактор, когда речь идет об извлечении уроков из прошлого и о недопущении прежнего образа действий. В чем же состоит качественная новизна в двусторонних отношениях? В этой связи я хотел бы указать на два пункта:

1. И Германия и Россия отказались от своей концепции “особой миссии” с антизападной и антилиберальной направленностью, которая вначале основывалась на традициях политической культуры, а затем была извращена террористическими режимами национал-социализма и сталинизма. Вместо этого оба государства заявили ныне – в рамках двусторонних и многосторонних договоренностей (ОБСЕ) – о своей приверженности общим ценностям и принципам: демократии, плюрализму, уважению прав человека. Это не означает, что партнеры должны во всем приспосабливаться друг к другу: ведь западные европейцы, включая немцев, сохранили в процессе срастания многообразие в единстве – в политической культуре, в организации экономики и в сфере внешнеполитических интересов. Напротив, это означает, что Германия и Россия, при всех специфических особенностях, признают принципы европейского сотрудничества, которые являются предпосылкой совместного проживания в общем европейском доме.

2. Это затрагивает уже второй центральный пункт, по которому ныне германо-российские отношения резко отличаются по своему характеру от прежних периодов. После горьких уроков прошлого, и в частности, после крушения национал-социализма, Германия распрощалась с идеей особых культурных путей и национально-националистических действий в одиночку. Она не просто присоединилась к либерально-демократической культуре Запада, а стала активным адептом европейской интеграции. Учитывая это, новое издание “особых” германо-российских отношений, а тем более формирование совместной “оси” было бы регрессивным или даже реакционным шагом. Наоборот, интерес Германии – и, как я полагаю, России тоже – состоит в том, чтобы использовать двусторонние отношения как дополняющий и стабилизирующий элемент общеевропейского со-

трудности. А в их рамках и Германия и Россия несомненно несут особую ответственность.

Здесь, однако, возникают определенные проблемы. Одна из них состоит в том, что после революционных событий 1989 – 1991 гг. Германии и России еще предстоит определить свои роль и местов срастающейся Европе, а также свои представления о новой архитектуре континента. Германия сама стала после объединения преобразующейся страной и после переломов 1989 г. сориентировалась на восток. Будет ли расти влияние тех сил, которые требуют, чтобы Германия наконец-то преодолела состояние “пренебрежения властью”, как реакции на прежнюю “одеждаемость властью”? Нельзя допустить, говорят в этих кругах, чтобы Германия растворилась в Европе. Напротив, как “нормальное государство” она должна в соперничестве с другими сильными национальными государствами отдавать абсолютный приоритет своим национальным интересам.

Подобные вопросы о роли и идентичности возникают и в новой России. Притом в гораздо более острой форме. В политической элите страны идут горячие споры по таким, например, вопросам: быть ли Российской Федерации нацией или же империи с задачей вновь присоединить к себе государства СНГ? Должна ли Россия, подобно Турции после развала Османской империи, выступать как нормальная великая держава, или исполнить по отношению к окружающему миру специфическую “миссию” вытекающую из исторических, культурных и геополитических особенностей страны? Должна ли Россия преимущественно ориентироваться на Запад – под знаком принципиальной общности ценностей и в ожидании поддержки в виде материальной помощи и ноу-хау для процессов внутреннего преобразования? Или же страна должна в политическом, экономическом и культурном планах развивать скорее свою специфически евразийскую идентичность, используя модели развития Китая, Индии и Японии?

И, наконец, может быть, самая важная альтернатива: исторические проблемы России в значительной степени коренятся в том, что она осуществляла внешнюю экспансию вместо модернизации самой страны. Должна ли Россия теперь сконцентрировать свои усилия на внутреннем развитии и добиваться величия, поднимая на более высокий уровень экономику, экологию, инфраструктуру и социальные службы? Или же делать упор – как в царские и советские времена – на развешивание внешнего господства, притом в ущерб будничным заботам людей?

В условиях такой неопределенности характер германо-российских отношений будет в значительной степени зависеть от того, какие идеи и какая расстановка сил будут определять политику Москвы. Радикальные изменения внутривнутриполитической расстановки сил не могут не воздействовать на германо-российские отношения. Пока же в Бонне и Москве преобладает интерес к развитию партнерства, хотя высокие ожидания 1990-91 гг. и не оправдались.

Для новой России объединенная Германия является главным партнером, когда речь идет о включении России в политические и экономические структуры Европы и в структуры безопасности евроатлантического пространства. Не случайно министр иностранных дел А. Козырев назвал германо-российское партнерство “величайшим достижением современной Европы”². Именно Германия особо заинтересована в успехе реформ в России, а также в том, чтобы эта страна в процессе сращения обеих частей Европы не оказалась в изоляции. Германия заинтересована в сильной и уверенной в себе, но в то же время открытой демократической России, которая включается в “цивилизационное сотрудничество государств”. Разорванная, дезинтегрированная Россия представляла бы угрозу безопасности не только для Восточной и Центральной Европы, но и самой Германии, в том числе как экспортер оружия, включая ядерные компоненты, источник и проводник эмиграции и т.п.

Отношения с Россией занимают важное место среди приоритетов германской внешней политики. Москва находит в лице Германии активного сторонника, когда речь идет о том, чтобы не изолировать Россию, а привлечь ее к участию в международных организациях. Германия активно выступала за участие России в политических консультациях глав государств и правительств “семерки”, открывая ей перспективу на участие в дискуссиях по экономическим проблемам.

К сожалению, эти позитивные начала были в последнее время приостановлены процессами, негативно сказавшимися на германо-российских отношениях. Массивное нарушение прав человека в чеченской войне подвергло тяжелому испытанию стратегию включения России в европейские организации, что нанесло ущерб германо-российским отношениям.

Проблемой для германо-российских отношений может стать и намеченное принятие в НАТО стран Восточной и Центральной Европы, за что принципиально выступает Германия, а Россия – решительно против. Возможный выход мог бы состоять в установлении связи между членством в НАТО и договорным партнерством НАТО с Россией.

В сфере двусторонних отношений большое впечатление в моей стране произвели торжественные проводы последних контингентов “Западной группы войск”. В Москве неоднократно высказывалось предположение, что после вывода войск внимание Германии к России ослабит. Это решительно опроверг федеральный президент ФРГ Роман Герцог: “Мы в будущем будем еще более сближаться друг с другом в Европе без стен, без идеологических рвов, без политической вражды”³.

Эта перспектива получает прочную материальную основу в форме экономического сотрудничества: ведь Германия, имеющая товарооборот более 22 миллиардов нем. марок (в 1993 г.), является главным в мире торговым партнером Москвы. Если экономические и юридические условия в России станут более надежными, то, наверное, в Россию потечет больше и частных немецких инвестиций. В 1993 г. они соста-

вили всего 31 млн марок, вероятно даже значительно меньше, чем капиталовложения российского бизнеса в Германии.

Начальный этап германо-российских отношений после объединения Германии был – с двух сторон – связан с большими ожиданиями. В Германии многие предполагали, что Россия, сбросив оковы коммунизма, относительно быстро двинется в направлении демократии и рынка. Так на основе взаимных представлений возник своего рода симбиоз Германии и России – словно позитивный контробраз трагического периода нацистской войны на уничтожение и двух вариантов тоталитаризма, о которых здесь идет речь. На мой взгляд это нереалистично и даже опасно, ибо приведет только к разочарованию.

Для успеха долгосрочной политики партнерства и сотрудничества между Германией и Россией необходимы определенные исходные условия¹. Германии следовало бы избегать успешных негативных суждений и отдавать себе отчет о том, что в новой России еще долго не будет общего согласия ни по основным ценностям, ни о национальной идентичности. Россия вступила в переходную фазу, в которой сосуществуют различные и даже противоположные подходы; старые и новые политико-культурные тенденции; элементы свободы и авторитаризма; зародыши рыночного хозяйства и рецидивы государственного управления экономикой; централизма и региональной автономии; концепции традиционного великодержавного поведения и попытки прагматической реальной политики под знаком партнерства и сотрудничества. Россия, с свою очередь, не должна переоценивать способность Германии к материальной поддержке реформационных процессов: Германии предстоит достаточно долго концентрировать усилия – и не только материальные – на последствия объединения. Кроме того, она находится под растущим давлением со стороны конкурентов на мировых рынках.

С точки зрения трагического опыта прошлого удивительно, сколь успешно развиваются ныне германо-российские отношения не только на дипломатическом уровне, но также на уровне встреч общественных групп и отдельных лиц. Я сам неоднократно испытал это при встречах в России – и не только в Москве. Этому способствовало, без сомнения, и то, что мы больше не закрываем глаза на трагические стороны германо-российских отношений, а ведем откровенную дискуссию о них – как например на этой конференции. Ведь примирение и партнерство на будущие времена могут вырасти только на основе исторической памяти, беспощадного раскрытия правды.

Оживление памяти заостряет взгляд на новые угрозы демократии, свободе и правам человека. Мы должны – каждый в своей сфере ответственности – быть бдительными, чтобы политическую сцену не захватили старые демоны в новом одеянии. В Германии это – хотя пока слабые – силы националистического толка, ставящие под сомнение, что 8 мая произошло освобождение от национал-социалистической тирании. В России растут не только агрессивный национализм Жириновского, но и открыто фашистские группировки как “Русское нацио-

нальное единство” Баркашова. Последняя считает себя настоящей антисистемной партией, “единственным действительно революционным движением” современной России, которое вернет стране порядок и величие и выполнит в мировом масштабе свою миссию в борьбе против “еврейско-либерального гнета”². Не смогут ли такого рода движения – подобно нацистам в период Веймарской республики – использовать обострение социально-экономического кризиса и распространенные чувства оскорбленной национальной гордости для разжывания в России национально-социалистической революции специфически русского типа?

Урок, который Германия извлекла из губительных последствий своего агрессивного национализма, состоял в включении страны в сообщество западных демократий. Мы считаем, что и германо-российское сотрудничество может и должно перейти в более широкий европейский контекст.

Крайне важным фактором широкого партнерства являются именно те его формы, которые оба вида тоталитаризма, как закрытые системы, сознательно предотвращали: массовые встречи людей обеих стран, многообразное сотрудничество между политическими, общественными и культурными группами и объединениями. Гражданин мира из Москвы и Кёльна Лев Копелев назвал такие тесные связи между людьми, группами и организациями ниже официального, государственного уровня, “спонтанной народной дипломатией”. Это то, что нужно.

¹ См.: Выступление Б.Н. Ельцина в Верховном Совете // Радио Москва. 13 февраля 1992 г.

² См.: Frankfurter Rundschau. 8.1.1994.

³ Europa Archiv (Bonn). 19/1994. S. D. 561.

⁴ См.: H. Vogel u.a. Russland und Deutschland sollten sich nicht überfordern. // Frankfurter Rundschau. 6.3.1995; Независимая газета. 15.3.1995.

⁵ См.: В. Соловей. Россия не обречена на фашизм // Независимая газета. 29.3.1995.

ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Часто повторяют, что европейское рабочее движение без борьбы капитулировало перед Гитлером, перед фашизмом. Германское рабочее движение упрекают, в частности, в том, что оно не сдержало своего обещания помешать приходу к власти Гитлера. Но такая упрощенная оценка только часть исторической правды.

С начала 20-х гг. в европейском рабочем движении (во всех его ответвлениях) осуществлялся основательный критический анализ политического и общественного феномена фашизма. Поход Муссолини на Рим (октябрь 1922 г.) позволил прийти к выводу, что речь здесь идет не о временной коалиции современных ландскнехтов и одичавших мелких буржуа. Гитлеровский путч в Мюнхене (ноябрь 1923 г.) усилил тревогу в рядах рабочего движения. Встал вопрос, можно ли говорить о фашистском движении как универсальном общественном феномене. Итальянские социалисты (Филиппо Турати), немецкие и австрийские социал-демократы (Юлиус Браунташ, Эрнст Гамбургер), немецкие коммунисты (Клара Цеткин, Август Тальгеймер) были единодушны в том, что фашизм возник в странах, для которых после первой мировой войны были характерны экономические и политические структуры, находившиеся в стадии модернизации. Стремящийся к монополии капитализм сдвинул с мертвой точки социальноэкономические процессы экспроприации (главным образом, в средних слоях населения), которые были несовместимы с либерально-демократической политической системой. Но именно эта система способствовала политизации масс, что создавало определенные предпосылки для массового фашистского движения.

Муссолини начал формирование фашистского государства. Ведущим деятелем рабочего движения стало ясно, что фашизм не временный фактор, а явление, представляющее серьезную угрозу всем демократическим и демократизирующимся обществам. Германские социал-демократы еще в 20-е годы пришли к выводу, что немецкий фашизм, будь он у власти, превзошел бы итальянский по разгулу террора, что рабочее движение было бы в этом случае беспощадно уничтожено.

Тогдашних аналитиков занимали вопросы: почему среднему классу не удалось выработать иммунитет в отношении национал-социализма?

Каким был характер связи между национал-социализмом и крупным капиталом? Являлась ли НСДАП его инструментом или же самостоятельным движением? В наличии были разумные анализы национал-социалистической идеологии, но преобладали представления о том, что национал-социализм есть не что иное как дальнейшее развитие правого консерватизма. Недооценивался расистский характер национал-социалистического антисемитизма.

В рабочем движении начала разрабатываться стратегия оборонительной борьбы против национал-социализма, хотя было уже слишком поздно. Считали, что демократическую систему надо защищать и поддерживать, иначе она превратится в режим личной власти. Но было упущено время для организации сопротивления. Это было связано с тем, что в СДПГ опасались военизированных стычек, которые навязывались противниками. Результат известен: европейскому рабочему движению и, особенно, германскому не удалось предотвратить установления террористической национал-социалистической диктатуры над Германией и большей частью Европы. Но этот негативный результат, в основном, объяснялся не дефицитом в понимании фашизма, а структурой самого рабочего движения.

Рабочее движение в Европе было разделено на демократическо-социалистическое, тоталитарно-коммунистическое и анархосиндикалистское. Этот раскол был исторически неизбежен. Он был основан на отходе большевиков под руководством Ленина от демократической западноевропейской просветительской традиции рабочего движения. Этот отход происходил еще до 1917 г., он дал о себе знать уже в начале века (можно напомнить о спорах Розы Люксембург с Лениным). 1917 год был не началом, а конечным пунктом дискуссии о легитимности использования силы для осуществления целей рабочего движения. У вождя британской лейбористской партии Артура Гендерсона уже в 1917 г. после пребывания в России не было сомнений в необходимости укоренения социал-демократии в рамках парламентской системы как оплота против большевизма и гражданской войны.

Вопрос о насилиии отделил социал-демократов также и от анархосиндикалистов, чье влияние в Германии и во Франции было, в отличие от Испании, незначительным. Анархо-синдикалисты, со своей стороны, критиковали бюрократический централизм как социал-демократической, так и коммунистической ветвей рабочего движения.

Раскол рабочего движения в Европе углубился из-за сталинской квалификации социал-демократии как социал-фашизма. Социал-демократы, а не национал-социалисты были объявлены главным врагом международного коммунизма. Социал-демократы, так утверждали коммунисты, своей реформистской политикой препятствовали стоящей на повестке дня революции и потому должны были быть устранены в первую очередь. В связи с тезисом о социал-фашизме появились и лозунг о едином фронте только снизу, согласно которому социал-демократические рабочие должны были быть отделены от их вождей.

Из-за этой агрессивной политики коммунистов единые действия социал-демократов и коммунистов против фашистов были обречены.

Существеннейшим фактором было то, что рабочее движение могло воздействовать только на часть рабочего класса. В больших городах и в индустриальных центрах оно было значительным интегрирующим фактором, активно противостоявшим буржуазии. Однако не во всех индустриальных районах. Например, в западной части Германии зачастую доминировали организации религиозного или этнического толка.

На мелких и средних предприятиях влияние организованного рабочего движения было слабым. Это относится и к районам, где преобладали сельскохозяйственные рабочие. Слабо организованы были служащие. Социал-демократов или коммунистов поддерживала примерно треть рабочих. Социал-демократическая партия Германии являлась по преимуществу партией квалифицированных рабочих. Коммунисты сумели прежде всего организовать необученных и безработных, а национал-социалисты смогли прорваться во все слои общества (с полным правом НДСДАП можно считать прообразом современной народной партии).

В чем состояла организационная слабость классического рабочего движения? Преобладала ориентация на традиционную (успешную для времен до первой мировой войны) стратегию, которая мешала приспособлению к новым формам агитации и действия. Чересчур поздно пришло понимание того, что с фашизмом надо бороться другими, а не привычными легальными методами. В германской социал-демократии господствовал принцип легальности, а непарламентские, недемократические формы борьбы считались неприемлемыми.

Демократическое рабочее движение в Европе сохранило свои ценностные ориентации, но вынуждено было заплатить, как и коммунисты, кровью за сопротивление гитлеризму. В эмиграции появилось понимание, что интернационально ориентированное движение недооценило потребность человека в национальной идентификации. Появилась концепция социал-демократической народной партии, охватывающей не только ядро индустриальных рабочих, а всех работающих, был признан плюрализм мировоззренческих установок демократического социализма.

В единую партию с коммунистами верили только немногие, хотя многие желали бы ее. В советской оккупационной зоне Германии, как и в других странах, находившихся под сталинским господством, такое единство было осуществлено методами принуждения и давления. Поэтому в программном заявлении социал-демократического Интернационала, который был вновь основан в 1951 г., было сказано: "Коммунисты зря ссылаются на социал-демократические традиции. В действительности они искажали эти традиции до неузнаваемости. Коммунизм догматически закоренел, потому находится в несовместимом противоречии с духом марксизма". И далее: "Социализма нет без свободы. Социализм может быть осуществлен только через демократию, а демократия может стать завершённой только при социализме".

Таково до сих пор кредо европейских демократических социалистов.

ТОТАЛИТАРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛЬШЕ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Борьба между демократической и антидемократической (авторитарной, тоталитарной) тенденциями в межвоенный период своеобразно проявлялась в странах Центральной и Юго-Восточной Европы из-за обстоятельств, характерных для этого региона. К ним относились прежде всего: недавнее воссоздание государственности (с конца XIX века до окончания первой мировой войны); недружественное и нередко враждебное окружение; невысокий уровень развития капитализма и слабость национальной буржуазии, нуждавшейся в традиционном покровительстве государства; неустойчивость демократических тенденций в управлении, тяготение к антидемократизму, диктатуре, государственным переворотам, использование традиционных бюрократических методов управления; осуществление контроля над политической сферой не однозначно фашистскими партиями и группировками, хотя они присутствовали в политической системе, будучи конкурентами справа правящей группировке; наличие значительных оппозиционных режиму политических сил, частично исключенных из политической жизни; политическая неразвитость масс, их низкая политическая культура. Эти особенности были присущи и Польше накануне второй мировой войны.

Основным направлением эволюции политических отношений в Польше был антидемократизм. Это выразилось в формировании авторитарного режима личной власти Ю. Пилсудского – режима саниации в 1926–1935 гг., а также в усилении во второй половине 30-х годов тоталитарных, фашистских черт; укрепление политического влияния тоталитарных сил с растущим сходством их идейно-организационных принципов; все больший акцент на крайние формы национализма; усиленная пропаганда идей национальной консолидации, социального солидаризма, культа вождя; этатизм и стремление власти расширить сферы контроля за обществом – в экономике общественной жизни, духовной сфере.

Проявления антидемократических тенденций в Польше можно рассматривать на примере трех структур: государства, правящего лагеря и правонационалистической оппозиции.

(1) ГОСУДАРСТВО. Важнейшим поворотным пунктом для режима санации было принятие апрельской конституции 1935 г. юридически закрепившей его существование. Главными ее особенностями были: значительный сдвиг в пользу исполнительной власти и минимизация роли парламента; высокая степень концентрации власти в руках правящей элиты; ликвидация контроля со стороны общества за властью, ограничение демократических прав граждан.

Ст. 5 конституции гласила: "...Государство обеспечивает гражданам развитие их личных ценностей, а также свободу совести, слова и объединений". Но вводилось ограничение, что это не должно вредить "всеобщему благу". В ст. 7 говорилось: "...Ценность усилий гражданина ради всеобщего блага и заслуг перед ним будет измеряться его право влиять на общественные дела". Конституция отрицала равенство прав граждан, даже не упоминала о свободе печати, сводила на нет декларацию свободы совести, говоря о господствующей роли католической церкви¹.

Антидемократическую конституцию дополняли избирательные законы 1935 г. с элитарностью выборов сената и особенно президента. Выборы в сейм были непропорциональными, был повышен возрастной ценз и расширен круг лиц, лишенных избирательного права. Процедура выдвижения и утверждения кандидатов давала возможность властям отсечь всех неудобных. Boyкот оппозиционными партиями выборов 1935 г. привел к дальнейшим изменениям политической системы. Значительно усилились позиции генерального инспектора вооруженных сил Э. Рыдз-Смиглого – он стал высшим должностным лицом в армии и вместе с президентом занял место на вершине политической иерархии как "верховный вожь" (звание могло существовать только в военное время). Вся полнота власти сосредоточилась в руках узкой правящей элиты, в которую кроме Э. Рыдз-Смиглого входили: президент И. Мосцицкий, премьер Ф. Славоу-Складковский, министр иностранных дел Ю. Бек и частично вице-премьер по экономическим вопросам Э. Квятковский. В полную фикцию превратилась роль парламента, который в результате выборов 1935 и 1938 гг. был вообще лишен оппозиции.

Усилилось репрессивное подавление оппозиции. Все больше препятствий чинилось деятельности партий, использовались превентивные военно-полицейские меры и уголовное преследование против радикальных выступлений. Ряд крупных деятелей оппозиционных партий эмигрировал, усилилась цензура, сопровождавшаяся конфискациями изданий.

Наибольший размах и самый широкий диапазон репрессии приняла в ходе избирательной кампании в сейм в сентябре – ноябре 1938 г. Центральные власти однозначно ориентировали администрацию на местах: фальсифицировать результаты выборов, использовать насилие против оппозиции. В частности, львовский воевода А. Билык, выступая перед старостами (представителями низовых органов власти) и ссылаясь на мнение правящей верхушки, говорил: выборы должны

быть проведены успешно и в реализации этой цели господа могут использовать любые средства и способы; эти выборы должны быть чистыми в отношении государства. Никто не будет привлечен к ответственности за повиновение этим распоряжениям, выборы являются службой государству". Перед местной администрацией ставилась задача: "Те люди должны быть избраны, которые выдвинуты, а не случайные люди. Задача трудная, но ее надо выполнить"².

Антидемократические тенденции в деятельности режима проявились и после выборов, в частности, в президентских декретах от ноября 1938 г. о печати, в роспуске франкмасонских организаций. Декрет об охране некоторых интересов государства выделял три группы государственных преступлений (против обороноспособности, независимости общественной жизни и общественного порядка). В расширительной трактовке эти декреты могли использоваться и против деятельности оппозиционных партий.

В целом во второй половине 30-х гг. становится заметной тенденция властей расширять контроль над обществом с выходом за пределы чисто политической сферы: осуществлять экономическое планирование (строительство Центрального промышленного округа – ЦОП); попытаться установить контроль за социальной и культурной сферой через свою организацию – Лагерь национального объединения (ОЗН), через внесение элементов планирования в развитие общественной и культурной жизни, а также унифицировать и подчинить себе молодежное и профсоюзное движения.

(2) ПРАВЯЩИЙ ЛАГЕРЬ. Внутри лагеря санации (пилсудчиков) в середине 30-х г. кризис сопровождался процессом трансформации его социальной базы и перестановкой сил внутри него. Последнее выразилось в отсечении от власти "полковничьей" группы (консервативно-националистической с независимыми традициями) "замковой" (умеренно либеральной), а затем преобладанием "генеральской" (антидемократическою с тоталитарными тенденциями и опорой на армию).

По инициативе усиливавшейся "генеральской" группы была предпринята попытка создания единой политической организации правящего лагеря. В феврале 1937 г. было декларировано создание ОЗН. Провозглашались: приоритет государства, его конституции и армии, консолидация нации во имя укрепления обороноспособности, национальное единство и допущение антисемитизма, социальный солидаризм, антикоммунизм. В организационной структуре ОЗН проявились тоталитарные тенденции: принцип вождизма, жесткая иерархия, назначения на должности, легализация открыто фашистских организаций, например, ОНР – "Фаланга".

С начала 1938 г. контроль в ОЗН безраздельно осуществляла "генеральская" группа. ОЗН стал инструментом правящей верхушки в политике консолидации общества, выполнял две основные функции: организационную и пропагандистскую. Первая состояла в использовании ОЗН для полного контроля парламента, неполитических сфер жизни

общества, для укрепления связи между госаппаратом и армией. Вторая – в широкой пропаганде лозунга национального объединения, демагогической кампании против оппозиции, как носителя антигосударственных идей, подверженной иностранному влиянию (и в том числе масонско-мафиозному), активном заимствовании лозунгов оппозиции, в том числе правонационалистической (национализм в трактовке пилсудчиков должен был способствовать укреплению государства).

Прощупывалось общественное мнение о понятии “тоталитаризм”. Так, представитель “замковой” группы вице-примьер Э. Квятковский говорил: “Мы не стремимся – пока это не стало крайней необходимостью и единственным выходом из положения – к созданию государства тоталитарного, одноидейного и однопартийного”. А представитель “генеральской” группы, заявил: “Если кто-то считает, что культ и авторитет Верховного Вождя это тоталитаризм, то пусть помнит, что такого тоталитаризма Польше не нужно стыдиться”³. Постоянно пропагандировался культ Э. Рыдз-Смиглого. Проправительственный “Курьер поранны” писал: “Верховный Вождь распоряжается всей нацией, является действительным в полном смысле этого слова Вождем не только в период войны, но и мира”⁴.

(3) ПРАВОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ. Оппозицию справа составлял лагерь эндеции (национальной демократии), находившийся в двойственном положении: с одной стороны, он был расколот на ряд отдельных партий и организаций, часть которых шла на сближение с санацией; с другой – правонационалистическая оппозиция сохраняла немалое влияние на общество, в частности, численность Стронництва народного (СН) достигла 200 тыс. членов.

Эндеция была откровенно фашистской, тоталитарной силой, стремившейся подражать итальянскому фашизму. Программой была книга идеолога СН Е. Гертыха “За выход из кризиса”. Автор утверждал, что эндеция – это “польский национализм”, который, как и другие фашистские движения, борется за создание “нового национального порядка”, имея целью “величие и благо польской нации”. “Евреи, масонство и коммунизм – это триединый лагерь наших главных противников... Не с каждым тоталитаризмом мы не согласны. Напротив, в немалой степени мы сами тоталитаристы”. Возможность сотрудничества с санацией допускалась при условии ее подчинения⁵.

Летом 1939 г. к руководству СН пришли так называемые “молодые”, поддержанные общепризнанным авторитетом партии Р. Дмовским. Они были свободны от груза конфликтности с санацией. Еще раньше была приостановлена деятельность так называемого “центрального руководства” СН, ведавшего политической и организационной подготовкой государственного переворота. Проявилось стремление СН превзойти санацию в экстремизме внешнеполитических притязаний в период польско-литовского конфликта и Мюнхена.

Однако полного слияния санации и эндеции не произошло, в частности, из-за нежелания правящей верхушки потерять монополию на власть и сохранения значительного влияния в обществе партий демократической оппозиции. Тем самым, тоталитарная тенденция, носителем которой в Польше были и санация и эндеция, не нашла своего полного воплощения. Борьбу в Польше тоталитарной и антиоталитарной тенденций прервала в сентябре 1939 г. агрессия Германии.

¹ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. 1935. Nr 30. Poz. 227.

² Львовский областной государственный архив. Ф. 1. Оп. 58. Д. 1531. Л. 3а-5.

³ Gazeta Polska. 17.10; 1.11.1938

⁴ Kurjer Poranny, 28.4.1939.

⁵ Giertych J. O wyjście z kryzysu. Warszawa. 1938. S. 122, 124, 152.

АНАЛИЗ ТОТАЛИТАРИЗМА МЕНЬШЕВИКАМИ В ЭМИГРАЦИИ

С крахом советской системы в Восточной Европе и распадом Советского Союза во всей остроте встал вопрос о теоретическом и понятийном инструментарии для объяснения феномена советского социализма: бюрократического, "реального", государственного, как бы его ни называли. И в публицистике и в научных исследованиях стали чаще снова обращаться к понятию "тоталитаризм". Это понятие переживает как бы второе рождение.

Рассматривая первые теоретические рассуждения о тоталитаризме в 20-е гг., необходимо сделать существенную оговорку: речь идет о попытке проанализировать и сравнить структурные особенности фашизма и большевизма, которые тогда еще не обозначались общим термином "тоталитаризм" или "тоталитарное государство".

Исходным материалом для дискуссий в среде меньшевиков (Ф. Дан, Р. Абрамович, А. Шифрин и др.), с 1922 г. живших в Берлине, была в то время позиция австромарксистов (Отто Бауэр) и прежде всего теоретика немецкой социал-демократии Карла Каутского. В середине 1917 г. партия меньшевиков утратила поддержку масс из-за своей нерешительной неустойчивой позиции, как самокритично признавал ее председатель Юлий Мартов¹. Позднее, в условиях скачкообразно выросшего в период военного коммунизма недовольства в среде рабочего класса, ей удалось завоевать симпатии довольно широких слоев. Существует обоснованное предположение, что в конце гражданской войны она завоевала бы большее количество парламентских мест, чем большевистская партия. Рост симпатий к меньшевикам был и причиной того, что оправдываемое гражданской войной полулегальное положение меньшевиков не было снято Лениным и после ее окончания. Советское правительство (параллельно с происходившим экономическим раскрепощением) загнало меньшевиков на много лет в подполье.

В 1922 г., вскоре после прихода в Риме к власти итальянских фашистов, журнал "Нейе Цайт" отметил, что фашизм — это "латинский большевизм", который презирает демократию и проникнут империалистическим духом. В большевизме социал-демократы увидели духовного прародителя фашизма.

В 1923 г. Карл Каутский писал, что "в Италии, Венгрии, России трудящиеся массы скованы неслыханно жестокой диктатурой и произволом партии, в рамках белого и красного фашизма"². К мнению Каутского присоединился Артур Криспин, который отмечал: "Большевизм закончит фашизмом. Это мы видим в Венгрии, Баварии, в Италии, как и в России"³. В последующие годы Каутский утверждал, что большевизм не лучше фашизма, а Зиновьев такой же враг пролетариата как Муссолини; Отто Вельс говорил, что "большевизм и фашизм — братья".

Анализ внутриполитического положения в Советском Союзе с позиций партии меньшевиков мы находим в докладе "Террор против социалистических партий в России и Грузии", подготовленном в 1925 г. по поручению Социалистического рабочего интернационала Р. Абрамовичем, Н. Сухомлиным, И. Церетели.

Любая свободная общественная деятельность, говорилось в докладе, в России запрещается и является наказуемой. Нам нет и в зародыше свободы слова и печати, свободы собраний и объединений, свободы совести и вероисповедания, неприкосновенности личности. Вся меньшевистская литература изымается из библиотек, поддержка других социалистических партий карается как государственное преступление. Проводятся массовые аресты и обыски у рабочих и служащих, принадлежащих к социалистическим партиям. Всеведущая и всемогущая ЧК становится главной опорой большевизма, и тем самым, одновременно, враждебной социализму силой. Самое ужасное в этой системе — концентрационные лагеря, созданные по взятую от царизма на вооружение методу административного изгнания, то есть ссылки без судебного приговора⁴.

Меньшевики считали, что посредством террора большевистская диктатура собственными руками создает элементы будущей контрреволюции. Что под этим понималось, разъяснил Ф. Дан: уничтожением демократии, установлением господства террора большевизм ослабил и дезорганизовал массы. Сам выйдя из революции, он подготовил предпосылки и элементы будущей контрреволюции⁵. Однако Дан не отождествляет большевизм и фашизм, как это сделал Карл Каутский, а показывает, что первый готовит почву для второго. Дан и по другим вопросам оспаривал мнение Каутского. Так, отождествление царского и большевистского абсолютизма не заменяет конкретного социально-экономического анализа. Большевизм остался для Дана детищем революции (что делает его критику более понятной), он и впредь коренился в русской пролетарской жизни, несмотря на свое вырождение и несмотря на то, что его деспотизм еще более абсолютистский, чем деспотизм Романовых. Автор различает революционные (в России) и реакционные (в Италии) формы террористического меньшинства, говорит о "диктатурах, выдающих себя за революционные"⁶. Год спустя он делает важное дополнение: "Нельзя, чтобы формальное родство между ленинизмом и фашизмом вело к тому, чтобы мы хоть на мгновение забыли об их существенных социальных различиях"⁷. Развивая свою мысль, Дан писал в 1928 г. о сходстве по форме, как у близнецов, но о существенном их отличии друг от друга по социальному и экономи-

ческому содержанию. Общности он видел в отказе от политической демократии и провозглашении диктатуры меньшинства, которая подавляла все свободы и действовала с помощью кровавого террора. Таким же образом они перейдут к господству клин, изолируют себя от масс, после чего должны будут опираться на военно-бюрократический аппарат.

Дан называет также веские различия, в чем расходятся с образом мышления Каутского: "В то время, когда большевизм растет на основе революционного движения масс, самосознание которых далеко не достаточно, фашизм возникает ... на базе стремления класса эксплуататоров воспрепятствовать социальной революции. Фашизм... прибегает к силе, чтобы увековечить господство капитализма. Большевизм отражает как неспособность политически неспросвещенных масс сделать политическую демократию инструментом своего социального освобождения, так и их наивную попытку с помощью применения физической силы преодолеть недостаточную степень развития социальных и экономических отношений, а также собственную политическую и культурную незрелость. К фашизму склоняется, вследствие этого, все воинственно антисоциалистическое и антипролетарское. Большевизм связан с революционными массами рабочих России и всего мира не только своим происхождением, но и тем, что к нему склоняются и сегодня широкие слои пролетариата, несмотря на очевидную непригодность его методов, несмотря на все его ошибки и преступления".

Каутский отклонял любое сотрудничество с коммунистами, тогда как Дан и левое крыло меньшевиков принадлежали к осторожным сторонникам политики единого фронта. Методы борьбы с большевизмом должны быть другими, нежели в борьбе против фашизма. Впрочем, эти рассуждения Р. Абрамович в духе Каутского прокомментировал так: "Насколько фашизм и большевизм могут отличаться своими социальными идеалами и содержанием, настолько же они похожи, как кровные братья, своими методами и путями. Фашизм и большевизм – две большие опасности, которые угрожают рабочему классу с противоположных сторон, но одинаково сильно".

Наиболее зрелой разработкой дифференцированного сравнения большевизма и фашизма в ранней фазе, т.е. до прихода к власти в Германии национал-социалистов и до полного развертывания сталинского массового террора в годы принудительной коллективизации и показательных процессов, был доклад, написанный ссыльным меньшевиком А. Шифриным в 1931 г. Вулгарная демократическая критика большевистской диктатуры – говорится в докладе, – видит в ней лишь реакционность, уничтожение демократии и совсем не замечает исторической позиции и функции этой диктатуры. Жизненность победоносной революции, свергающей старый строй, несравнимо более велика, нежели капиталистическая контрреволюция, которая защищает существующий строй. Стойкость диктатуры определяется не только ее техникой, но и ее исторической миссией. Большевистская диктатура уничтожила старый политический и социальный строй, довела до предела буржуазно-демократическую революцию для того,

чтобы затем превратить ее в социалистическую. Фашистская диктатура была, напротив, формой политической перестройки капитализма, хотя и со своими особыми законами. Отсюда происходит различие их функций в экономике и социальной жизни, которое чрезвычайно важно для разрешения вопроса стабильности обеих диктатур.

Он отмечает полностью противоположные политическое целенаправление и социальную сущность большевизма и фашизма, видит существенное различие в отношении обеих диктатур к экономике. Государственная власть при большевистской диктатуре черпает свои силы в экономической мощи, ибо государству принадлежит функция экономического управления. Фашистская диктатура, по сравнению с советским государством, абсолютно не влияет на экономику. Она полностью отказывается от обобществления и последовательно проводит политику разгосударствления и разобществления¹⁰.

Дискуссии в эмигрантской меньшевистской прессе 20-х годов подводят нас к некоторым важнейшим проблемам современности, к необходимости пересмотра традиционных представлений о тоталитаризме, доставшихся нам в наследство от времен "холодной войны". Вряд ли корректно отождествление структур власти в СССР и в ГДР 70-80-х годов, с одной стороны, и структур власти в национал-социалистической Германии, с другой стороны, как это практиковалось в ходе работы анкетной комиссии бундстага ФРГ.

Необходимо строгое историческое различие периодов, а также дифференцированное рассмотрение территориальных зон. Следует подвергнуть систематическому сравнению ранний большевизм и ранний фашизм у власти. В первые годы Советской России особое внимание должны привлечь особенности ситуации, созданной массовой иностранной интервенцией и гражданской войной. На втором этапе речь должна идти о сталинизме и немецком национал-социализме и открытых террористических формах тоталитарной власти в условиях второй мировой войны. На третьем этапе, постсталинские общества можно было плодотворно сравнивать их с позднефашистскими диктатурами Западной Европы (Испания, Португалия), а также проводить параллели с режимами предыдущих периодов.

¹ Sozialistische Revolution in einem unterentwickelten Land. Texte der Menschewiki zur russischen Revolution und zum Sowjetstaat aus den Jahren 1903-1940. Hamburg, 1981. S. 73.

² Vorwärts, 1. Mai 1923.

³ Sozialdemokratischer Parteitag 1924. Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz. Berlin. 1925. S. 49.

⁴ Der Terror gegen die sozialistischen Parteien in Rußland und Georgien. Berlin. 1925.

⁵ Der Klassenkampf. 1927. H. 3. S. 89.

⁶ Die Gesellschaft. 1926. H. 2. S. 235.

⁷ Der Klassenkampf. 1927. H. 3. S. 95.

⁸ Der Kampf. 1928. H. 8/9. S. 415.

⁹ Haimson. The Menschewiks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. Chicago-London. 1974. P. 344.

¹⁰ Ibid. P. 496-498.

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО МЕЖДУ ДИКТАТУРОЙ И ДЕМОКРАТИЕЙ

В настоящее время, с дистанции в 50 лет, историки вновь задают себе вопрос: какие изменения принесло окончание второй мировой войны их стране, другим странам-участницам. 10 лет назад тогдашний президент ФРГ Рихард фон Вайцзекер произнес знаменитую речь. С той поры в Германии широко распространено мнение, что окончание войны надо оценивать позитивно, ибо уничтожение несправедливого национал-социалистического режима означало освобождение немцев. Конец войны дал Германии возможность – я имею ввиду ее западную часть – начать вторую, на сей раз успешную, попытку строительства стабильной демократии. В русле темы нашей конференции это значит, что победа союзников над гитлеровской Германией создала предпосылки фундаментальных политических и общественных преобразований, о чем пойдет речь в моем докладе. Путь от “коричневой” гитлеровской диктатуры к тому типу западной демократии, который был установлен в ФРГ с 1949 г. – одна из важнейших тем германской исторической науки.

Исследование современной истории нашей страны, естественно, не ограничилось лишь рассмотрением политических фактов, обеспеченных победой вооруженных сил союзников и безоговорочной капитуляцией вермахта 8-9 мая 1945 г. Историки одновременно рассматривали вопрос, была ли и в какой степени смена диктатуры демократией, произошедшая под давлением извне, обусловлена и внутренними социальными условиями.

Важнейшим фактором, нуждающимся в освещении при раскрытии проблемы социальных изменений в Германии, является то, что вторая мировая война вырвала значительную часть немцев из исконной социальной обстановки, образно говоря, обрубила их корни, вынудила их не раз менять места жительства, наконец, потребовала от них начать все сначала в новом окружении. Поэтому в первую очередь должны быть проанализированы процессы перемещения населения, вызванные войной.

Когда речь идет о миграциях в Германии под этим подразумевают, как правило, бегство и изгнание на заключительной фазе войны и в

первые послевоенные годы. Но эта точка зрения является чересчур узкой. Специфическая проблема “потери корней” была характерна не только для изгнанных из Восточной Европы немцев, но также – и к тому же задолго до них – для эмигрантов, для насильственно переселенных “фольксдойче” (так называли живших за границами рейха немцев, не имевших германского гражданства), для миллионов рабочих военной промышленности, работавших вне родных общин, для эвакуированных из больших городов, для привлеченных иностранных рабочих, получивших после 1945 г. статус “перемещенных лиц”, и не в последнюю очередь, для оторванных от своих семей немецких солдат и военнопленных.

Каковы были масштабы этого процесса? Что касается европейского континента в целом, то можно сослаться на оценку английского историка Уолтера Лакера: “В общем и целом, от 40 до 50 миллионов человек были насильственно изгнаны из родных мест и превращены в беженцев; это было крупнейшее перемещение населения в Европе со времени великого переселения народов полторы тысячи лет тому назад”².

Но здесь мы должны провести разграничение: западноевропейские страны были не в такой степени затронуты процессом перемещения народов, как Восточная и Центральная Европа, то есть русские, поляки и немцы. Следствие этого переселения народов сильнее изменило Восточную и Центральную Европу, нежели западноевропейские страны. Первая фаза вынужденной миграции³ затронула т.н. “фольксдойче”. Около 9 млн человек, подходивших под этот расистский критерий, были в 1939-1941 гг. по приказу нацистского режима насильственно переселены в рамках Европы. Около 6 млн европейских евреев были вывезены и убиты⁴. Свыше 1 млн поляков были изгнаны немцами из родных мест на Восток. В 1944-47 гг. около 15 млн человек попали в орбиту изгнания и вынужденного переселения немцев с Востока на Запад. Из этого числа 11 млн отправились в западные зоны, 2 млн – в советскую зону оккупации, и еще 1-2 млн видимо погибли в пути.

В немецкой военной промышленности в 1944 г. были заняты около 8 млн насильно угнанных рабочих. Такие масштабы принудительного труда не имели прецедента (со времени отмены рабства в XIX в.)⁵. После безоговорочной капитуляции на территории Германии находилось около 6,5 млн т.н. “восточных рабочих”. Большая их часть отправилась после окончания войны на родину, меньшая была размещена на территории западных держав-победительниц или осталась в Германии⁶.

Около 11 млн немецких солдат находились после капитуляции в плену⁷. Они не сразу смогли вернуться к своим семьям, последние – в 1955 г. К процессам перемещения немцев относятся также добровольная миграция – факт, который сегодня почти забыт: в послевоенные годы около 760 тыс. немцев эмигрировали во Францию и за океан⁸.

Германия потеряла во второй мировой войне около 5 млн солдат. Казалось, эти тяжелые потери должны были привести в западных зонах

(и позднее – в ФРГ) к уменьшению населения. Но практика показала обратное: вследствие массовой миграции с Востока прирост населения составил 8,3 млн человек по сравнению с 1937 г. Доля вынужденно переселенных в населении ФРГ составила 16,5%⁹. Немецкое общество было особенно сильно затронуто вынужденной мобильностью. Здесь действительно “массы пришли в движение”. В 1943-1948 гг. около половины всех немцев в той или иной степени активно участвовали в процессе вынужденного передвижения¹⁰. Другая половина вносила свою долю в происходившее тем, что переселенцы именно у них, коренных жителей, искали временного пристанища, оставаясь затем надолго, обретая вторую родину. В ходе срастания с вновь прибывавшими менялась и жизненная среда коренных жителей, которым посчастливилось, что у них не отняла родину¹¹.

Исходя из результатов новейших научных исследований, можно утверждать, что социальная и политическая история развиваются не синхронно. Изменения немецкого общества были длительным процессом, охватывавшим период нужды и кризиса в 1943-1948 гг. Именно в это пятилетие “от Сталинграда до денежной реформы” (так называется большое социально-историческое исследование Мюнхенского института современной истории)¹² германское общество изменилось поистине революционным образом.

В качестве важных элементов процесса изменений можно назвать:

- успешное осуществление интеграции миллионов беженцев (после тяжелой переходной фазы);
- разрушенные и дестабилизированные войной семьи превратились в тяжелые послевоенные годы в факторы стабильности¹³. Это стало ответом на крушение крупных общественных организаций нацистского государства. За этим последовал уход граждан в небольшие ячейки общества, в частную жизнь;
- повышение ответственности женщин. Уже во время войны они вынуждены были взять на себя функции главы семей¹⁴. После 1945 г. именно “женщины руин” (так называли женщин, работавших на расчистке городов от развалин) внесли основной вклад в преодоление непосредственной нужды послевоенных лет и в восстановление. Обратимся к цифрам: “лишенное мужчин” развалившееся общество 1945 г. представляло собой следующую картину: 3,7 млн немцев-солдат были убиты, 11,7 млн военнослужащих находились в плену. Одновременно насчитывалось 3,7 млн одиноких женщин в возрасте между 20 и 40 годами. Таким образом, сложилась ситуация, таившая в себе своеобразный шанс для женской эмансипации¹⁵. Этот период назвали “часом женщин”. Неоспоримо временное повышение социальной значимости женщин. И все же оно не превратилось в толчок для длительных сдвигов в сфере эмансипации;

– исследования по преобразованию структуры деревни в послевоенное время приводят к заключению, что именно в сельской среде произошли особенно глубокие изменения¹⁶. Революционные перемены были связаны с модернизацией сельского хозяйства при активном

применении техники. Это развитие однако, получило динамику благодаря притоку эвакуированных и беженцев с Востока, что привело к решающим изменениям социальной структуры. Переселенцы составляли конкуренцию коренным жителям и в ремесленном секторе, что оживило производство и ускорило модернизацию. Поскольку после развала нацистского государства большая часть общественной жизни была перенесена в сельские общины, именно здесь произошло слияние коренных жителей и беженцев, в результате чего они учились правилам общежития¹⁷. Говоря политическим языком: в совместной жизни на местах происходила очень важная интеграционная работа.

В религиозном плане прежде почти гомогенно структурированные общины пришли через беженцев к контактам с другими и к смешению конфессий¹⁸. Обе стороны получили возможность познакомиться с другими религиями и выработать религиозную терпимость. После 1945 г. границы между общинами стали более преодолимыми, что способствовало общественно-политическому согласию.

Общественные изменения повлияли и на политическую сферу. Обобщая вышесказанное, следует сказать, что “эффект перемешивания” в германском обществе был органически связан с эволюцией политических установок, новой демократической ориентацией. По определению историка Юргена Кокки, важнейшим признаком социального переустройства 1943-1948 гг. было “ослабление и демонтаж традиционно заставшей немецкой социальной структуры, которая отрицательно влияла на шансы демократии в Германии до 1933 г. Это ослабление немецкой социальной структуры создало предпосылки для новой партийной системы, возникшей в годы образования государства после 1945 г.”¹⁹ Таким образом, политические и социальные сдвиги взаимообусловили друг друга. В течение одного десятилетия немцы пережили переход от милитаризированной диктаторскими средствами народной общности к гражданскому обществу, ориентированному на экономический прогресс и социальное благосостояние.

В заключение следует еще раз выделить тот факт, что на политическом уровне именно организующая воля держав-победительниц обусловила процесс изменений. Благодаря им одновременно произошло постепенное изменение политических взглядов у той части консервативной элиты западных зон, которая до того была настроена враждебно по отношению к демократии. После 1945 г. в Германии наблюдались не только тенденции, именуемые в шутку словом “реставрация”, но и немало починов, общественные перемены. Они зрели и не прямо, облегчали политические преобразования, связанные с переходом от фашистской диктатуры к демократии.

⁹ Die deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/1950. Wiesbaden. 1958.

¹⁰ Laquer W. Europa auf dem Weg zur Weltmacht 1945-1992. München. 1992. S. 41.

¹¹ Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Frankfurt/M. 1985. S. 7-11.

⁴ Hilberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden. Eine Gesamtgeschichte des Holocaust. Berlin. 1982.

⁵ Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart. München. 1992. S. 354.

⁶ Jacobmeyer W. Vom Zwangsarbeiter zum heimatlosen Ausländer. Die Displaced Persons in Westdeutschland 1945–1951. Göttingen. 1985.

⁷ Maschke E. Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Eine Zusammenfassung. München. 1974. S. 204, 209.

⁸ Sozialgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Beiträge zum Kontinuitätsproblem. Stuttgart. 1983. S. 75.

⁹ Ibid. S. 66, 71.

¹⁰ "Wir kriegen jetzt andere Zeiten". Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern. Bonn. 1985. S. 172–219.

¹¹ Die Vertriebenen in Westdeutschland. Ihre Eingliederung und ihr Einfluß auf die Gesellschaft, Wirtschaft, Politik und Geistesleben. Bd. 1–3. Kiel. 1959.

¹² Von Stalingrad zur Währungsreform. Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland. München. 1990. S. XXX.

¹³ Ibid. S. 595–617.

¹⁴ Integration und Neubeginn. Bd. 2. München. S. 880.

¹⁵ Von Stalingrad zur Währungsreform. S. 619–647.

¹⁶ Ibid. S. 367–425.

¹⁷ Lehmann A. Im Fremden ungewollt zuhause. Flüchtlinge und Vertriebene in Westdeutschland 1945–1990. München. 1991. S. 39–54.

¹⁸ Von Stalingrad zur Währungsreform. S. 3–111, 113–167.

¹⁹ Wendepunkte deutscher Geschichte 1848–1945. Frankfurt/M. 1979. S. 9.

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Российскую действительность 90-х годов нередко сравнивают с различными периодами германской истории. Одни ищут сходство с Веймарской республикой, другие с периодом ее краха и установлением гитлеровской диктатуры¹, третьи – с послевоенной Германией, когда она оказалась расколотой на части, утратив свою государственность, политическую и экономическую самостоятельность. Действительно, в истории России и Германии можно отыскать немало схожих ситуаций и параллелей², но несмотря на эти совпадения, каждая из стран преодолевала возникавшие трудности, исходя из собственных возможностей, исторических традиций и представлений. Поэтому искать ответ, почему развитие России пошло вновь "окольным" путем, а проводимые реформы принесли результаты, далеко отстоящие от требований XXI века, следует в российской истории и нынешней политике. Тем не менее, обращение к послевоенному опыту ФРГ представляет для нас научный и практический интерес.

Становление парламентской демократии проходило в необычайно сложных условиях: сокрушительное военное поражение и безоговорочная капитуляция, полный крах прежнего режима и его структур, раздел страны на зоны оккупации, физическая и моральная усталость населения, дезорганизация общества. Но два фактора оказали решающее воздействие: политика держав-победительниц и изменившееся геополитическое положение, когда Западная Германия в глазах большинства немцев становилась "единственной родиной".

Союзники по антигитлеровской коалиции тщательно прорабатывали "германский вопрос", о чем свидетельствуют документальные материалы. Оккупационные власти взяли на себя ответственность за проведение денацификации, демилитаризации и демократизации³. Можно бесконечно вести дискуссии, почему реализация решений конференции в Потсдаме состоялась не на пути создания "единой миролюбивой демократической Германии и подписания мирного договора с ней"⁴, но в главном – ликвидации нацистского режима – они были выполнены. Только последствия для Западной и Восточной Германии оказались различными. На востоке страны политическое развитие

пошло по пути становления авторитарно-тоталитарно коммунистического режима, который, как и подобные режимы в Восточной Европе, назывался "социалистической демократией", на западе – по пути парламентской демократии, которая традиционно в марксистской историографии именовалась "буржуазной". Вопрос о том, какая "демократия" оказалась более приближенной к реальному воплощению свободы и прав человека – "социалистическая" или "буржуазная", был снят объединением Германии в 1990 г. Для нас важным представляется поиск ответа на другой вопрос: "Почему становление парламентской демократии в Западной Германии произошло при явном лидерстве консервативных партий ХДС/ХСС, у которых (как утверждали некоторые историки) просматривалась "идейная и организационная близость с прежним тоталитарным режимом"⁵.

Обратимся к геополитическим переменам в положении Германии, которые следует учитывать. В Потсдаме Черчилль настойчиво желал получить ответ от Сталина и Трумэна: "Что означает теперь Германия?" Сталин сказал, что затрудняется с ответом, но, по его мнению, Германия – страна, у "которой нет правительства, у которой нет определенных границ, потому что границы не оформляются нашими войсками. У Германии нет никаких войск, в том числе и пограничных, она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна"⁶.

Почему именно в Западной Германии оказался успешным переход к парламентской демократии и какое отношение к этому имело изменившееся геополитическое положение в Европе? На эти вопросы попытался ответить Ф. Аллеман в своей книге "Бонн не Веймар", анализируя структуру и характер политической системы ФРГ, сложившейся в "эру Аденауэра"⁷. В дискуссии приняли участие М. Функе, М.-Л. Реккер, Д. Бухаас, К. Бродур и др. Основные положения были сформулированы гамбургским профессором Марией-Луизой Реккер. Прежде всего, это территориальные изменения: отпали восточные земли (в том числе Восточная Пруссия), где националистические силы, противники демократии были традиционно сильны; исчезло противостояние "рейх – Пруссия", осложнявшее становление прочной демократии. Отпали в основном аграрные земли, поэтому численность городского населения, более восприимчивого к ценностям западной демократии, возросла. Существенно изменился религиозный фактор: укрепились позиции католической церкви, так как в Западной Германии проживало наибольшее число католиков. Участие католических священников и монахов в борьбе с нацизмом, гибель многих из них в концентрационных лагерях, усилили антифашистские настроения среди верующих, что объективно повышало роль церкви в преодолении тоталитарного режима. Территориальные и социально-политические перемены привели к ослаблению бюрократической системы, которая существовала и до гитлеровской диктатуры и без разрушения которой переход к демократии был бы невозможен. Главный вывод: "вторая немецкая демо-

кратия" оказалась устойчивой во многом благодаря тому положению, в котором оказалась Западная Германия⁸.

Переход от тоталитарного режима к парламентской демократии видимо невозможен без формирования новой политической системы. В этом убеждает нас и опыт посткоммунистической России. Формированию политической системы в ФРГ посвящено немало различных исследований. В прежние годы в отечественной историографии считалось, что политической система в Западной Германии была "навязана западными державами", а это значит, что была восстановлена "прежняя буржуазная партийная система"⁹.

А.И. Борозняк, анализируя положение СДПГ в 1945г., отмечает, что партия стремилась не повторить ошибок и слабостей Веймарской республики, изложив свое видение государственного устройства в так называемом "Бухенвальдском манифесте"¹⁰.

Но позиции левых партий ослаблились начавшимся расколом: и в КПГ и в СДПГ развернулась внутрипартийная борьба между берлинским центром и партийным руководством в западных зонах. Антифашистский подъем был здесь непродолжительным. Основная масса трудящихся отказалась от втягивания в политическую борьбу.

В сегодняшней России остается неосмысленным то, что демократические преобразования проводились там с активным участием консерваторов. За ХДС/ХСС закрепилось название "буржуазные" партии, партии "монополистического капитала", "реваншистские" и т.д.¹¹ Идеологический, классовый переход не позволял уяснить их действительную природу и политику. Между тем, их руководство всегда подчеркивало, что ХДС/ХСС – "новые партии", и поэтому не несут ответственности за приход к власти Гитлера. Аналогичны высказывания некоторых историков¹². Вместе с тем, ХДС и ХСС возникли не на пустом месте. Связи с буржуазными партиями веймарской республики очевидны, в первую очередь, с католической Партией центра, Немецкой народной партией, и тем не менее, это были действительно новые партии, расставшиеся с наследием предшественниц. Многие называют эти партии "народными". Что стоит за этим названием и насколько оно соответствует действительному положению этих партий в начале их деятельности?

ХДС с самого начала стремилась опираться на различные социальные слои. В расширении влияния и укрепления доверия к ней сыграло роль то, что партия формировалась на межконфессиональной основе, объединив вместе католиков и протестантов¹³. Церковь становилась фактором демократического развития, а христианство противостояло коммунистической идеологии, атеизму и материализму. Но было бы неверно считать ХДС/ХСС сугубо "христианскими" партиями. В них вступали предприниматели, служащие, рабочие, бывшие военные, молодые и пожилые. Рост числа сторонников достигался не посредством популизма и демагогии, а конкретной социальной политикой, что в первые послевоенные годы было весьма важным. Антимонополистические положения Кельнских тезисов (1945 г.), Аленской программы

(1947 г.) были, конечно "пропагандистскими", но утвердившаяся модель "социального рыночного хозяйства", особенно в первое десятилетие, позволила решить многие социальные проблемы, что укрепило демократическое государство в ФРГ.

На всем протяжении своей истории ХДС/ХСС относились к краху нацистской Германии противоречиво, достаточно сослаться на мемуары Ф.-Й. Штрауса¹⁴. Назвать ХДС/ХСС в полном смысле антифашистскими, значит игнорировать их отличие от левых партий. Христианские партии в большей степени учитывали те сложные и противоречивые чувства и настроения, которые присутствовали в немецком обществе после второй мировой войны. Признавая необходимость денацификации, они стремились избежать раскола. Дискуссии о нацистском прошлом были отодвинуты во времени.

У. Черчилль был прав, когда называл Аденауэра "самым умным германским государственным деятелем со времен Бисмарка". Аденауэр как политик, проживший долгую жизнь, имел возможность сопоставить и сравнить различные формы государственного и политического устройства, через которые прошла Германия с конца XIX века. В годы нацистского режима он находился в "пассивной оппозиции", был арестован в связи с покушением на Гитлера 20 июля 1944 г. При освобождении Кельна, американские власти назначили Аденауэра вновь бургомистром, но через несколько месяцев, когда город отошел к английской зоне, он был смещен. Он принял деятельное участие в создании ХДС и сумел отогнать от руководства радикально настроенных политиков, взгляды которых мало в чем расходились с социал-демократами. Консерватор по убеждениям, человек строгих взглядов и сторонник порядка, Аденауэр был тем не менее демократом. В своих воспоминаниях он писал, что демократия должна иметь не только парламентско-представительные формы, но самое главное - она должна стать "желательной для большинства граждан"¹⁵.

Аденауэр резко отрицательно относился к идеям Шумахера о "единой демократической Германии". В. Брандт упрекал Аденауэра за стремление реставрировать старые порядки¹⁶, хотя это было невозможно. Экономическое возрождение Западной Германии связано с именем Л. Эрхарда, сторонника свободной либеральной рыночной экономики, которая способствовала закреплению демократических институтов власти. Выдвигнувшийся после войны в число активных руководителей ХДС, он был твердо уверен в необходимости отделения экономики от политических пристрастий. Проводимая денацификация, по его мнению, не должна была стать кампанией по устранению профессионалов и специалистов. "Правильно понятий либерализм, - писал Эрхард летом 1947 г., - враг любой духовной тирании, всегда преследующий политический террор"¹⁷.

Аденауэр, быть может не разбиравшийся во всех аспектах социального рыночного хозяйства, в понимании роли государства был близок к либеральным воззрениям. По его глубокому убеждению демократическое государство тем отличается от тоталитарного, что оно никогда

не будет стоять над индивидом, ограничивать его свободу и личную инициативу, а граждане должны уважать закон, причём даже в большей степени, чем само государство. Он решительно выступил за федеративное устройство, полагая, что оно в большей степени отвечает парламентской демократии. Он даже не хотел видеть столицей ФРГ Берлин, считая, что "тот, кто делает Берлин новой столицей, тот vastaanит дух старой Пруссии".

Политическая система ФРГ, в становлении которой значительный вклад принадлежит христианским демократам, оказалась устойчивой. С 1949 г. до наших дней парламентская демократия практически ни разу не оказывалась в состоянии политического кризиса, несмотря на объединение страны и увеличение числа партий в бундестаге. Этот опыт Германии должен быть осмыслен в России, если ее демократическая общественность желает подлинного возрождения своей страны.

¹ См. Янов А. Веймарская Россия. Главы из книги // Нева. № 3. 1994. С. 210-262.

² См.: Буалок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. 1-2. Смоленск. 1994.

³ Тегеран-Ялта-Потсдам. Сборник документов. М. 1971. С. 386-387.

⁴ Белецкий В. Н. За столом переговоров. Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах. М. 1979; Кыпин Г. П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР и его союзников. в 1941-1943 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 91-113; Егоров же. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944-1945 гг. // Новая и новейшая история 1995. № 4. С. 105-132.

⁵ См.: Адамо Г. ХДС/ХСС. Сущность и политика. М. 1979. С. 8-9, 78-79.

⁶ См.: Тегеран-Ялта-Потсдам. С. 218-219.

⁷ Allemann F. R. Bonn ist nicht Weimar. Köln. 1956.

⁸ Recker M.-L. "Bonn ist nicht Weimar." Zu Struktur und Charakter des politischen Systems der Bundesrepublik in der Ära Adenauer // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Stuttgart. 1993. № 5. S. 287-307.

⁹ Артемьев В. А. Германия в период исторических решений: становление политической системы ФРГ в 1945-1949 гг. // Нестор. Историко-культурные исследования. Альманах. Выпуск 3 : История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж. 1994. С. 192-206; Урысь Ю. П. Механизм государственной власти ФРГ. М., 1988. С. 10-12.

¹⁰ Борозинский А. И. Германская социал-демократия в 1945 г. // Российские историки-германисты: кто они, над чем работают? Бюллетень 2. М., 1994. С. 67-69.

¹¹ См.: Pfeifer W. Deutschlandpolitische Optionen. Forschungsberichte der Sowjetunion. Melle. 1987.

¹² Biefang A. Die Wiederentstehung politischer Parteien in Deutschland 1945 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1995. № 18-19. S. 34-46.

¹³ См.: Соколовский С. Л. Социальная тактика ХДС/ХСС в Западной Германии в 1945-1949 гг. // Ежегодник германской истории. 1975. М., 1976. С. 58-79; Егоров же. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983. С. 165-166.

¹⁴ Штраус Ф.-Й. Воспоминания. М., 1991.

¹⁵ Adenauer K. Erinnerungen. 1945-1953. Bd. I. Stuttgart. 1965. S. 47.

¹⁶ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 42.

¹⁷ Эрхард Л. Пол века размышлений: Речи и статьи. М. 1993. С. 31, 76.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ "УРОК НЕМЕЦКОГО" И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Урок немецкого – выражение, которое вошло в политическое употребление в связи с проблемами извлечения уроков из истории Германии и преодоления ее тоталитарного прошлого¹.

Сегодня "урок немецкого" – это прежде всего исторический путь немецкого народа, проживавшего в западной части страны, пережившего за послевоенные десятилетия подлинное политическое, хозяйственное, культурное, нравственное преображение. Это путь народа, расставшегося с милитаристско-националистическим грузом прошлого и ставшего органической частью сообщества демократических наций. Путь этот не может не быть поучительным и для современной России, прошедшей длительный период тоталитарно-коммунистического господства и мучительно ищущей способы демократического обновления.

При всех различиях исторических судеб Германии и России пути преодоления ими тоталитаризма и его наследия вполне сопоставимы друг с другом.

Преодоление национал-социализма в Германии стало возможным в результате его военного крушения, безоговорочной капитуляции и оккупации страны государствами антигитлеровской коалиции. Немецкий народ заплатил за войну страшную цену: миллионы убитых и искалеченных, руины городов, мертвая промышленность, голод, миграция масс населения. Морально-политический шок, идейно-политический хаос охватил сознание большинства немцев, к которым соседи относились с недоверием и озлоблением. Это был действительно "час ноль", с которого в истории Германии должен был начаться новый отсчет времени.

Совсем иначе проходило крушение советской тоталитарно-коммунистической системы. Утратив в результате "оттепели" середины 50-х годов террористические черты, она вплоть до 80-х гг. сохраняла механизмы тоталитарного господства. Ввиду слабости демократических сил процесс преодоления советской системы начался как "революция сверху", пошел по пути придания обществу демократических черт под руководством реформистски настроенной части аппарата и номен-

клатуры во главе с М.С. Горбачевым. Однако этот процесс, в который в возрастающей мере включились демократические силы, приобретал иные направленность и характер. Первоначально (весна 1985 г. – конец 1988 г.) в рамках концепции "перестройки" были прекращены политические преследования, введена гласность. Но это не поколебало основ режима.

В последующем (начало 1989 г. – осень 1990 г.) демократически настроенные депутаты избранного весной 1989 г. нового советского парламента создали Межрегиональную депутатскую группу, ставшую зародышем организованной политической оппозиции. Фактически явочным порядком были взяты права на митинги, демонстрации, забастовки. Позиции демократии укрепились после парламентских выборов 1990 г. в ряде республик Прибалтики, Закавказья и особенно в Российской Федерации. Нараставшее противостояние полярных сил приобрело драматический характер зимой 1990-1991 гг., когда противники демократии начали прибегать к вооруженному насилию (события в Вильнюсе и др.). Кульминацией стали августовские события 1991 г. – путч протототалитарных сил и его провал. Последствием было запрещение дискредитированной КПСС – основы тоталитарно-коммунистического режима. Вскоре последовал распад СССР. Однако падение жизненного уровня населения, негативные экономические и социальные последствия в известной мере компенсировались надеждами на быстрое утверждение демократии и эффективную реализацию экономических преобразований.

В Западной Германии оккупационные власти, проводя в жизнь Potsdamские соглашения, взяли под свой контроль все сферы жизни. Были распущены вермахт и другие военные структуры, разрушен военно-промышленный комплекс. Денацификация, через которую прошли миллионы немцев, отделила пассивных приверженцев нацизма от преступников, судебные процессы над которыми не только осудили их деятельность, но и объявили преступными организациями нацистскую партию, СА, СС, гестапо. В Западной Германии складывался политический и моральный климат, исключавший открытую пропаганду националистических и милитаристских идей. Последовавший вскоре хозяйственный подъем и создание в 1949 г. демократического государства определили благоприятные условия для утверждения демократии.

Однако эти радикальные меры не дали бы эффекта без больших усилий со стороны самого немецкого народа. Поднятый по инициативе антифашистской интеллигенции "вопрос о вине" (именно так назвал свою книгу, вышедшую в 1946 г., выдающийся немецкий философ Карл Ясперс) стимулировал процесс переосмысления прошлой истории Германии, начало осознания немцами своей доли ответственности за деяния и преступления нацизма, в том числе и моральной вины каждого немца. Это стремление стало постепенно определять духовную атмосферу общества. В результате в немецком сознании произошли огромные перемены. Появился иммунитет против милитаризма. Хотя в условиях "холодной войны" началось создание бундес-

вера, он был сразу поставлен под контроль западных демократических государств в рамках НАТО.

Кардинальное преодоление прошлого органично включало в себя отказ от мифов об "избранности" немецкой нации, о ее особой "исторической миссии", о "расовом превосходстве", традиционном питавших идеологию и практику национализма, шовинизма, расизма.

Важнейшей частью идейно-политического и духовного возрождения нации стал отказ от идеологии насилия, создавший атмосферу неприятия тоталитаризма в любом его виде и приверженность западных немцев к свободе – индивидуальной и общественной. С годами сформировалась новая политическая культура, в основу которой лег западный принцип компромисса.

Большую роль в обновлении западногерманского общества сыграла демократическая интеллигенция; она не только активно участвовала в переосмыслении прошлого, но и своим критическим отношением к методам и темпам его преодоления содействовала углублению данного процесса. Необходимо отдать должное усилиям национальных лидеров – Т. Хейса, К. Аденауэра, К. Шумахера, Л. Эрхарда, В. Бранда, которые, принадлежа к различным политическим партиям, играли интегрирующую роль и сделали многое не только для демократического обновления нации, но и для ее примирения с бывшими противниками на Западе и Востоке Европы, для превращения ФРГ в авторитетного члена мирового демократического сообщества. Демократический потенциал ФРГ в соединении с ее большими экономическими возможностями позволили ей в сравнительно короткие сроки вобрать в себя в прошлом тоталитарно-коммунистическую ГДР и осуществлять ее демократическое обновление.

Удалось ли России учесть этот "урок немецкого"?

Вопреки ожиданиям, августовские события 1991 г. не привели к установлению власти демократов. Это явилось следствием того, что победа над путчистами была обеспечена действиями не только защитников Белого дома, но и реформистской части номенклатуры. Б. Ельцин создал союз этих сил, однако отверг идею радикальной чистки всей прежней системы. Это уменьшило риск анархии и межнациональной резни, но не уберегло от иных опасностей. Было фактически исключено быстрое преодоление всего наследия тоталитаризма. Была упущена возможность создать Учредительное собрание, очистить систему управления от аппаратчиков бывшей КПСС и вовлечь во властные структуры людей более честных, более компетентных. Наивные иллюзии о всеобщей свободе печати не привели к запрещению тоталитарно-коммунистической и фашистской пропаганды. Не были осуждены преступления (и преступники), не была осуществлена политическая и моральная дискредитация тоталитарно-коммунистического режима.

Такое развитие позволило протототалитарным силам вскоре реорганизоваться и встать на путь противодействия президентскому курсу реформ. Сентябрьско-октябрьский кризис 1993 г. завершился ликвида-

цией важнейшего наследия тоталитарного прошлого – системы Советов и принятием новой конституции, открывающей возможности создания демократического государства и общества.

Однако на данном пути Россия встречается с все новыми сложностями, ставящими под сомнение необратимость ее движения к демократии. В основе этого – непоследовательность в преодолении как тоталитарно-коммунистического, так и более отдаленного прошлого. Прежде всего не удалось создать тесно связанную с народом демократическую власть, она остается и ныне в основном в руках бывшей номенклатуры, пораженной своекорыстием и коррупцией. Эта власть оказалась неспособной оздоровить экономику, поднять жизненный уровень и обеспечить эффективную социальную защиту населения, не сумела обеспечить себе прочную социально-экономическую базу.

Трудно преодолевается наследие общественно-политического сознания, для которого ценности демократии и свободы менее важны, чем туманные идеи равенства и социальной справедливости. Отсутствие глубоких демократических традиций и низкая политическая культура проявляются также в конфронтационности политического мышления и поведения. Остаются живучими имперские и великодержавные настроения, на которые все более наслаиваются ксенофобия и этнофобия.

Трудности посттоталитарного периода усилили также духовную и нравственную деградацию общества, в котором фактически не оказалось сил – ни среди политиков, ни в среде интеллектуальной элиты и церкви, – способных возглавить его возрождение.

Такое развитие таит реальную опасность наступления исторической реставрации, которая вряд ли станет построением тоталитарного коммунизма, но может принять коммунистический, национал-державный, популистско-фашизоидный или иной облик, либо создать вариант, соединяющий в себе все это в различных сочетаниях.

Ныне можно говорить и об "уроке русского". Из-за нежелания и неумения извлекать исторические уроки России грозят новые испытания, а возможно, и катастрофы.

¹ См.: Млечина И. Уроки немецкого. XX век. М., 1994.

ТЕОРИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА В СВЕТЕ СОБЫТИЙ 1989 г.

С 1989 г. возобновились ожесточенные дискуссии о понятии "тоталитаризм". Спор этот вызван скорее политическими, чем научными причинами.

В странах бывшего Восточного блока после банкротства коммунизма был поставлен вопрос о типологической классификации сталинской диктатуры, ее сравнимости с другими диктатурами. Следует отметить, что в Германии значительная часть социологов отклоняет это сравнение¹. Вместо понятия "тоталитаризм" зачастую употребляется понятие "современная диктатура". Но при внимательном анализе становится очевидным, что исследования тоталитаризма и сравнение диктатур не так уж расходятся между собой в своих целях, в постановке вопросов, методах изучения. Принимаются во внимание изменения, происходящие внутри исследуемых диктатур и, одновременно, в поле зрения находятся различные формы диктаторского господства XX века.

Абстрактные дискуссии о понятиях и дефинициях бесплодны, намного важнее конкретные сравнения различных тоталитарных режимов, сопоставления их структурных элементов, практики их властвования. При этом ожидается, что из стран Восточной Европы будут исходить все более настоятельные запросы развернуть дебаты по данному вопросу. Немало теоретиков считает, что дискуссия по вопросам тоталитаризма дала бы России шанс снова вернуться в "цивилизованное общество"². Большевики превратили марксизм в религию и попытались создать для претворения в жизнь своих целей человека нового типа, так называемого "homo sovieticus".

Одновременно возник новый и доселе неизвестный тип социальной структуры, в которой были противопоставлены привилегированная номенклатура и содержащиеся в "полукрепостном праве" массы населения. Данной системе были присущи определенные черты модернизации: быстрый рост численности городского населения, доступ широких масс к образованию, индустриализация, значительное число ученых и гигантская военная промышленность³. Именно в последнем зве-

не возник Молах, пожирающий ресурсы страны и внесший свой вклад в упадок системы.

Другие русские ученые отвергают отождествление национал-социализма и советского коммунизма⁴. Нередко полемика направлена против такого отождествления, которого в серьезных работах нет. При этом вся ответственность за обе рассматриваемые диктаторские системы приписывается их вождям. Так коммунизм превратился в сталинизм, а национал-социализм в гитлеризм.

Для понимания кажется полезным сравнение секретных служб в "третьем рейхе", Советском Союзе и других соцстранах, например, в ГДР. Этим сравнением нельзя пренебречь, так как эти секретные службы были элементами, гарантирующими стабильность власти.

Национал-социализм в Германии вырос при широкой поддержке народных масс, а "реальный социализм" в ГДР, напротив, был навязан оккупационной властью. Гестапо и служба безопасности рейхсфюрера СС были продуктами германской диктатуры, тогда как министерство госбезопасности ГДР (штази) возникло под влиянием советской секретной службы, переняло ее практический опыт, сотрудничало с ней и получало инструкции и советы от "большого брата". Тем не менее, черты сходства нацистской секретной службы и тайной полиции ГДР состоят в том, что они были неизвестны для осуществления диктатуры посредством запугивания, террора, преследования действительных или мнимых противников. Обе немецкие диктатуры делали невозможным открытое выражение общественного мнения через свободную прессу, демократические выборы.

Примечательным для обеих политических систем было и то, что господствующая партия и секретные службы сливались в них воедино. В национал-социалистической Германии СС и главное управление имперской безопасности укрепляли свои позиции в противовес национал-социалистической партии Германии. Но министерство госбезопасности ГДР при всей его власти, не было государством в государстве, а, находясь вне контроля со стороны парламента, служило только руководству СЕПГ. Оно осталось, по собственной оценке, "мечом и щитом партии". По сравнению с гестапо министерство госбезопасности было гораздо более бюрократизированным. Общим у этих двух секретных служб было то, что они были связаны с пограничными и таможенными, а также то, что в их распоряжении находились вооруженные формирования и тюрьмы.

При ведущей роли СЕПГ в ГДР наблюдалось тесное сотрудничество между секретной службой и органами юстиции. Так, министерство безопасности выполняло обязанности следственных органов в политических делах, оно контролировало прокуратуры и процесс вынесения политических приговоров.

Впрочем, вердикты были несравненно мягче приговоров империи Адольфа Гитлера. Целью штази было не физическое уничтожение, а разрушение так называемых групп, деморализация их членов, чтобы впоследствии реинтегрировать их в общество на более низком уровне

(часто при условии работать доносчиком) или с целью выдворить их из страны на Запад. Национал-социалистическая тайная полиция преследовала обычно врагов системы, в то время как министерство госбезопасности ГДР боролось с оппозицией, которая требовала реформы системы, а нередко с мнимыми противниками. Сравнение численности сотрудников, состава агентуры и лиц, находившихся под надзором обеих служб представляют интерес.

Так, в 1933 г. гестапо располагало 200-300 сотрудниками центрального управления полиции, в апреле 1934 г. – 680, а в 1942 г. – 1100 (по другим данным – 3400). СД насчитывал в 1937 г. 3000 сотрудников главного управления, 50 000 информаторов из населения, составлявшего в то время 66 млн человек⁵. В ГДР численность шпиков в 1989 г. достигла 173 000 неофициальных членов и 89 985 сотрудников центрального управления при населении 17 млн человек⁶. Гестапо в своей картотеке имело на 1 января 1939 г. 1 950 558 личных карточек и вело 641 497 дел. Картотека министерства безопасности ГДР охватывала в 1989 г. примерно 6 млн человек (среди них 2 млн западных немцев), велось 2000 дел⁷.

Однако рано делать далеко идущие выводы при сравнении секретных спецслужб в обеих немецких диктатурах. Важнее то, что, как от аппарата гестапо, так и от службы безопасности исходил страх. Этот страх соединялся порой с неуверенностью или, по меньшей мере, с презрением и антипатией по отношению к госбезопасности. Вопрос о последствиях воспитанного у населения страха имеет важное значение и при анализе деятельности секретных спецслужб СССР.

Поскольку, однако, вскрываются черты сходства, деятельность секретных спецслужб образует широкое поле для дальнейших исследований. Но уже сейчас достаточно данных, чтобы сделать вывод о том, что без секретных служб не может существовать ни тоталитарное государство, ни “современная” диктатура.

¹ Fritze L. Totalitarismus und Modernitätskritik. /Anmerkungen zu einer Konferenz des Hamburger Instituts für Sozialforschung. Bulletin 15. 1994. S. 60.

² Orlov B. Die Lehren des sowjetischen Totalitarismus // Diktatur und Emanzipation: Zur russischen und deutschen Entwicklung 1917-1991. Hrsg. Bernd Faulenbach, Martin Stadelmaier. Essen. 1993. S.77.

³ Ibid. S.81.

⁴ Mercalowa L. Stalinismus und Hitlerismus. Versuch einer vergleichenden Analyse. // Ibid. S. 96-110.

⁵ Wulf J. Die SS. S. 123. Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Bindlach. 1990. S. 580.

⁶ Worst A. Das Ende eines Geheimdienstes, oder: Wie lebendig ist die Stasi? Berlin. 1991. S.11,16; Müller-Enbergs IM-Statistik 1985-1989. Berlin. 1993.

⁷ Tuchel J. Schattenfroh R. Zentrale des Terrors. Prinz-Albrecht-Str. 8: Hauptquartier der Gestapo. Berlin. 1987. S. 126.

О ПРОДУКТИВНОСТИ ТЕРМИНА “ТОТАЛИТАРИЗМ”

В последнее время в нашей публицистике и в исторических исследованиях стали широко пользоваться термином “тоталитаризм” для характеристики советского и фашистского строя и для их сравнения.

Сам термин и указанная тенденция, как известно, возникли на Западе еще в 20-е годы и сразу стали использоваться в политических целях для идентификации советского строя и фашизма. В годы “холодной войны” термин стал вновь разрабатываться на разных уровнях. Английский социолог К. Поппер, и немецкий философ Х. Арендт, анализируя причины и сущность тоталитаризма как явления, усматривали его идейные истоки в философии Платона, Гегеля, Маркса¹. А.Ф. Хайек, как и К. Поппер, саму идею плановости хозяйства считает признаком тоталитаризма².

Известные американские политологи З. Бжезинский и К. Фридрих³, некоторые их последователи анализируют реальные явления тоталитаризма в СССР и в гитлеровской Германии, не задаваясь вопросом истоков и формулируют признаки тоталитаризма, число которых варьируется. При этом несходство игнорируется, а советский социализм и фашизм идентифицированы⁴.

В современной литературе имеется путаница в соотношении терминов “тоталитарное государство” и “тоталитарное общество”, а харизматический лидер объявляется одним из составных элементов тоталитарного общества.

При всем различии позиций авторов, можно, однако, указать два признака тоталитарного государства, которые выделяются всеми:

а) вмешательство государства во все сферы общественной жизни, вплоть до личной;

б) способность режима создать себе массовую поддержку во имя “тотальной” цели, имеющей общенациональное значение. Все остальные признаки оказываются присущими и другим государствам в разные эпохи.

Признав эти два признака определяющими, надо решить, обязательно ли рассматривать их как присущие только фашизму или социа-

лизму, а также можно ли с помощью этих признаков объяснить их? Разве первый признак нельзя с полным правом отнести к США времен маккартизма? Но этого никто не делает. Всякое государство в той или иной степени стремится к усилению своего влияния и созданию национальной идеи, особенно в переломные или опасные для страны эпохи. Также и второй признак не относится только к СССР или фашистской Германии.

Обратясь к истории, мы можем увидеть, что тоталитарные или близкие к ним режимы существовали на древнем и средневековом Востоке, в ряде случаев они существуют там и сегодня, в определенные моменты они существовали и в Европе, например, бонапартизм. Хотя термин тоталитаризм появился в XX в., но явление существовало всегда, во все периоды истории и в различных странах?

Эти вопросы поднимаются в дискуссии по тоталитаризму недавно опубликованной в журнале "Полис": многие приходят к выводу о нетождественности тоталитаризма и социализма, тоталитаризма и фашизма и по крайней мере говорят о двух тоталитаризмах⁴. Те политологи и историки, которые, рассуждая о степени личной свободы и неслободы, полагают, что, назвав фашизм и социализм тоталитаризмом, действительно охарактеризовали их, исследуют лишь форму, не желая рассматривать сущность и различия в содержании?

Гораздо более историчным походом будет выявление причин установления тоталитарных режимов, о чем задумываются некоторые исследователи. На наш взгляд, следует также анализировать цели государства, те идеи, на основе которых оно может сплотить на определенный период весь или большинство народа. Почему и при каких условиях общество воспринимает такую идею как общенациональную?

Признавая правомерной и интересной саму идею рассматривать общественные режимы, применяя понятие "тоталитаризм", следует определить, что именно проясняет этот термин. Можно ли с его помощью глубже осмыслить "реальный социализм" и фашизм, можно ли возложить на марксизм, как течение общественной мысли, ответственность за сталинский террор?

Если бы фашизм и советский социализм были одинаково опасны, то вряд ли западные державы заключили бы во Второй мировой войне союз с СССР. Дело вовсе не в геополитических интересах и не в том, что политика Гитлера не оставляла другой возможности. Но Атлантическая хартия, провозглашенная Англией и США, могла быть реализована в союзе с СССР, но никак не с фашистской Германией.

Цели, на основе которых государство пыталось сплотить общество, были в СССР и фашистской Германии различными. Можно возмущаться сталинским террором, но советское государство никогда не открывало народу перспективу лучшего будущего за счет других народов. А национал-социалистская доктрина провозглашала именно эту перспективу. Советский народ сплачивался на основе идеи революционного обновления общества, направленной прежде всего на индустриализацию и культурно-хозяйственное строительство. Расчеты

на мировую революцию (приобретение впоследствии исключительно пропагандистский характер) не имели ничего общего с экспансией, агрессией и стремлением превратить целые народы в рабов ради благополучия советского народа.

Одной из причин фашизма и тоталитаризма Х. Арендт (и с ней согласны другие исследователи) считала такой распад общества, когда атомизированные, не находящие своего места люди объединяются тоталитарной идеей. Для Германии с массой безработных, разорившихся мелких буржуа, потерявших национальную опору, это было действительно так. А в России тоталитарное государство возникло на основе революционной победы трудящихся (причем вовсе не сразу, как об этом принято говорить). Экономическая база государства была ориентирована именно на эти трудящиеся массы, а представители атомизированных (по выражению Арендт), побежденных в ходе революции классов и слоев либо стремились приспособиться, к системе, а иногда и прямо войти в государственный аппарат, либо оставались нейтральными, а то и враждебным меньшинством. Ни о какой атомизации, на наш взгляд, здесь не могло быть речи.

Необходимость модернизации в Германии была намного меньше, чем в России. Главной причиной победы фашистов в Германии было ущемленное национальное чувство вследствие Версальского мира, на чем и сыграли гитлеровцы, а также истощение в ходе войны жизненно важных ресурсов и потеря экономически важных районов. Это резко обострило социальные противоречия и бросило в объятия национал-социалистской демагогии безработных, значительную часть мелкой буржуазии, крестьян и некоторую часть рабочих.

В СССР необходимая модернизация выглядела грандиознее в экономическом плане, а в плане социально-культурном задачи казались невыполнимыми. Неграмотной России надо было дать образование (перед второй мировой войной все дети получали семилетнее образование – такого не знали ни Европа, ни Америка). Огромные средства шли на массовый отдых трудящихся, включая путевки в санатории и дома отдыха (и этого не было нигде в Европе). Были организованы система государственного здравоохранения с бесплатным лечением, система государственного страхования.

Надо также иметь в виду огромные пространства СССР и разнообразие географических и национальных условий. Советский социализм строился не за счет захвата чужих территорий, практически без чужой помощи, в условиях конфронтации с Западом. В современных публикациях на это не обращают внимания, зато ищут причины тоталитаризма в исторической традиции России и ее массового сознания, в том, что Россия не испытала влияния Реформации, предшествовавшей на Западе индустриализации.

В действительности эти обстоятельства, наложенные на традиции и революционный энтузиазм, способствовали созданию жестко централизованного режима, способного обеспечить быстрое выполнение поставленных задач. Однако он, хотя и не сразу, а постепенно, пре-

вращался в тоталитарный. Западные социал-демократические идеологи не раз указывали, что если бы Запад проявил больше понимания или хотя бы нейтралитета по отношению к СССР, то возможности демократии здесь были бы гораздо шире¹. То, что этого не произошло, во многом способствовало неограниченному влиянию государства и преступлениям сталинского террора.

Как видим, тоталитаризм в фашистской Германии и Советской России ставил себе разные цели, имел разные причины и разные сферы воздействия. Но сплотить общество на базе одной идеи можно только в экстремальных условиях и ненадолго. Как нельзя долго держать народ в узде.

В постсталинское время наш тоталитарный режим уже не был столь тоталитарным, как в 30-е годы. Но бюрократия, не будучи идейной и способной сплотить людей на идее, не желала расставаться с теплыми местами и, используя свою власть, по инерции продолжала эксплуатировать старую идею.

Вместе с тем уровень образованности был в 60-е годы не сравнимым не только с послереволюционным, но и с довоенным. Потребности резко возросли, а экономика не могла их вполне обеспечить. Это оказалось, как мне представляется, главной причиной кризиса и взрыва прежнего режима. В новых условиях проявилась недостаточность демократии и с точки зрения жителей России, и с точки зрения населения национальных районов СССР, где сильно вырос культурно-экономический потенциал. И впервые в истории, хотя и запоздало, власть имущие сами отдали власть. Режим начал самореформироваться, но распался под воздействием прежде всего внутренних сил.

В Германии же фашизм, навлекший беду своими завоеваниями и жертвами, был насильственно уничтожен, прежде всего извне. И здесь видны различия между двумя диктатурами.

Германия долго выходила из состояния развала, отмечались рецидивы милитаризма и фашистских настроений. Но постепенно было создано сравнительно стабильное общество. Это, однако, не значит, что урок истории усвоен в Германии полностью. Ностальгия по гитлеризму распространена и в научных изданиях, фашистские и шовинистические тенденции в сегодняшней демократической Германии довольно сильны, хотя и не поощряются официально.

К сожалению, фашистские тенденции получили развитие и в нынешней России, что позорно для страны, победившей фашизм и более всего от него пострадавшей.

Но, как не раз убеждала нас история и современная действительность, демократия вовсе не спасает ни от социальных контрастов, ни от фашизма, ни от плохих и продажных правительств.

Часто говорят, что тоталитаризм мешает формированию гражданского общества и противодействует ему. Но вряд ли когда-нибудь и где-нибудь был больший подъем гражданского самосознания, чем у нас в условиях сталинского (по всем меркам – тоталитарного) режима в годы Великой Отечественной войны.

Подводя итоги, еще раз скажем, что с точки зрения исторического подхода понятие “тоталитаризм” не проясняет сущности исследуемого общества. Констатация тоталитарного характера государства требует выяснения причин этого явления и его сути. Понятие “тоталитаризм” не способно объяснить ни советский социализм, ни германский фашизм.

¹ Ponnep K. Открытое общество и его враги. Т.1, 2. М., 1992; Arendt H. The origins of Totalitarianism. N.Y., 1951.

² Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 124-125.

³ Friedrich C.F., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge. 1956.

⁴ См.: Рассоха И.Н. Тезисы о тоталитаризме // Полис. 1995. № 2. С. 151. Ф. Хайек заявляет, что сам социализм ведет к тоталитаризму. Ук. соч. С. 117, 120-121, 129.

⁵ Известный советский византиновед А. Каздан, ныне проживающий в США, в опубликованной недавно автобиографической статье называет Византию “Тысячелетней лабораторией тоталитарного опыта”, примером “уникального европейского тоталитаризма”. Каздан А.П. Трудный путь в Византию // Одиссей. 1992. С. 35; Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. 1995. № 2. С. 9.

⁶ См.: Милли П. Что такое фашизм? // Полис. 1995. № 2; Галкин А.А. Ук. соч. О невозможности идентифицировать социализм и фашизм с помощью термина “тоталитаризм” см. Агеев Л.С. Гитлеризм, сталинизм, тоталитаризм: реальность и понятия // Полис. 1995. № 3; Дробкин Я.С. Тоталитаризм = фашизм+коммунизм? К продолжению дискуссии // Политическая история на пороге XX века: традиции и новации. М., 1995.

⁷ См.: Блосфельд Е.Г. К дискуссии о тоталитаризме, социализме и марксизме как факторах исторического познания // Историческая мысль в современную эпоху. Тезисы докладов межвузовских исторических чтений, посвященных памяти проф. В.А. Козюченко. Волгоград. 1994. С.16.

⁸ См.: Laski H.J. Reflections on the Revolution of Our Time. L., 1943. P. 77; Laski H.J. Liberty in the Modern State. L. 1948. P. 44; Cole G.D.H. Fabian Socialism. L., 1943. P. 11.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОТАЛИТАРИЗМА

Взаимосвязь между формированием тоталитарных режимов и войнами не относится к числу наиболее спорных проблем тоталитаризма. Хотя вообще тоталитаризм принадлежит к числу понятий и теорий, обреченных на противоречивое и дискуссионное толкование. Об этом свидетельствуют многолетние дебаты в мировых социальных и гуманитарных науках. В России об этом свидетельствует тот факт, что в последние годы тоталитарные замыслы приписывают друг другу представители политических сил, стоящих на полярных позициях.

Природа внутренней дискуссионности понятия кроется в несоответствии семантических средств (терминов) тем реальным явлениям, которые они призваны обозначить. В соответствии с латинским корнем "toto" и итальянскими словами "totale", "totalita", производным от которых стал термин "тоталитаризм", он призван обозначить нечто целое, единообразное и законченное. В приложении к обществу — некие единые и всеохватные нормы жизнедеятельности, одинаковость мышления, а также повседневного гражданского и группового поведения.

Но таких обществ история не знала и не знает. Другое дело — попытки отдельных организаций и вождей, особенно находящихся у власти, насадить в обществе такое политическое, идеологическое, поведенческое, духовное единообразие, которое позволяло бы им по своему усмотрению манипулировать индивидами и народами при сохранении (по крайней мере внешнем) социальной стабильности. Здесь мы с полным правом можем говорить о тоталитарных идеях, идеологиях движениях, организациях, режимах и государствах. Они стремятся подчинить единой (своей) воле всю нацию, весь народ. Они во многом преуспевают, но никогда не полностью, ибо общественные противоречия (а, следовательно, и общественная гетерогенность) непреодолимы. Если хотите — по природе нынешнего земного "homo sapiens".

По этой же причине после многовековых споров не выработано общее и точное толкование понятия, которое в политической науке является антиподом тоталитаризма — понятия "демократия". Семантиче-

ски демократия — это власть народа; однако где и когда в истории, в какой стране наблюдалось действительное народовластие, не деформированное острым социальным неравенством, экономическим монополизмом, политическими амбициями лидеров и пассивностью граждан, коррумпированностью властей? Как тоталитарное государство представляет собой некое приближение к всеохватному контролю общества стоящей у власти политической группировки, так и демократическое государство отличается лишь большей степенью реализации возможностей населения участвовать в процессе принятия политических решений.

При этом с теоретической точки зрения противоречия между тоталитаризмом и демократией достаточно условны — ведь если все общество не только превращается в действительно единообразное, единомыслящее общежитие индивидов, но и получает реальную возможность выражать свою волю через управляемые им политические институты, то оно становится одновременно и тоталитарным и демократическим. Дж. Тэлмон еще тридцать лет назад, изучая философию утопистов-радикалов Великой Французской революции (прежде всего Бабефа), ввел термин "тоталитарная демократия", относящийся к индоктринированному и послушному воле лидеров большинству народа.

Его поддержал, в частности, известный немецкий политолог и историк Карл Брахер. "Тоталитарная демократия" отличается от либеральной и плюралистической демократии тем, что не предоставляет возможностей для выражения мнения и воли меньшинства. Однако, если представить общество, лишенное политических меньшинств, разногласий и противоречий, его, вероятно, можно будет назвать тоталитарным и демократическим одновременно. С этой точки зрения одна из ключевых нравственно-этических проблем XXI века будет заключаться в предотвращении массовой обработки сознания психотропными средствами, способными превратить людей в настоящую покорную массу исполнителей воли власть имущих, что просто некому будет объяснить им, насколько далеко подобное общество отстоит от подлинной демократии.

Понимание условности понятий "тоталитаризм" и "демократия" необходимо для того, чтобы с должным вниманием отнестись к проблеме выявления разной степени приближения идеологий, режимов, государств к эталону тоталитарности. При этом важно понимать, что ключевой признак тоталитаризма — не однопартийная система, не единовластный лидер, не массовый террор. Все это важные средства формирования тоталитарной системы, одновременно выступающие и как его сущностные черты, но они, тем более взятые по отдельности, обнаруживаются и в практике авторитарных, авторитарно-теократических, шовинистических и хунтистских режимов XX века. Например, однопартийные системы существовали в Испании, Мексике, ряде других стран, не относимых к разряду тоталитарных; государственный террор — на Гаити, в Чили при Пиночете, в ряде африканских стран; террор в форме геноцида определенной национальности — в Турции

в 1915–16 гг. (против армян); идеологическое единообразие – в хомейнистском Иране и в Ливии под властью Каддафи; неограниченная власть вождя – во многих государствах третьего мира.

Действительно ключевым признаком тоталитаризма является такое предельно возможное ограничение политической свободы индивидумов и общественных организаций, при котором в обществе искореняются всякая оппозиция и всякая социальная критика. Такая ситуация возможна лишь при сосредоточении в руках государства и оседлавшей его правящей группы бесконтрольной власти, опирающейся на массы, во многом индоктринированные или запуганные, что позволяет этой группе установить близкий к всеохватному контроль над обществом.

Прилагая такую трактовку системообразующего признака тоталитаризма, я не хочу отвлечь внимание исследователей от тех характеристик, которые были изложены выше. Напротив, повсюду, где партии захватывают государство, где появляются харизматические "вожди нации", где развязывается государственный террор, закладываются реальные предпосылки формирования тоталитарных режимов. Но только подавив оппозицию, свободыслие и гражданские свободы, государство становится тоталитарным.

При этом контроль государства над обществом по своему объему жесткости был неодинаковым даже в трех странах, считающихся образцово тоталитарными – фашистской Италии, нацистской Германии и сталинском Советском Союзе. И в этих странах, особенно в СССР, степень тоталитарности менялась на разных этапах истории. Но характерно, что наиболее тоталитарная власть в СССР, Германии и Италии была в периоды подготовки ко второй мировой войне и участия в ней. В Советском Союзе, где война привела не к краху существовавшей системы, а к ее укреплению, пик тоталитарного господства, каким была сталинская диктатура, оказался пройденным лишь через 8–10 лет после окончания войны.

Это побуждает поставить ряд вопросов о связи между формированием тоталитарных режимов и войной как продолжением политики военными средствами. Причинно-следственная цепь здесь очевидна. В Италии и в Германии тоталитарные движения и организации возникли как прямое следствие итогов первой мировой войны. В России, хотя предпосылки для развития левототалитарной идеологии и политики в форме разного рода мессианских доктрин и ленинской концепции партии нового типа сложились еще перед войной, главным фактором становления сталинского варианта тоталитаризма стала бесконтрольная большевистская диктатура, установившаяся в условиях небывалой экономической разрухи и жесточайшей гражданской войны – и именно благодаря этим условиям. В социальных и политических науках также давно сделан вывод, что большинство левоавторитарных и левототалитарных режимов второй половины XX в. было порождено итогами второй мировой войны.

Верно и обратное: формирование тоталитарных режимов чревато военными конфликтами. Не вызывает в принципе сомнения, что острые противоречия между крупнейшими европейскими державами, усугубленные Первой мировой войной, могли бы не принять военного характера огромных масштабов, если бы в Германии и России окрепли конституционно-демократические системы. Однако история оставила так мало шансов для этого, что установление гитлеровской и сталинской диктатур выглядит скорее закономерностью.

Из сказанного никоим образом не следует, что нужна ревизия вывода об ответственности нацистского рейха за развязывание Второй мировой войны. Сенсационные книги Суворова-Резуна, призванные возложить эту ответственность на СССР, не выдерживают проверки ни фактами, ни логикой истории. СССР, советский тоталитаризм на той стадии не хотел и не мог хотеть вовлечения в крупномасштабный военный конфликт с европейскими державами. Другое дело, что к возможности оказаться вовлеченными в военный конфликт готовились все, и обшмирная гонка вооружений, начавшаяся еще в конце прошлого века, продолжается до сих пор.

Военные приготовления в гитлеровской Германии и сталинском Советском Союзе рождают внутреннюю приверженность тоталитарных диктатур к использованию насильственных средств в решении возникающих общественных проблем. Эта приверженность не случайна в силу причинно-следственных связей тоталитаризма не только с войнами, но с общественной нестабильностью в целом, включая революционные потрясения. Приход к власти тоталитарных движений, партий, вождей обеспечивает после подавления открытой оппозиции на время стабильность в обществе. Однако она чревата нестабильностью по крайней мере по трем причинам. Во-первых, невозможно полностью социально нивелировать народ и общество, длительное время поддерживать тоталитарное единомыслие. Во-вторых, харизматические вожди не вечны, и после их ухода рухнет один из опорных столбов тоталитарных режимов. В-третьих, мессианские лозунги требуют выполнения, а это оказывается невозможным. Сталин с его доктриной национал-коммунизма в одной стране обозначил стремление ограничить свой тоталитаризм, по крайней мере в обозримом будущем, рамками СССР (хотя как политик-прагматик макиавеллиевского типа не упускал случая прихватить соседние территории). Гитлер же возвел агрессию и территориальные захваты в ранг доктринального принципа, во имя обеспечения для немецкой нации "жизненного пространства".

При всех огромных различиях в идеологии и экономических системах Германии и СССР и открыто-агрессивный, шовинистический тоталитаризм Гитлера, и скрыто-экспансионистский, интернационалистский тоталитаризм Сталина для своего сохранения, поддержания и укрепления использовали ряд одинаковых инструментальных средств. Прежде и превыше всего они нуждались в образе врага – неважно, мнимого или реального, но если реального, то обязательно гипертро-

фированного. Социальный характер коммунистической доктрины обусловил поиск классового врага как внутри Советского Союза – кулаков и буржуазных спецов, так и вовне – мировой капитализм. Шовинистический характер нацистской доктрины требовал обнаружения виновной национальности в лице евреев внутри Германии и вовне в лице мирового еврейства, сомкнувшегося с одной стороны с Коминтерном, а с другой – с капиталистической плутократией. В обоих случаях борьба с внутренним врагом требовала экстраполяции классовой и национальной исключительности за пределы СССР и Германии.

Поскольку главным средством борьбы с внутренним врагом, которую вели большевики в России и нацисты в Германии, являлось насилие, это приводило к неизбежному укреплению и расширению всех ведомств, которые мы сейчас именуем “силовыми” – армии, милиции и полиции, органов безопасности, а также вспомогательных вооруженных отрядов, формировавшихся по производственному и территориальному принципам. Укрепление аппарата принуждения функционально требовало, после нейтрализации явного “врага”, ликвидации внутрипартийной оппозиции, а также всех иных политических и общественных организаций, неподконтрольных правящему режиму. Вместе с огосударствлением профсоюзов и политизацией судебных органов, введением трудовых повинностей и ужесточением дисциплины, догматизацией воспитания, образования и культуры все названные процессы привели в СССР и Германии (в меньшей степени в Италии) к созданию климата политического и идеологического конформизма, который по своему масштабу был действительно тоталитарным – почти всеохватывающим.

Таким образом, опыт функционирования уже первых в истории тоталитарных режимов выявил высокую степень их поддержки массами. Здесь сказался кумулятивный эффект социальной демагогии и действительного улучшения жизненного уровня; социального возвышения немалых слоев населения, веры в идеологические обещания и нежелания возвращаться к этапам общественной нестабильности и национального унижения; зависти и ненависти к бывшим привилегированным группам и стремления поживиться за их счет; стремления внести свою лепту в достижение общественного блага и, наконец, страх перед репрессиями. Если до прихода Муссолини к власти в Италии, а Гитлера в Германии многие итальянцы и немцы сомневались в том, следует ли им тесно связывать свою судьбу с новыми политическими силами, то затем массы (как это нередко бывало в истории со времен Древнего Рима) приветствовали восходящие диктатуры и склонились перед ними.

Послевоенная история Китая, Северной Кореи, Кубы, других стран неизменно свидетельствует, что тоталитарные режимы пользовались не фиктивным, а реальным мандатом народа на власть; фиктивной была лишь сверхвысокая степень их поддержки, фабрикуемая избирательным механизмом и официальной пропагандой.

Магия массовой пропаганды, лжестатистики и дезинформации в тоталитарных государствах такова, что на определенных отрезках времени правящие организации и вожди достигают своей главной цели – убеждают наибольшую часть населения в своей непогрешимости и незаменимости. Пребывая в такой убежденности, люди начинают бояться (порой панически) самой возможности смены вождя или системы власти в целом (вспомним, как искренне оплакивали смерть Сталина многие честные и неглупые советские граждане, не ведавшие о его преступлениях). Здесь под тоталитарными режимами заложена большая сила мина замедленного действия. Они перестают опасаться за свои тылы, начинают тяготеть к костности, из стадии революционаризма и обновления переходят в стадию консерватизма.

Парадокс истории, однако, в том, что будучи детищем острой социальной нестабильности, тоталитаризм в своей зрелой фазе проявляет уязвимость к малейшей нестабильности. Этот страх удерживает его от даже робких системных реформ; необходимость же реформ, императив модернизации оказываются, как это всегда случается в истории, силой, сметающей с пути не только предрержатели власти, но и политические системы. Именно таков опыт формирования, расцвета, упадка и слома тоталитарных механизмов в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Не таков пока опыт Китая, Северной Кореи, Кубы, – но история не кончается.

Поскольку часть человечества еще живет в условиях, где тенденции либерально-плюралистической демократии либо полностью отсутствуют, либо не подкрепляются необходимым уровнем общественного богатства и благосостояния народа, угроза возникновения тоталитарных режимов и перерастания авторитарных режимов в тоталитарные остается на повестке дня. В России угроза возрождения тоталитаризма сохраняется, поскольку не только не преодолена, но по ряду параметров увеличивается социальная нестабильность, которая усугубляется растущим материальным неравенством, общественным разочарованием, ощущением национальной ущемленности, ужасающим размахом коррупции и преступности. Общество с такими характеристиками – прекрасная питательная среда для утверждения авторитарных и тоталитарных тенденций.

ОБЗОР ДИСКУССИИ

На секциях и заключительном пленарном заседании конференции в центре обсуждения, как и следовало ожидать, были вопросы, поднятые в ходе второй части конференции, связанные с проблемами тоталитаризма и его преодоления. Некоторыми российскими участниками были критически восприняты вообще попытки сопоставления двух тоталитарных систем, но большинство обсуждало их по-деловому.

Х. Гребинг заметила, что в отдельных выступлениях звучало противопоставление результатов разрушения тоталитаризма в Германии и России. Она напомнила, что в Германии процесс освобождения от последствий нацистской диктатуры происходил долго и мучительно. Она выразила согласие с тем, что одним понятием "тоталитаризм" нельзя объяснить ни национал-социализм, ни советский строй; идентифицировать их не следует.

А. Борозняк говорил, что советская историография долго отвергала вообще понятие "тоталитаризм", а это неправильно. Он согласился и с мнением *Х. Гребинг*, что демократизация Германии и экономические реформы далеко не сразу дали плоды.

Р. Эккерт утверждал, что главными признаками тоталитарных режимов были диктатура и террор. Эти признаки характерны и для национал-социализма, и для коммунизма и по ним их можно идентифицировать.

Г. Тиммерман высказался против расширительного толкования "тоталитаризма". В Германии опасность национал-социализма была не сразу понята потому, что фашистскими объявляли все праворадикальные взгляды. Тоталитаризм имел массовую базу, но социал-демократия, подчеркивая, что гитлеризм был агентурой крупного промышленного капитала, поддержку нацистов народными низами недооценивала. Обращаясь к истории России, он высказал сомнение в том, что Октябрьская революция была единственным путем модернизации, полагая, что имелись и демократические возможности. Он не уверен, что Бухарин в споре со Сталиным имел на своей стороне большинство. Он предложил опубликовать тезисы докладчиков.

Е. Блосфельд уточнила, что, хотя понятие "тоталитаризм" – дитя XX века, но у него были предшественники в разные эпохи, в разных странах. Диктатуру и террор нельзя считать признаками, характерными только для фашизма и большевизма. Историк должен всякий раз конкретно анализировать причины, условия, сущность того или иного режима.

А. Цфасман подтвердил свое мнение, что, в отличие от послевоенной Германии, в отношении современной России нельзя пока утверждать, что процессы демократизации здесь уже необратимы.

Ю. Изгицкий заметил: в дискуссии прозвучали обе имеющиеся ныне в науке тенденции, что "тоталитаризм" может объяснить все и что термином пользоваться не следует. Он считает понятие политологическим, различает левый и правый тоталитаризм. Важно учитывать, что форма влияет на сущность, а средства – на цели.

Я. Дабкин, заключая дискуссию, подчеркнул важность того, что она состоялась, что имел место свободный обмен мнениями и суждениями, которые не во всем совпадали. Это естественно и нормально, ибо монополии на истину нет и быть не может.

Немецкие коллеги высказали мнение, что дискуссий на конференции могло бы быть больше. С этим нельзя не согласиться. Мы еще не преодолели того, что некоторые докладчики читают привезенные сообщения и не ведут полемики друг с другом. Но все же прогресс заметен. Хорошо, что выявилась общая платформа для дальнейших исследований и споров. Науке предстоит во многом разобраться: например, разработать критерии исторического компаративизма, временные и семантические границы использования понятия "тоталитаризм" и т.п. Для российских историков особенно важно сопоставить весомость аргументов тех, кто связывает начало тоталитаризма в нашей стране с Лениным или со Сталиным.

Несомненно полезным в обсуждении и решении этих и иных методологических и конкретно-исторических вопросов будет углубление нашего сотрудничества с германскими учеными. Материалы этой конференции мы постараемся опубликовать и в России и в Германии.

Мы глубоко признательны нашим гостеприимным хозяевам – волгоградцам за возможность плодотворной работы в их городе, хранящем славные исторические традиции.

Научное издание

Редакционная коллегия:
Я.С. Драбкин — ответственный редактор
А.И. Борозняк, В.Н. Попов, П.В. Шульце

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПРЕОДОЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА

Российско-германская конференция историков
в Волгограде (май 1995 г.)

Издательство
"Памятники исторической мысли"
115597 Россия Москва, ул. Воронежская, 38—334
ЛР № 063460 от 09.06.94

Подписано в печать 15.03.97. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 9,9. Усл. печ. л. 8,0.
Тираж 500 экз.
Заказ 1488

Отпечатано в России
в Московской типографии «Наука»
с готового оригинал-макета
Шубинский пер., 6.

Серия
РОССИЯ+ГЕРМАНИЯ+ЕВРОПА
Исследования, публикации

Вышли из печати

Вып. 1.

Курт Зонтхаймер
Федеративная республика Германия
сегодня
Основные черты политической системы

Вып. 2.

ТОТАЛИТАРИЗМ **В ЕВРОПЕ XX века**

Из истории
идеологий, движений, режимов
и их преодоления

Готовится к печати

Вып. 4.

Веймар и Бонн:
опыт двух
германских демократий
и Россия сегодня

Российско-германская конференция
историков в Челябинске (сентябрь 1996)